Г10 4/85

186 7/8 акад. годъ.

ИСТОРІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ЛЕКЦІИ,

читанныя

Ординарнымъ Профессор.

Ѳ. И. Буслаевымъ

Студентамъ II, III и IV курсовъ
Ист.-Фил. Фак. ИМ. Моск. Унив.

Изд. А. Мавродіади.

Литограф. Е. Астахова Яуз. ч. 2. кв. д. Лукиной Лист 1.

١١٨خ

Библіотека
Ивана Егоровича
Забѣлина.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 396169
" " ______ 193 г.

ИСТОРІЯ

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Г 10 4/85
139/

Предметомъ нашего курса будетъ исторія русскаго языка и литературы съ древнѣйшихъ временъ, т.е. отъ самыхъ раннихъ памятниковъ русской письменности. Я соединилъ васъ г. студентовъ 2-го, 3-го и 4-го курсовъ потому, что каждому изъ этихъ курсовъ въ разное время было предложено мною введеніе къ чтеніямъ, которымъ я посвящаю наступившій академ. годъ. Одни изъ васъ слушали исторію языка въ связи съ сравнит. грамматикою до эпохи выдѣленія русскаго языка изъ общей Индоевроп. жизни; другіе — подробное введеніе въ исторію литературы, третьи — сравнит. изученіе нар. поэзіи древнѣйшей эпохи. Начиная курсъ исторіи древнерусской литературы, не могу воздержаться, чтобы не выразить предъ вами того особеннаго удовольствія, съ какимъ я всегда обращаюсь къ нашей старинѣ. Русская литература новая, со временъ Петра В., не смотря на всѣ ея достоинства, не смотря на великое ея значеніе въ отношеніи цивилизаціи и прогресса — для изучающаго ее представляетъ одинъ существенный недостатокъ — она неоригинальна. Ея идеи и направленія рабски подчиняются общему теченію Европ. мысли. Она не вноситъ въ общую сокровищницу Европ. цивилизаціи чего-либо новаго, но старается передъ Западомъ зарекомендовать себя такою-же, какъ и онъ, цивилизованною. Такъ что самый лучшій способъ къ изученію нашей новой литературы — это изложеніе литературы Западной съ присовокупленіемъ кое-гдѣ подражаній и отраженія ея на литературѣ Западной. Напр. періодъ такъ наз. нашей ложно-классической литературы никоимъ образомъ не можетъ быть изучаемъ самъ по себѣ: самъ по себѣ онъ не имѣетъ никакого интереса. Отрицательное или сатирическое направленіе русской литературы имѣетъ своимъ

9188

источникомъ также западныя убѣжденія; поэтому – чтобы изучить взглядъ Фонъ-Визина, нужно опять таки обратиться къ западнымъ источникамъ, подъ вліяніемъ которыхъ этотъ взглядъ образовался. Карамзинъ безъ самаго подробнаго знакомства съ произведеніями зап. литературы необъяснимъ; самый лучшій комментарій къ его письмамъ будетъ подробное изложеніе зап. мысли того времени. Въ послѣднее время съ легкой руки Герцена, издавшаго сочиненіе Радищева – путешествіе изъ Петербурга въ Москву – этого писателя начинаютъ представлять какъ нѣчто необыкновенно великое, превосходное. Дѣйствительно, Радищевъ былъ личность недюжинная, но идеи его – идеи равенства, уваженія къ человѣчеству, ненависть къ крѣпостному состоянію – не принадлежатъ ему самому: онъ былъ самый вѣрный послѣдователь двигателей франц. революціи. Нашъ баснописецъ Крыловъ представляетъ тоже самое: отнимите наружность каждой басни – слогъ, выраженіе – и вы найдете переводъ Лафонтена, Геллерта и др. О Жуковскомъ говорить не буду. Хотите изучить Пушкина – вы не въ состояніи понять его безъ Байрона. Лермонтовъ въ этомъ отношеніи составляетъ дополненіе съ нѣкоторыми новыми элементами, разработанными Гоголемъ. Ко времени Пушкина относится историч. романъ, представителями котораго – Загоскинъ, Лажечниковъ. Если вы не знаете Вальтеръ-Скотта, не знаете, какъ образовался въ немъ этотъ стиль – вы не въ состояніи объяснить историч. романъ на Руси. Съ 40-хъ годовъ начинаетъ господствовать направленіе реальное, кот. въ поэзіи возводится до идеаловъ. Чтобы судить о Гоголѣ, надо изучить Диккенса; когда онъ писалъ „Мертвыя души", Диккенсъ былъ любимый его писатель.

Эта заимствованная литература, постоянно идущая по слѣдамъ Европ. цивилизаціи, имѣетъ для народа великое значеніе, кот. что ведетъ его по пути прогресса, но вмѣстѣ съ тѣмъ удерживаетъ его на такой степени полуобразованной посредственности, кот. въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ бываетъ хуже полнаго невѣжества. Не давая высшихъ оригинальныхъ образцевъ истинной цивилизаціи, такая литература вмѣстѣ съ тѣмъ вноситъ въ жизнь разладъ, возбуждая вражду къ своему прошедшему и къ своей національности.

Чтобы стать выше посредственности, вносимой въ русскую жизнь новою подражательною литературой, надобно обращаться къ ея источникамъ и образцамъ, на нихъ воспитываться и изъ нихъ почерпать критическіе взгляды для оцѣнки явленій новой русской литературы. Потому-то исторію общей литературы, литературы западной – я считаю не только предметомъ, вносящимъ истинное образованіе, но и такимъ, кот. составляетъ нераздѣльное цѣлое съ исторіею русской литературы отъ Петра Великаго.

Иное дѣло – литература древняя. Не смотря на ея однообразіе, не смотря на груды рукописей, переведенныхъ съ Византійскаго, вся она проникнута оригинальностью. Она медленно, туго выростаетъ вмѣстѣ съ народомъ;

она коснѣла въ теченіи столѣтій и разросталась только географически — вмѣстѣ съ разселеніемъ народа. Въ тиши подготовляла она въ русскомъ народѣ тѣ способности, съ которыми онъ такъ легко усвоилъ себѣ европ. цивилизацію, пот. что XVII вѣкъ былъ естественнымъ приготовленіемъ реформы Петра В. и литературы послѣпетровской; и въ свою очередь XVII вѣкъ постепенно выводитъ литературу изъ XVI в., въ которомъ Москва сосредоточила въ себѣ древнія литературныя преданія Новгорода, Пскова и другихъ старыхъ городовъ.

Всю литературную дѣятельность ограничивать литературой новою, отъ Петра В., все спасеніе Руси видѣть въ Петровской реформѣ, значило-бы не признавать законности и прочности въ русской жизни — ни этой реформы, ни всей новой русской литературы. Въ послѣдніе 150 лѣтъ Русскіе стали такими потому, что были къ тому подготовлены прежде.

Какъ высшіе классы общества (родовая, служебная или умственная аристократія) составляютъ только малую часть населенія, такъ и русская литература цивилизованная — составляетъ только одинъ изъ элементовъ литературнаго развитія русскаго народа.

Старинныя рукописи отъ XVI и XVII вв. переписывались на Руси въ теченіи всего XVIII в., а иныя даже въ текущемъ столѣтіи. Многія изъ произведеній русской литературы XVII в., на пользу современныхъ потребностей, печатались впервые только въ XVIII в. Большая часть лубочныхъ изданій и вообще нар. книгъ ведетъ свое начало отъ XVII в., характеръ котораго имѣютъ и книги, составленныя при Петрѣ В.

Наконецъ народъ досели сохранилъ въ неистощимомъ обиліи сокровища нар. эпоса, кот. своимъ началомъ восходитъ до временъ историческихъ, и потому сопутствуетъ всей жизни русскаго народа во всѣхъ ея главныхъ періодахъ: такъ что нар. поэзія не предшествуетъ искусственной, а идетъ съ нею рядомъ и по громадному своему распространенію въ русской жизни охватываетъ собою литературу русскую искусственную.

Высокое значеніе русской національности состоитъ не въ томъ, что она покорно подчинилась общему ходу европ. цивилизаціи, а въ томъ, что усвоивъ себѣ ея плоды, она осталась самостоятельною, и эта самостоятельность выразилась не въ искусственной литературѣ, а во всемъ литературномъ строѣ русскомъ, кот. в особенности ясно высказывается въ нашей литературѣ древней и народной.

И такъ начнемъ исторію русской литературы сначала. Основываясь на нѣкоторыхъ критическихъ соображеніяхъ, русскую словесность можно-бы начинать отъ эпохи доисторической, къ которой позволительно относить разные миѳическіе намеки и нѣкоторые мотивы русскаго нар. эпоса. Но такъ какъ мы строго будемъ держаться письменныхъ данныхъ и точныхъ памятниковъ, то не ранѣе XI в. можемъ начать исторію нашей литературы.

Лекція II. Исторія русской литературы по памятникамъ началась не ранѣе XI в. — эпоха довольно ранняя, если имѣть въ виду позднее развитіе восточной Европы и вообще Славянъ; но сравнительно съ другими народами — эпоха довольно поздняя. Въ прежнее время, когда начали разрабатывать исторію русской литературы съ точки зрѣнія славянофиловъ (пот. что въ ихъ средѣ началась эта разработка) — думали видѣть въ исторіи русской словесности большую древность, нежели у другихъ европ. народовъ. По крайней мѣрѣ проф. Шевыревъ, начиная курсъ исторіи русской словесности и сравнивая начало литературы русской и другихъ европ. народовъ — отдаетъ преимущество первой. Въ настоящее время, когда разработанъ древнѣйшій періодъ литературъ западныхъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что литература русская отстала отъ литературъ романскихъ. Нѣмцы ведутъ свою литературу отъ IV в., къ которому относится переводъ библіи на готскій языкъ Ульфилою. Потомъ (по памятникамъ, а не по преданіямъ) отъ VIII в.: въ рукописи этого столѣтія нѣмцы имѣютъ пѣсню о Гильдебрандѣ; правда, это отрывокъ, именно знаменитый эпизодъ изъ эпоса о битвѣ Гильдебранта съ его сыномъ Гудебрандомъ. Въ IX в. — коротенькая пѣсня о побѣдѣ Людовика Нѣмецкаго надъ Норманнами носитъ на себѣ несомнѣнный характеръ современности; видно, что эта пѣсня родилась подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія (относящагося къ 881 г.). Затѣмъ въ рукописяхъ X в. находятся два заклятія, заговора (довольно коротенькіе). Это произведенія собственно древненѣм. нарѣчія. Въ нарѣчіи англо-саксонскомъ мы имѣемъ отъ VII в. цѣлую поэму. Это уже не только собраніе отрывочныхъ пѣсенъ, но цѣлая, искусственно обработанная поэма о Беовульфѣ: мѣстностью этой поэмы — Данія. Что въ VIII в. было много между племенами германскими пѣсенъ въ устахъ народа, свидѣтельствуетъ намъ повелѣніе Карла В. — собрать нар. пѣсни на нѣм. нарѣчіяхъ — безъ сомнѣнія франкскія, а может быть и другія. Т. о. ничего нѣтъ удивительнаго, что въ половинѣ XI в. въ Исландіи Семундъ Мудрый, лицо духовнаго званія, собралъ пѣсни, извѣстныя подъ именемъ пѣсенъ древней Эдды. Это — отдѣльные эпизоды великаго нѣм. эпоса, кот. своими преданіями восходитъ къ IV–V вв., такъ что еще во многихъ мѣстахъ чувствуются свѣжіе слѣды современности Аттилы. Пѣсни носятъ на себѣ всю свѣжесть первобытнаго творчества, имѣютъ въ себѣ много драматическаго, лирическаго порыва, многое въ нихъ недосказано, что предполагается извѣстнымъ, — слѣд. нѣтъ въ нихъ широкаго развитія, — это тѣ элементы, изъ которыхъ составляется нар. эпосъ.

Романская литература возникла позднѣе, пот. что романскія племена долгое время пользовались латинскою письменностью. Однако и эта литература — едва только возникла, такъ быстро начала развиваться,

что уже въ XII в. представляется въ полномъ своемъ развитіи на Югѣ Франціи въ Провансѣ – поэзія трубадуровъ, и на Сѣверѣ – поэзія труверовъ. Испанская поэзія также развивается съ XII в. Наконецъ въ XIII в. развивается поэзія Итальянская. Къ XII в. относится на Сѣверѣ Франціи – пѣснь о Роландѣ; къ XII–XIII в. риомованная хроника и поэма о Сидѣ: оба эти произведенія имѣютъ характеръ искусственный, хотя слѣды первобытнаго нар. творчества очевидны. Т.о. если литература романскихъ племенъ развивалась гораздо позднѣе литературы Германской, то за то она раскрылась въ полномъ блескѣ своей искусственности и въ XII в. начала дѣйствовать на герм. литературу, а въ XIII в. подчинила ее себѣ. Это – время развитія готич. стиля, кот. возникъ среди ром. племени и распространился вскорѣ между Германскими.

Обращаясь къ Славянамъ, мы видимъ другія судьбы въ исторіи литературы. Отодвинутые на Востокъ и Юговостокъ – они составили отдѣльный отъ Запада міръ. Литература и искусство на Западѣ обязано раннимъ и сильнымъ своимъ развитіемъ двумъ главнѣйшимъ причинамъ: 1) энергической національности нѣмецкихъ племенъ – это элементъ варварскій, миоическій, свѣжій, – и 2) классическимъ преданіямъ античной жизни, преданія, кот. запечатлѣли памятниками самую почву романскихъ племенъ не только въ Италіи, но и въ южной Франціи – мосты, термы, амфитеатры и пр. Это явленіе въ самой жизни, запечатлѣвшее самую почву романскихъ племенъ, соотвѣтствуетъ еще болѣе важному явленію – именно въ языкѣ, кот. выработался изъ провинціальныхъ латинскихъ говоровъ. Вотъ двѣ главныя причины, почему литература на Западѣ раньше и энергичнѣе раскрылась, нежели у Славянъ. Что же касается до Славянъ, то они очень рано уступили Германцамъ въ энергическомъ развитіи своихъ національныхъ силъ, если положить, что они рано сосѣдили съ Германцами и заодно участвовали въ переворотахъ. Славяне не имѣли своей Древней Эдды, хотя остатки миоич. преданій показываютъ, что и у Славянъ когда-то была довольно полная миоологическая система. Съ другой стороны Славяне на своей почвѣ, за немногими исключеніями (Славяне, жившіе въ Греціи), не нашли монументальныхъ слѣдовъ жизни античныхъ народовъ. А какъ важенъ античный элементъ въ образованіи Европ. жизни, показываетъ намъ то обстоятельство, что раньше развились тѣ Славяне, кот. раньше могли соприкасаться съ античными элементами – Славяне греческіе. Этимъ объясняется блистательный вѣкъ царя Симеона болгарскаго. Итакъ Славяне – народъ новый: послѣ періода классическаго, античнаго – и послѣ романцевъ, Славяне составляютъ новый, 3-й слой въ исторіи цивилизаціи. Замѣчательно, что какъ германо-романскія племена примыкаютъ къ Западу, такъ Славяне къ Востоку, и чѣмъ Славяне восточнѣе,

тѣмъ самостоятельнѣе, и чѣмъ западнѣе, тѣмъ болѣе теряютъ свою самостоятельность. Отсюда преимущество ЮгоВост. Славянъ противъ западныхъ, кот. подчинили свою цивилизацію католицизму и Германизму, хотя они и образованнѣе, но эта образованность не ихъ: они ничего не внесли новаго въ исторію цивилизаціи, и слѣдуютъ только за тѣмъ, что сдѣлали Нѣмцы. Если въ племенахъ Германскихъ только въ раннюю эпоху, эпоху переселенія народовъ и образованія государствъ, процвѣтала нар. поэзія, если эпосъ у романскихъ народовъ уже въ XII в. имѣлъ искуственный характеръ (пѣсня о Роландѣ, поэма о Сидѣ), если другія ром. племена (Провансальцы) не сохранили и слѣдовъ нар. эпоса, кот. былъ такъ далеко, что и преданія о немъ изсякли, — то у Славянъ, кот. выступили въ европ. цивилизаціи позднѣе, и поэзія народная сохранилась до позднѣйшаго времени и живетъ, и не изсякаетъ даже до нынѣ. Такъ какъ національность Славянъ Восточныхъ самостоятельнѣе, то и поэзія народная преимущественно развивалась у Славянъ Восточныхъ — именно эпосъ болгаро-сербскій и русскій. Начатки эпоса чехо-польскаго были поглощены западнымъ, чужеземнымъ вліяніемъ. Впрочемъ надо замѣтить, что національность Чеховъ была энергичнѣе польской національности, кот. болѣе всего сгладилась подъ напоромъ Германизма и католицизма. Однако, не смотря на то, что западныхъ Славянъ рано обуяло латинство, кот. стерло (по крайней мѣрѣ въ Польшѣ) всѣ слѣды національной литературы, — древнѣйшія литературныя произведенія <u>записанныя</u> — принадлежатъ Славянамъ Западнымъ, пот. что они раньше Славянъ Восточныхъ могли образоваться черезъ сношенія съ западными народами. Т. о. Чехи имѣютъ уже записанными — въ IX в. Судъ Любуши; въ Краледворской рукописи XIV в. сохранились краткія поэмы по содержанію относящихся къ эпической древности; въ XIV–XV в. имѣютъ хронику Далимила въ стихахъ; отъ 1202 г. — Чешскій словарь въ глоссахъ — Mater Verborum. Такъ какъ ЮВ. славяне въ своемъ разселеніи на Югъ довольно далеко ушли отъ западныхъ — къ Венеціи чрезъ Штирію, въ Баварію (Славенцы и Хорутанцы), то не мудрено, что въ древнѣйшую эпоху по вліянію Западному мы встрѣчаемъ памятники этихъ нарѣчій, записанные латинскими буквами: сюда относятся три статьи на нарѣчіи хорутанскомъ (2 исповѣди и 1 поученіе), найденные въ монастырѣ Корбельяна.

Но на Западѣ Славянскимъ литературамъ не суждено было развиваться; всѣ онѣ рано изнемогли подъ умственнымъ вліяніемъ Запада. Собственно Славянская литература ведетъ свое начало

на Востокѣ — отъ славянъ болѣе образованныхъ, имѣвшихъ сношенія съ античною культурой — отъ славянъ, населявшихъ Сѣверную Грецію. Солунь — вотъ мѣсто, отъ котораго мы ведемъ исторію своей письменности и литературы; эта мѣстность была одною изъ самыхъ образованныхъ въ исторіи Визант. литературы и искусства, мѣстность, кот. въ X, XI и XII вв. находилась въ тѣсной связи съ Аѳонскою горою, такъ что образованность Аѳонской горы и Солуни составляютъ одно цѣлое. Не буду говорить здѣсь о переводѣ Св. Писанія на славянскій языкъ (что относится къ болѣе спеціальнымъ курсамъ), но замѣчу, что это великое дѣло создало очень рано въ Болгаріи цѣлую литерат. школу, нашедшую себѣ покровителя въ болгарскомъ царѣ Симеонѣ. Къ этой-то школѣ относится Іоаннъ экзархъ болгарскій, переводъ І. Дамаскина, Григорій іеромонахъ болгарскій, переводъ хроники Малалы, наконецъ черноризецъ Храбръ, отъ котораго мы имѣемъ хотя краткія, но драгоцѣнныя свѣдѣнія о слав. письменности и азбукѣ — какъ славяне изображали въ письмѣ звуки своего языка до Кирилла и Меѳодія.

Чтобы составить себѣ понятіе о литературныхъ интересахъ славянъ X вѣка — болгаръ — славянъ, слѣдовавшихъ въ своихъ переводахъ цивилизаціи Византійской — лучше всего обратиться къ Сборнику, кот. былъ переведенъ съ грец. языка для царя Симеона. Это-тотъ сборникъ, кот. въ 1073 г. въ Кіевѣ былъ переведенъ для князя Святослава. Это (Сборникъ Святославовъ) — цѣлая энциклопедія того времени, памятникъ въ высшей степени важный, кот. вводитъ насъ въ среду литературныхъ, богословскихъ, ученыхъ интересовъ Болгаріи X в. и указываетъ на тѣсную связь древней русской литературы съ литературою болгарскою. Так. образомъ отъ общаго обозрѣнія мы пришли теперь въ самую средину литературы русской XI вѣка.

Л е к ц і я III. Надобно было пройти нѣсколькимъ десятилѣтіямъ отъ крещенія Руси (988 г.), чтобъ стало водворяться на Руси книжное просвѣщеніе, разумѣется, подъ вліяніемъ духовенства и при содѣйствіи княж. власти и притомъ только въ главныхъ княж. городахъ, сначала въ Кіевѣ, а потомъ въ Новгородѣ.

Вотъ любопытное свидѣтельство самого Нестора, помѣщенное имъ подъ 1073 г. " Въ лѣто 6545. Заложи Ярославъ городъ великый Кыевъ, у него же града суть Златая врата (по образцу Византіи, потом и въ другихъ городахъ); заложи же и церковь святыя Софья, митрополью, и посемъ церковь на золотыхъ воротѣхъ Святое Богородицѣ благовѣщенье, посемъ Святаго Георгія монастырь и святыя Ирины. И при семъ нача вѣра хрестьяньская плодитися и расширяти и черноризьци почаша множитися и манастыреве починаху быти. И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше повелику, излиха же черноризьцѣ, и книгамъ прилежа и почитая е

часто въ нощи и въ дне; и собра писцъ многы, и прекладаше отъ Грекъ на Словѣньское писмо, и списаша книгы многы, и сниска, имиже поучащеся вѣрніи людье, наслаждаются ученья божественнаго. Якоже бо се нѣкто землю розореть, другый-же насѣеть, инии же пожинають и ядять пищю бескудну: тако и св. отецъ бо сего Володимеръ взора и умягчи, рекше крещеньемъ просвѣтивъ: сь же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людій, а мы пожинаемъ, ученье пріемлюще книжное..." Потомъ за похвалою книгамъ, напоминающею статью о почитаніи книжномъ во 2-мъ Сборникѣ Святослава, Несторъ присовокупляетъ: Ярославъ же се, якоже рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ; многы написавъ положи въ церкви св. Софьи (первая библіотека), юже созда самъ; украси ю златомъ и сребромъ и съсуды церковными, въ ней-же обычныя пѣсни Богу въздають въ годы обычныя. И ины церкви ставляше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая имъ отъ имѣнья своего урокъ (уреченную часть), веля имъ учити люди, понеже тѣмъ есть поручено Богомъ, и приходити часто къ церквамъ; и умножишася пресвутери, людье хрестьянстіи."

Изъ этого свидѣтельства явствуетъ:

1) Ярославъ довершилъ начатое отцемъ его Владиміромъ — просвѣщеніе христіанское. За крещеніемъ слѣдовало книжное ученіе, т. е. начатки литературы и письменности въ смыслѣ каноническомъ, церковномъ.

2) Школы, по свидѣтельству Нестора, были основаны еще Владиміромъ, но не могли укорениться: онѣ были назначены только для людей лучшихъ, а не для народа. "Володимеръ — говоритъ Несторъ — "пославъ нача поимати у нарочитое чади дѣти, и даяти нача на ученье книжное; матере-же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвеци плакахуся." При Ярославѣ-же — почва, вспаханная Владиміромъ, уже была засѣяна книжными словесами, — теперь школы утвердились, вошли въ жизнь.

3) Ученіе книжное разумѣлось въ связи съ благолѣпіемъ церковнымъ и съ благочестіемъ, степень котораго лѣтописецъ опредѣляетъ чествованіемъ духовенства и любовью къ попамъ и черньцамъ.

4) Ярославъ уже самъ былъ грамотенъ и безъ сомнѣнія обучалъ книжному ученію и своихъ дѣтей. Нѣкоторые изъ нихъ по тому времени были довольно образованы. Всеволодъ, отецъ Владиміра Мономаха — по свидѣтельству «Поученія Владиміра дѣтямъ» — и дома сѣдя разумѣя на пять языкъ: въ томъ бо честь есть отъ инѣхъ земель." Книжное образованіе Владиміра Мономаха засвидѣтельствовано его собственными сочиненіями.

5) Ученіе книжное, какъ существенное дополненіе къ просвѣщенію христіанскому, было основываемо и распространяемо князьями.

при пособіи духовенства, и сначала между людьми мужчинами, нарочитыми."
Ярославъ повелѣлъ писцамъ переписывать книги и даже переводить съ
Греческаго на славянскій. Такъ шло и далѣе. Въ Новгородѣ для Влади-
міра Ярославича, кот. во всемъ подражалъ отцу и, вѣроятно, былъ
человѣкъ книжный — переписывались книги пророческія въ 1047 г. Подлинный
списокъ не дошелъ до насъ; но сохранилось нѣсколько копій XV и XVI вв.;
самый достовѣрный списокъ книгъ пророческихъ находится въ Геннадіевой
библіи 1499 г. Вотъ что значится въ послѣсловіи: „Слава тебѣ Ги црю нбсный.
яко сподоби мя написати книги си. ис коуриловицѣ кнзю володимиру
новѣгородѣ княжащю. сынови ярославлю болшему. почахъ же ѣ писати.
в лѣ ҂ѕ. фнє. мца маа. ді. а кончах того же лѣта. мца. декабрѧ. въ ѳі. азъ
попъ оупирь лихыи. Тѣмъ же молю всѣ прочитати пророчество се. Велика бо
чюдеса написаша намъ сии пророци. в сихъ книгахъ. здоровъ же княже буди
въ вѣкъ жи(ви). но обаче писавшаго не забываи." Въ 1056-57 г. въ Новгородѣ же
было написано Евангеліе Остромірово; въ послѣсловіи къ нему говорится:
"Написахъ же еѵлие се. рабоу божию нареченоу с҃щоу въ крщении иосифъ.
а мирьскы остромиръ. близокоу с҃щоу изяславоу кънязоу тогда прѣдрь-
жащоу обѣ власти. и оц҃а своего ярослава. и брата своего володимира.
самъ же изяславъ кънязь правлаше столъ оц҃а своего ярослава кыевѣ.
А брата своего столъ поручи правити близокоу своемоу остромироу
новѣгородѣ. (Слѣд. по свидѣтельству этого памятника — и намѣстники
стали принимать участіе въ распространеніи письменности). Мънога же
лѣ. дароуи бъ сътяжавъшоумоу еѵлие се. на оутѣшение мъногамъ дшамъ
крестиіаньскамъ. даи емоу гь бъ блгние стыхъ. еванелистъ. иоана. маѳея.
лоукы. марка. и стыхъ праѿць. авраама. и исаака. и иякова. самомоу емоу.
и подроужию его. Ѳеофанѣ. и чадомъ его и подроужиемъ чадъ ею. съдравь-
ствоуите же мънога лѣ. съдрьжаще пороученое свое:. аминъ :. Азъ григории
диякон. написахъ еѵлие е. да иже горазнѣе сего напише. то не мози зазь-
рѣти мънѣ грѣшьникоу.:.. Затѣмъ, и., по времени слѣдуетъ сборникъ
Святослава, кот. очевидно былъ переписанъ въ Кіевѣ для этого князя;
но послѣсловіе этого памятника очевидно также списано съ послѣ-
словія болгарскаго, пот. что Святославъ восхваляется, какъ чело-
вѣкъ весьма образованный, сравнивается съ Птоломеями, говорится, что
у него большая библіотека, что у него цѣлыя школы переводчиковъ, что
онъ рекомендуетъ имъ переводить съ Греческаго — однимъ словомъ — все, что гово-
рится здѣсь, разумѣется о другомъ человѣкѣ. Но годъ написанія, упоми-
новеніе Великаго Князя Святослава; самый языкъ списка указываютъ на
Кіевъ: "Въ лѣто ҂ѕфпи написа иоаннъ діакъ изборьникъ сь. великоумоу
князю Стославоу.

Какъ Ярославъ, покровительствуя письменности и ученію книжному,
вмѣстѣ покровительствовалъ и искусству въ построеніи церквей,

украшеніемъ ихъ, такъ и рукописи вмѣстѣ съ тѣмъ - предлагаютъ и образцы древней живописи. Въ Остр. Евангеліи, кромѣ отличныхъ заглавныхъ буквъ и заставокъ, помѣщены миніатюры съ изображеніемъ трехъ Евангелистовъ - Іоанна, Луки и Марка. Безъ сомнѣнія эти миніатюры сняты съ греч. образцовъ, но только неизвѣстно - эти греч. образцы непосредственно-ли достались въ руки нашего писца или чрезъ болг. подлинника: Подписи частію греческія, частію такія русскія, кот. были сдѣланы въ Новгородѣ, а не въ Болгаріи - 1) въ кругѣ стоитъ А (ἅγιος): ⓐ ἰω̃ ὁ Θεόλογος. 2) Въ другомъ кругѣ стоитъ также А: ⓐ и слово съ греч. окончаніемъ, но написанное по славянски и притомъ такъ: ЛѪКАС; надо полагать, что писецъ имѣлъ подъ рукою какую нибудь миніатюру въ греч. Евангеліи. Далѣе - при каждомъ Евангелистѣ изображенъ и его символъ, - т. о. при Лукѣ - телецъ и при немъ подпись, сочиненная, очевидно, русскимъ писцомъ и очень наивно выраженная: симъ образомъ тельчимъ д҃хъ стыи явися лѫцѣ." 3) Евангелистъ Маркъ держитъ книгу и на ней написано: "ѿ марька стаго еванг чътение. Также и Изборникъ Святославовъ со многими миніатюрами и заставками; но важнѣйшие изъ миніатюръ - портретъ Князя Святослава и его семейства, интересные по костюмамъ.

Просвѣтительная дѣятельность князя Ярослава не ограничивалась письменностью церковною. Еще будучи княземъ новгородскимъ, собралъ онъ судебные уставы, кот. еще и доселѣ сохранились подъ именемъ: „Судъ Ярославль Володимеровича Правьда Руськая". Потомъ изъ Новгорода Русская Правда была перенесена въ Русь южную, а сыновья и внуки Ярослава дѣлали въ ней измѣненія и прибавленія (какъ свидѣтельствуетъ самый памятникъ этотъ) - сначала Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ со своими мужами совокупилися вмѣстѣ (отложиша убіеніе за голову, нъ кунами ся выкупати, а иноже все - якоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша), потомъ, послѣ Святополка - Владиміръ Мономахъ, собравши свою дружину на Берестовомъ - тысяцкихъ Кіевскаго, Бѣлогородскаго, Переяславскаго и другихъ - внесъ въ Русскую Правду новый уставъ о рѣзѣ (или процентѣ).

Въ дополненіе къ этому обзору древней письменности надобно еще упомянуть о Владимірѣ Ярославичѣ; для котораго попъ Упырь Лихій переписалъ пророческія книги. Какъ Ярославъ украсилъ Кіевъ новыми зданіями и заложилъ въ немъ церковь Св. Софіи, такъ сынъ его Владиміръ "въ лѣто $\frac{6553}{1045}$ заложи Св. Софью Новгородѣ" и, какъ Ярославъ, велѣлъ положить туда переписанныя книги: это древнѣйшая библіотека для письменности Новгородской; здѣсь въ 1282 г. былъ переписанъ и положенъ Номоканонъ для церкви Новгородской. -

<u>Лекція</u> IV. При Владимірѣ еще вполнѣ господствовало вліяніе Византійское. Вотъ что говоритъ Несторъ подъ 989 г.: «Посемъ же Володимеръ живяше въ законѣ хрестьяньстѣ, помысли создати церковь пресвятыя Богородицы, пославъ приведе <u>мастеры отъ Грекъ</u>. И наченши же здати, и яко сконча зижа, украси ю иконами, и поручи ю Настасу Корсунянину, и попы Корсуньскыя пристави служити въ ней, вдавъ ту все <u>еже бѣ взялъ въ Корсуни, иконы и съсуды, и кресты</u>." Такъ какъ литература и письменность состоятъ въ связи съ искусствомъ, то это указаніе вполнѣ соотвѣтствуетъ стилю первоначальной письменности нашей. Какъ произведенія иконописи были у насъ Греческія, такъ и стиль архитектурный былъ у насъ Византійскій. Можно даже сказать съ достовѣрностью, что до принятія Христіанства въ Россіи — или до сношеній съ Греками — построекъ каменныхъ въ Россіи не было. Это были города (городить тынъ, забрало, рубить хоромы — постоянныя выраженія того времени). Что касается до построекъ каменныхъ, то самая исторія языка свидѣтельствуетъ, что самое необходимое для кирпичныхъ построекъ вещество — <u>известь</u> — есть слово греческое — ἄσβεστος; сооружались древнія постройки въ стилѣ романскомъ, съ круглыми сводами, кот. назывались <u>комарами</u> (грец. καμάρα); въ противоположность <u>клетямъ</u> существовали встарину палаты — отъ греч. слова παλάτιον; даже <u>теремъ</u> имѣетъ въ греч. языкѣ соотвѣтствующее названіе τέρεμνον.

Мы видѣли, что Ярославъ соорудилъ храмъ Св. Софіи въ Кіевѣ по образцу Византійскому, а сынъ его воздвигъ такой же храмъ въ Новгородѣ. Вѣроятно, тотчасъ же по сооруженіи храмовъ во имя Св. Софіи и въ Кіевѣ и въ Новгородѣ, оба храма были украшены живописью и мозаикой.

Изъ многихъ изображеній Кіевской Софіи особенно замѣчательны: колоссальное изображеніе Богоматери съ воздѣтыми руками, издавна извѣстное подъ именемъ <u>Нерушимой стѣны</u>. Въ самомъ верхнемъ ярусѣ, почти на сводѣ алтаря.

Въ среднемъ ярусѣ, отдѣленномъ отъ верхняго мозаическою полосою — <u>Тайная Вечеря</u>. Посреди стоитъ престолъ подъ сѣнію, съ двумя ангелами у заднихъ угловъ. У передняго угла съ правой стороны Спаситель обѣими руками преподаетъ Св. тѣло шести Апостоламъ, подходящимъ къ нему поочередно. У другого передняго угла слѣва — опять изображенъ Спаситель: тутъ Онъ преподаетъ Свою Кровь другимъ шести Апостоламъ. Это древнѣйшій образецъ для изображенія Тайной Вечери и у насъ и на Западѣ. Ему долго слѣдовали русскіе иконописцы.

Направо отъ Царскихъ вратъ — Дѣва Марія съ <u>веретеномъ въ рукѣ</u>. Налѣво — благовѣствуетъ Архангелъ Гавріилъ. Въ древнерусской иконописи

часто попадается въ изображеніи Благовѣщенія — Дѣва Марія съ веретеномъ. Касательно Новгородскаго Софійскаго собора есть древнія свидѣтельства, что при Владимірѣ Ярославичѣ, соорудившемъ этотъ соборъ, греческіе мастера изобразили въ немъ икону св. Софіи.

Изъ стѣнныхъ изображеній въ Новгородскомъ храмѣ особенно замѣчателенъ образъ І. Христа, написанный, какъ и въ Цареградскомъ Софійскомъ соборѣ, подъ самымъ куполомъ. Объ этомъ изображеніи сохранилась въ лѣтописяхъ слѣдующая мѣстная, Новгородская легенда:

Церковь Софіи Премудрости Божіи создана была повелѣніемъ Князя Владиміра Ярославича. А дѣлали ее 7 лѣтъ, а мастера иконописцы были изъ Цареграда, а освящена была при Архіепископѣ Лукѣ. И написали иконописцы во главѣ церковной Спасовъ образъ съ благословляющей рукою. На утро пришелъ въ храмъ архіепископъ Лука и видитъ изображеніе Спасителя съ рукою сжатою; велѣно было переписать руку по прежнему, и трижды передѣлывали иконописцы руку, и всякій разъ на другое утро она являлась сжатою. На четвертое-же утро былъ отъ иконы голосъ: «Иконописцы! Не пишите Меня съ благословляющею рукою, потому что Я держу въ своей рукѣ Новгородъ; а когда разожмется эта рука Моя, тогда Новгороду будетъ скончаніе.»

Такъ проникнута мѣстными Новгородскими интересами эта прекрасная легенда о сжатой рукѣ Спасителя: будто-бы съ этимъ изображеніемъ символически была связана самая судьба великаго Новгорода. Въ этой сжатой рукѣ народъ видѣлъ вѣрный залогъ своего историч. бытія, своей славы и могущества. Эта легенда поддерживала національныя силы и привязывала къ родной сторонѣ.

Было упомянуто, что наши древнѣйшія сказанія указываютъ на связь нѣкоторыхъ христ. преданій древней Руси не только съ Востокомъ, съ Цареградомъ, но и съ Западной Европой.

Какими-бы путями не распространялось вліяніе Запада на христ. Русь отъ XI-го до XII в., но слѣды его существованія несомнѣнны и въ южной и въ сѣв. Руси. Въ Новгор. области еще въ XII в. матери носили своихъ дѣтей для молитвы къ Варяжскимъ попамъ, за что подвергались эпитимьѣ на 6 недѣль, какъ двоевѣрныя. Въ XI и XII вв. Святители Русскіе неоднократно разрѣшали нашимъ князьямъ недоумѣнія касательно отличія вѣры Латинской или Варяжской отъ православной. Такъ о вѣрѣ латинской писали посланія — Θеодосій Печерскій къ Изяславу Ярославичу, Митрополитъ Никифоръ къ Владиміру Мономаху. Θеодосій Печерскій (+1074 г.) въ своемъ посланіи свидѣтельствуетъ, что въ его время

исполнилась наша земля людей латинскаго вѣроисповѣданія: понеже по всей земли Варяги суть; потому великая отъ нихъ бѣда Православнымъ Христіанамъ, между ними живущимъ."

Точно такъ и древнѣйшія литерат. сказанія признают Варяговъ проводниками западнаго вліянія. Но такъ какъ латинскій элементъ, по русскимъ убѣжденіямъ, долженъ покоритъся Византійскому, то дѣйствующія лица нашихъ сказаній изъ лат. вѣры переходятъ въ Православіе, и все западное, латинское получаетъ высшее освященіе только тогда, когда подчиняется началу Восточнаго Православія.

Изъ многихъ преданій первое мѣсто занимаетъ сказаніе о Каменной Печерской церкви Успенія Пресвятой Богородицы. Хотя это сказаніе, внесенное въ Кіево-Печерскій Патерикъ, получило литерат. обработку уже въ XIII в. подъ перомъ Симона, Епископа Владимірскаго и Суздальскаго († 1226 г.), однако оно дошло до него по древнѣйшему устному преданію, издавна существовавшему въ Печерскомъ монастырѣ, гдѣ Симонъ нѣкогда былъ монахомъ.

Предполагая извѣстными основателя монастыря и первыхъ дѣятелей въ немъ на пользу русскаго просвѣщенія, т.е. Иларіона, выкопавшаго пещеру въ Днѣпровской горѣ, Антонія, въ ней поселившагося и основавшаго монастырь († 1073 г.) и Θеодосія, давшаго монастырю уставъ († 1074 г.), приступаю къ самому сказанію или повѣсти.

Въ землѣ Варяжской былъ князь Африканъ, братъ Якуна Слѣпаго, кот. съ полкомъ своимъ сражался за Ярослава противъ лютаго Мстислава. У Африкана были 2 сына — Фріандъ (очевидно отъ frijan — любить, frijund, freund) и Шимонъ. По смерти отца Якунъ изгналъ обоихъ сыновей изъ ихъ области (какъ это часто случалось между Норманами вообще и особенно на Скандин. сѣверѣ). Изгнанный Шимонъ пришелъ в Русь къ Ярославу, кот. принялъ его съ честью и отдалъ его сыну своему Всеволоду, чтобы былъ у него первымъ старѣйшиною. И Шимонъ принялъ великую власть у Всеволода и имѣлъ великую любовь къ Печерскому монастырю, только что тогда получившему свое начало.

Когда въ княженіе Изяслава Половцы напали на русскую землю, противъ нихъ вооружились и пошли князья Ярославичи — Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ съ Шимономъ. Передъ битвою Антоній Печерскій далъ Шимону благословеніе и предсказалъ, что многіе будутъ убиты, но что онъ — Шимонъ — будетъ спасенъ и потомъ погребенъ въ церкви, кот. самъ построитъ. Такъ и случилось. Русскіе были побѣждены Половцами;

вои же были побиты, и самъ Шимонъ во время битвы былъ низверженъ на земь. Тогда воззрѣвъ на небо, онъ увидѣлъ великую Церковь, какъ и прежде видѣлъ на морѣ (о чемъ будетъ рѣчь впереди), сталъ молиться и мгновенно изъятъ былъ нѣкоторою сверхъестественною силою изъ среди труповъ. Послѣ того Шимонъ пришелъ къ Антонію и разсказалъ ему о своемъ видѣніи, кот. ему было еще на пути его изъ Варяговъ въ русскую землю.

Отецъ мой Африканъ — говорилъ Шимонъ — сдѣлалъ огромный крестъ около 10 локтей, и на немъ изобразилъ подобіе Христово, и воздавалъ ему великую честь. И возложилъ поясъ о чреслахъ его, имѣвшій 50 гривенъ золота, возложилъ также и золотой вѣнецъ. Когда выгналъ меня изъ моей области дядя Якунъ, я взялъ поясъ съ І. Христа и вѣнецъ съ главы его. И тогда послышался голосъ отъ образа, кот. мнѣ говоритъ: „Не возлагай вѣнца сего на свою главу, но неси на уготованное ему мѣсто, гдѣ созиждется церковь Моей Матери и преподобному, которому въ руки отдай вѣнецъ этотъ, да повѣситъ надъ жертвенникомъ. Потомъ поплылъ на корабль, и возстала страшная буря, грозившая всѣмъ намъ гибелью. Тогда вспомнилъ я о поясѣ, снятомъ съ Распятія, и возпіялъ: „Господи! прости мнѣ! потому что я погибаю теперь отъ этого пояса, который я снялъ съ Твоего образа." И вотъ, увидѣлъ я въ высотѣ на воздухѣ церковь и недоумѣвалъ, что это за церковь? И былъ ко мнѣ свыше гласъ: „Это церковь, кот. будетъ создана отъ Преподобнаго во имя Божіей Матери, какъ ты видишь — въ туже величину и высоту. А размѣритъ тѣмъ поясомъ — на 20 поясовъ въ ширину, на 30 въ долготу, а въ высоту на 50, — въ этой церкви ты будешь положенъ." Послѣ того буря прекратилась." — Таковъ разсказъ Шимона; кот. потомъ передалъ Антонію поясъ и вѣнецъ, во исполненіе чудесно даннаго ему повелѣнія.

Изъ сказанія о Варягѣ Шимонѣ ясно, что первая идея о построеніи Кіево-Печерскаго храма во имя Успенія Богородицы принадлежитъ западнымъ выходцамъ, составлявшимъ княжескую дружину.

1) Важнѣйшія святыни для сооруженія храма — поясъ и вѣнецъ І. Христа были принесены изъ Варяжской земли.

2) Самое изображеніе Христа, чудесно повѣдавшее о сооруженіи Кіево-Печерскаго храма — было сдѣлано Варягомъ и осталось въ землѣ Варяжской. Изображеніе это очевидно было скульптурное, въ стилѣ древнехристіанскомъ; пот. что распятый Спаситель обратилъ голову къ Шимону и съ нимъ говорилъ, — слѣд. это изображеніе по древнему стилю было съ открытыми глазами; т. е. изображеніе Распятаго — живымъ, а не усопшимъ; сверхъ того, по древнему

стилю, былъ Онъ въ Царскій коронѣ, которую Шимонъ взялъ съ собою въ Кіевъ; что-же касается до пояса, то вѣроятно — тоже по древнему обычаю, Распятый былъ не весь обнаженъ, а отъ пояса былъ завязанъ пеленою, кот. и придерживалась поясомъ.

Лекція 5ª 3) Храмъ долженъ быть сооруженъ во имя не І. Христа, а Богоматери. Въ другомъ мѣстѣ Сказанія Она говоритъ, что мѣру для сооружаемой церкви сама она послала — поясъ сына своего І. Христа. Измѣреніе земли поясомъ, веревкой, цѣпью — есть одинъ изъ древнѣйшихъ юридическихъ символовъ землевладѣнія. Этимъ символомъ — замѣтимъ мимоходомъ — объясняется извѣстный участокъ, наз. вервію. Отмѣриваніе поясомъ должно было означать въ легендѣ не только мѣру зданія, но и право на землю для построенія храма. Наконецъ 4) Сказаніе наше ясно говоритъ, что Шимонъ даже въ то время, когда передавалъ Антонію свое видѣніе, оставался еще въ Латинской вѣрѣ, и уже только впослѣдствіи Феодосій обратилъ его въ Православіе: «бысть прежде Варягъ, оттолѣ благодатію Божією, наученіемъ-же Св. Феодосія остави Латинскую буссть (т.е. заблужденіе), и истинно воспріятъ православную Христову вѣру со всѣмъ домомъ своимъ, въ немъ-же бѣ яко до трехъ тысячъ душъ и съ іереи своими.») Такимъ образомъ это сказаніе рѣзко противорѣчитъ утвержденіямъ юристовъ и Историковъ, будто: "Варяго-Руссы уже при Ярославѣ совсѣмъ исчезли".

И такъ, первая мысль о сооруженіи храма дана была предпріимчивыми Варягами. Но исполненіе дѣла взяла на себя Византія. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ Шимонъ отдалъ чудесный поясъ и вѣнецъ, изъ Византіи сама Богородица во Влахернѣ дала приказаніе четыремъ греческимъ мастерамъ идти въ Кіевъ и соорудить тамъ церковь по мѣрѣ, кот. она уже дала въ поясѣ Сына Своего І. Христа. Сверхъ того вручила имъ мощи Святыхъ для положенія въ основаніе церкви и свою Богородичную икону, кот. должна быть въ новопостроенномъ храмѣ мѣстною. Къ Западной святынѣ, состоящей въ поясѣ и вѣнцѣ, была так. образомъ присоединена Восточная — именно, мощи и мѣстная икона.

Оставляя разныя подробности Сказанія о постройкѣ самой церкви, перехожу къ украшенію ея живописью и мусіею или мозаикою уже черезъ 10 лѣтъ послѣ пришествія тѣхъ зодчихъ изъ Византіи. Это было уже при Игуменѣ Никонѣ (†1088 г.). Антоній и Феодосій, уже оба давно умершіе, чудесно явились въ Цареградѣ иконописцамъ и послали ихъ украшать Кіево-Печерскій храмъ, давъ имъ на то золота. Иконописцы отправились, и когда вступили въ Днѣпръ, сама ладья ихъ, никѣмъ не управляемая нѣкою высшею силою шла вверхъ противъ воды и наконецъ причалила подъ Кіево-Печерскимъ Монастыремъ.

Воздавъ хвалу Господу Богу и Угодникамъ Его, мастера принялись за работу.

Здѣсь особеннаго вниманія заслуживаетъ слѣдующій анекдотъ:

Когда Византійскіе мастера украшали олтарь мусіею, тогда образъ Богородицы самъ собою изобразился въ олтарѣ. Всѣ иконописцы (между которыми былъ и русскій иконописецъ Алипій -†1114.) видѣли дивное и страшное это чудо. И когда они взглянули на образъ, онъ просвѣтился ярче солнца, такъ что они не могли смотрѣть и пали ницъ; потомъ, когда взглянули на образъ опять, увидѣли новое, великое чудо: изъ устъ образа того Пресвятой Богородицы вылетѣлъ бѣлый голубь и, полетѣвъ вверхъ къ образу Спасителя, тамъ скрылся. Потомъ вылетѣлъ изъ устъ Образа Спасителя, летал по всему храму, и, подлетая къ каждому изъ изображеній Святыхъ, кому садился на руки, кому на голову; послѣ того спустился внизъ и сѣлъ за чудотворною мѣстною иконою Богоматери. Тогда - наивно продолжаетъ сказаніе - люди, бывшіе внизу, хотѣли поймать голубя того и приставили лѣстницу, но ни за иконою, ни за пеленою голубя не нашли. Потомъ изъ устъ иконы, что въ олтарѣ, опять показался голубь и полетѣлъ вверхъ къ Спасителеву образу. Тогда стоявшіе внизу стали кричать мастерамъ, работавшимъ вверху: «ловите его!» И тѣ протягивали свои руки, желая поймать, но голубь опять влетѣлъ въ уста Образа Спасителева. Послѣ того возсіялъ свѣтъ ярче солнца, бывшіе же въ храмѣ пали ницъ и молились, потому что сподобились видѣть великое чудо.

Каково-бы ни было значеніе разныхъ подробностей этого сказанія, но самое главное и очевидное въ немъ то, что оно особенно поддерживало интересы дома и княжескаго рода Всеволода Ярославича Переяславскаго. Это явствуетъ изъ слѣдующаго:

1) Самъ Шимонъ служилъ у этого князя, которому былъ отданъ Ярославомъ.

2) Сынъ Всеволода, Владиміръ Мономахъ, будто-бы еще въ юныхъ лѣтахъ самъ былъ свидѣтелемъ дивному чуду, какъ огонь спалъ съ неба и выгорѣла та яма, гдѣ основаніе Кіево-Печерской церкви было положено золотымъ поясомъ.

3) Тотъ-же Владиміръ Мономахъ, привезенный отцемъ его Всеволодомъ изъ Переяславля, будучи боленъ, возложилъ на себя тотъ чудный золотой поясъ и былъ исцѣленъ. Потомъ

4) Тотъ-же Владиміръ Мономахъ, взявъ мѣру Кіево-Печерскаго храма, создалъ въ своемъ княженіи въ Ростовѣ храмъ во всемъ сходный съ Печерскимъ. Наконецъ

5) Сынъ Владиміра, Георгій, какъ-бы слѣдуя родовому преданію, слышавъ отъ своего отца о чудесахъ Печерскаго храма, въ туже мѣру соорудилъ храмъ и въ своемъ княженіи въ городѣ Суздалѣ.

Понятно, что сказаніе это съ особеннымъ интересомъ было обработано въ литературной редакціи Симономъ, Епископомъ Владимірскимъ и Суздальскимъ.

Кромѣ сказанія о Шимонѣ было другое, говорившее въ пользу варяжскаго вліянія на христіанскія легенды Южной Руси. Это именно преданіе о Варяжскомъ кладѣ, будто-бы положенномъ въ одной изъ Кіевскихъ пещеръ, кот. потому и получила название

Варяжской. Объ этой пещерѣ разсказывалъ слѣдующее Преподобный Ѳеодоръ, одинъ изъ монаховъ Кіево-Печерскихъ: «яко еще живущу Преподобному отцу нашему Антонію, повѣдаху Варяжское быти хранилище въ той пещерѣ, еже того ради и Варяжская нарицашеся и донынѣ, обаче злата и сребра безчисленное видѣхъ множество, сосуды суть Латинскіе» (Кіево-Печ. Патерикъ, 1678 г. л. 210).

Подъ сосудами надо разумѣть здѣсь различную утварь, вѣроятно и церковную. Слѣдовательно, это свидѣтельство вполнѣ соотвѣтствуетъ сказанію о Варяжскомъ происхожденіи святынь, привезенныхъ Шимономъ въ Кіевъ изъ за моря. Столь-же ясное преданіе о Западномъ вліяніи на христіанскія сказанія древней Руси встрѣчаемъ мы и на Сѣверѣ, въ области Новгородской. Это преданіе, вполнѣ соотвѣтствующее свидѣтельству Кіевскаго Патерика о латинскихъ сосудахъ въ Варяжской пещерѣ находимъ мы въ житіи Антонія Римлянина (+ 1147 г.). Литературная обработка этого житія приписывается ученику Антонія, Андрею, который съ 1147–1157 г. былъ игуменомъ Антоніева монастыря.

Во 1-хъ, должно обратить вниманіе на то, что Антоній называется Римляниномъ, т. е. онъ былъ Латинскаго или Римскаго исповѣданія, и, безъ сомнѣнія, Нѣмецъ, потому что не умѣлъ говорить по-русски, когда только-что прибылъ къ Новгороду, и понималъ рѣчь попавшагося ему какого-то Греча́нина-Готчика (ужъ не Цареградскаго-ли Варяга?). Впрочемъ, исторія намъ свидѣтельствуетъ, что не одинъ Антоній былъ съ Латинскаго Запада между Русскими Святыми мужами. Такъ Меркурій Смоленскій (+ 1237 г.) былъ тоже Римлянинъ, Прокопій Юродивый Устюжскій (+ 1303 г.) — отъ Латинска языка отъ Нѣмецкія земли (какъ сказано въ его житіи). Въ житіи Антоній представляется даже дѣйствительнымъ Римляниномъ, т. е. жителемъ Рима. Еще будучи на родинѣ въ Римѣ, онъ уже отказался отъ Латинской вѣры и принялъ Православіе. И тамъ-же бросилъ въ море бочку, наполненную драгоцѣнными вещами, сосудами серебряными, золотыми и хрустальными, блюдами и всякою другою церковною утварью. Потомъ сталъ онъ на камень, бывшій у морского берега, и чудеснымъ образомъ поплылъ на немъ и приплылъ въ рѣку Волховъ. Наконецъ камень остановился у Волховскаго сельца. Поутру сошелся къ берегу народъ и всѣ удивлялись, видя невѣдомаго человѣка, на камнѣ стоящаго. И спрашивали, кто онъ и откуда? Но онъ молчалъ, не понимая по-русски, и не смѣлъ сойти съ камня, на которомъ и пробылъ три дня и три ночи. Тогда-то явился здѣсь нѣкоторый Гречинъ-Готчинъ, кот. и вошелъ въ разговоръ съ чуднымъ незнакомцемъ, удовлетворивъ его любопытству о томъ, куда онъ такъ неожиданно попалъ. Послѣ того Антоній скоро научился Славянскому языку, сблизился съ Епископомъ Никитою, но постоянно оставался на рѣкѣ, молясь день и ночь на своемъ камнѣ; однако вскорѣ, по настоянію

Епископа, построилъ онъ себѣ на томъ мѣстѣ деревянную церковь во имя Рождества Богоматери.

Однажды лѣтомъ, около камня Преподобнаго Антонія ловцы ловили рыбу; какъ-то случилось, что въ теченіе цѣлой ночи ничего они не поймали. Тогда подошелъ къ нимъ Антоній и сказалъ: „вотъ вамъ, братія, гривенный слитокъ серебра (указаніе, любопытное для исторіи гривны), закиньте въ воду сѣти, и что поймаете, то да будетъ въ домѣ Матери Божіей." Рыболовы сначала было отказывались, ссылаясь на то, что во всю ночь ничего не поймали, но по настояніямъ Антонія согласились закинуть сѣти, и вскорѣ вытащили ихъ полные рыбы и сверхъ того бочку, окалоченную желѣзными обручами. (Припомните эпизодъ изъ былины о Садкѣ - это Новгородскій видъ). Антоній рыбу отдалъ ловцамъ, а себѣ оставилъ бочку, но тѣ не соглашались, и, возвращая ему рыбу, говорили: „мы у тебя нанялись ловить рыбу, а бочка наша!" Тогда Антоній предложилъ имъ идти къ судьямъ, пусть разсудятъ этотъ дѣлежъ. Приходятъ къ судьямъ. Антоній говоритъ: „Господа Судіи! вопросите ловцевъ, что у нихъ положено въ бочкѣ?" Но ловцы не знали, что отвѣчать. Тогда Антоній продолжалъ: „Господа Судіи! Послушайте же, что я скажу вамъ! Эта бочка нашей худости, вдана морской глубинѣ въ Римѣ отъ нашихъ недостойныхъ рукъ, и вложены въ ней сосуды церковные, золотые, серебряные и хрустальные и другія церковныя вещи, а также золото и серебро отъ имѣнія моихъ родителей; вверженно же въ море, дабы не осквернилось отъ богомерзкихъ еретиковъ: подписи же на сосудахъ Римскимъ языкомъ писаны суть." Послѣ этого объясненія, судьи отдали сокровища Антонію.

И такъ, въ Новгородѣ, въ XII в. была церковная утварь иноземной работы и даже съ латинскими надписями. Житіе Антонія Римлянина въ этомъ отношеніи служитъ объясненіемъ монументальному факту, имѣющему высокій интересъ въ исторіи искусства Новагорода — именно такъ называемымъ Корсунскимъ вратамъ въ Софійскомъ Соборѣ, металлическимъ воротамъ съ барельефами Нѣмецкой работы XII в. и съ латинскими надписями. Неизвѣстно, когда и какъ они попали въ Новгородъ, но въ 1-ой половинѣ XIV в. они уже въ немъ были (См. Изданіе Корсунскихъ Вратъ Аделунга).

Въ эпоху, когда наше духовенство съ презрѣніемъ и негодованіемъ относилось ко всему Римскому, житіе Антонія Римлянина законнымъ образомъ оправдывало вліяніе Запада въ церковныхъ издѣліяхъ, и, такъ сказать, давало имъ пожалуй право гражданства. И тѣмъ важнѣе это свидѣтельство о западныхъ церковныхъ издѣліяхъ у насъ на Руси, что самое житіе очевидно проникнуто ненавистью къ латинамъ, какъ это видно изъ самого конца его: „И повелѣлъ Архіепископъ Нифонтъ сіе житіе преподобнаго изложить и написать и въ церкви Божіей

передать, на утвержденіе вѣры христіанской и на спасеніе душамъ нашимъ, а Римляномъ еже отступиша отъ православныя греческія вѣры, и приложишася въ Латинскую вѣру, на посрамленіе и на укоризну и на проклятіе."

Изборникъ 1073 г. Мы уже знаемъ, что еще при жизни Ярослава (†1054 г.) для сына его Владиміра въ Новгородѣ въ 1047 г. попъ Упирь Лихой переписалъ книгу Толковыхъ пророчествъ. Черезъ 2 года по смерти Ярослава тамъ же была начата переписка Евангелія дьякономъ Григоріемъ для посадника Остромира. Черезъ 16 лѣтъ послѣ того дьякъ Іоаннъ въ 1073 г. въ Кіевѣ написалъ огромный изборникъ въ листъ для князя Святослава Ярославича. Слѣдующую лѣтопись приводитъ онъ въ послѣсловіи: "А конецъ всѣмъ книгамъ. Что тебѣ не любо, того не твори и другому. Въ лѣто 6581 написалъ Іоаннъ діакъ изборникъ этотъ великому князю Святославу. Великій въ князьяхъ князь Святославъ, державный владыка, желаніемъ много возжелалъ объяснить сокровенный разумъ въ глубинѣ многотрудныхъ сихъ книгъ премудраго Василія. Повелѣлъ мнѣ немудрому премѣну сотворить рѣчи инако, соблюдая тождество разума (т.е. смысла). Какъ трудолюбивая пчела, со всякаго цвѣта писаній собравъ, будто въ одинъ сотъ, въ велемысленное сердце свое, проливаетъ онъ, будто сотъ сладокъ, изъ устъ своихъ передъ боярами въ уразумѣніе ихъ мысламъ. И являясь имъ, какъ новый Птоломей, не вѣрою, но желаніемъ, и ради собранія многочисленныхъ божественныхъ книгъ, которыми и всѣ палаты свои наполнилъ, онъ сотворилъ себѣ тѣмъ вѣчную память (еже памяти вину сотворіше?!) да будетъ христолюбивой его душѣ въ возмездіе вѣнцемъ блаженныхъ и святыхъ мужей въ непреходимый вѣкъ вѣковъ."

Сравнительно съ послѣсловіемъ Остромирова Евангелія эта лѣтопись дьяка Іоанна отличается необыкновенной напыщенностью и темнотою.

На какомъ основаніи писецъ называетъ Святослава новымъ Птоломеемъ? Гдѣ тѣ литераторы и ученые, кот. его окружали? Напротивъ того, исторически извѣстно, что игуменъ Ѳеодосій, такъ много заботившійся о книжномъ просвѣщеніи въ своемъ монастырѣ, не любилъ Святослава и долгое время былъ съ нимъ въ разладѣ. Притомъ, что это за палаты князя Святослава, наполненныя книгами, какъ библіотека ученаго человѣка? Все это возбуждаетъ сильныя недоумѣнія, кот. еще болѣе усилятся, когда бросимъ взглядъ на содержаніе самого Сборника. Самое заглавіе показываетъ цѣль, съ которою онъ собранъ: "Собраніе отъ многихъ отцевъ, толкованія о неразумительныхъ словахъ въ Евангеліи и въ Апостолѣ и въ иныхъ книгахъ, вкратцѣ сложено на память и на готовый отвѣтъ."

И такъ главная цѣль Изборника - толкованіе Св. Писанія и другихъ церковныхъ книгъ, какъ бы нѣчто въ родѣ толковыхъ книгъ. Но эта цѣль

достигается самыми разнообразными средствами, какія только могла предложить ученая Византія въ IX или X в. Кромѣ различныхъ словъ отцевъ церкви и сочиненій богословскихъ, въ Изборникѣ встрѣчается много статей философскаго, риторическаго и вообще литературнаго содержанія, которыя въ переводчикѣ сборника и въ его читателяхъ заставляютъ предполагать большую начитанность человѣка, образованнаго Византійскою литературою. Таковы наприм. статьи о сущемъ, о естествѣ, о случайномъ, о количествѣ, качествѣ; физіологическая и символическая статья о 12-ти драгоцѣнныхъ камняхъ; цѣлая Риторика Георгія Херобоскаго или Хуровьскаго о тропахъ и фигурахъ, рядъ статей о мѣсяцахъ съ разными астрологическими замѣчаніями и примѣтами.

Чтобы дать понятіе и о невразумительности самого языка и философскихъ идей для древней Руси при Святославѣ Ярославичѣ, привожу философское ученіе Феодора пресвитера о различіи сущія и естества:

„Сущіе есть вещь о собѣ състоящися не требующи иного на бытье, сирѣчь въ себѣ сы, а не въ иномъ бытія имы, акы случай. Случай же есть еже не можетъ въ себѣ быти, нъ въ иномъ имать бытье... рекше тѣло и образъ, ~~въ тѣлѣ~~ не бо есть тѣло въ образѣ, нъ образъ въ тѣлѣ, да тѣло убо есть сущіе, а образъ случай; такъ же и душа и мудрость: не бо есть душа въ мудрости, нъ мудрость въ души."

Въ примѣръ философскаго ученія привожу еще статью о количествѣ и измѣримыхъ (въ русском переводѣ):

Количество есть та мѣра, которою измѣряется что-нибудь или считается, сколько именно подъ числомъ или мѣрою разумѣется (т.е. измѣряемое и считаемое). Количество бываетъ двоякаго рода — раздѣльное и совокупное. Раздѣльное, когда можетъ быть раздѣляемо, какъ наприм. 30 камней, 10 фиников: эти предметы могутъ раздѣльно другъ отъ друга считаться, если только не будутъ измѣряемы большимъ или меньшимъ количествомъ, какою-нибудь мѣрою, какъ наприм. пшеница. Совокупное же количество только измѣряется, какъ наприм. одно дерево въ 2 локтя, въ 3 локтя и т.д.

Изъ Риторики Георгія Херобоска или изъ сочиненія о творческихъ образахъ:

„Инословіе (Аллегорія) одно говоритъ, а другой смыслъ указываетъ. Такъ отъ Бога речено къ змѣю: проклята ты отъ всѣхъ звѣрей. Слово обращено къ змѣю, но подъ змѣею иносказательно разумѣется дьяволъ.

„Переводъ (метафора) есть слово отъ одного на другое переводимое. Переводъ бываетъ четырехъ видовъ: или отъ одушевленнаго къ неодушевленному переводится, или отъ неодушевленнаго къ одушевленному, или отъ одушевленнаго къ одушевленному, или отъ неодушевленнаго къ неодушевленному.

какъ наприм. кто царя назоветъ пастырхомъ людей (Гомер. выраженіе пастухи народовъ); ибо пастухъ собственно овецъ; но оба — и цесарь и пастухъ предметы одушевленные. Отъ неодушевленнаго къ неодушевленному, какъ наприм. кто-нибудь, скрывшій уголь въ пеплѣ, скажетъ — скрылъ огненное сѣмя; или скажетъ: большое пламя изливается изъ дерева, потому что изливаться можетъ только что-нибудь текучее. Отъ одушевленнаго къ бездушному, наприм. когда кто вершину горы назоветъ главою горы, потому что голова принадлежитъ собственно предметамъ одушевленнымъ. Отъ неодушевленнаго къ одушевленному, какъ сказано: море видѣло и бѣжало: видѣть говорится только объ одушевленномъ (это послѣднее объяснено невѣрно)

До какой степени все это было чуждо интересовъ древнерусской жизни и совершенно непонятно нашимъ предкамъ, можно видѣть изъ многихъ риторическихъ терминовъ, отличающихся необычайнымъ варваризмомъ, наприм. въ имени мѣстьство (Антомазія), отъименіе (метонимія), свратословіе или округлословіе (перифразъ) и т. д.

И неужели все это переводилъ какой-то дьякъ Іоаннъ для Святослава въ Кіевѣ? Іоаннъ ясно говоритъ, что онъ не только переписывалъ, но и перелагалъ. Всѣ эти недоразумѣнія разрѣшаются очень просто однимъ позднѣйшимъ спискомъ этого самого сборника (1446 г. въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ). Въ похвалословіи къ этому списку вмѣсто Вел. князя Святослава стоитъ царь Симеонъ: „Великій въ царяхъ Симеонъ желаніемъ зѣло возжелавъ — и пр. Итакъ, Изборникъ, приписываемый Святославу, есть нечто иное, какъ греческій Сборникъ, переведенный для болгарскаго царя Симеона, который самъ былъ писателемъ и по любви къ книжному просвѣщенію могъ быть названъ Новымъ Птоломеемъ.

Впрочемъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что этотъ Сборникъ съ болгарскаго оригинала былъ переписанъ уже въ Россіи, и именно въ южной Россіи, въ Кіевѣ, потому что въ правописаніи не только ежеминутно встрѣчаются ошибки противъ болгарскаго нарѣчія (наприм. въ употребленіи юсовъ), но и попадаются чисто-русскія формы, напр. ѣжь (вм. яждь), порося (вм. прася), полонъ (вм. плѣнъ), а также чисто южнорусскія формы, напр. 3е лицо Наст. и будущ. врем. Единств. и Множ. числа безъ тъ, напр. може, буде, чаю вмѣсто можетъ, будетъ, чаютъ. Итакъ Изборникъ Святославовъ служитъ намъ свидѣтельствомъ самой тѣсной связи древнерусской письменности съ болгарской. Не для обмана, а изъ усердія писецъ замѣнилъ имя Симеона Святославомъ, для котораго онъ работалъ и сверхъ того приложилъ миніатюру съ изображеніемъ В. К. Святослава съ супругою и дѣтьми. Надъ ними надписаны самыя имена: Глѣбъ, Олегъ, Давидъ, Романъ, Ярославъ, Княгыня, Святославъ. А повыше надъ именами:

«Желанія сердца моего, Господи, не презри, но пріими насъ всѣхъ и помилуй насъ.»

Только тѣ памятники литературы имѣютъ для насъ особенный интересъ, которые кромѣ своего временнаго значенія, опредѣляемаго эпохою ихъ происхожденія, имѣютъ въ жизни народной и значеніе непреходящее, многовѣковое. Если многія статьи Изборника Святославова 1073г. были неразумительны не только читателямъ русскимъ XI в., но и самому писцу, т.е. въ немъ и такія статьи, которыя въ теченіе вѣковъ предлагали нашимъ предкамъ наставительное чтеніе, и были переписываемы въ подновленномъ видѣ въ XVI, XVII и даже въ XVIII в.

Не говоря о назидательныхъ словахъ отцевъ церкви, которыми этотъ сборникъ наполненъ и которыя всегда составляли любимое чтеніе древней Руси, обращаю вниманіе на сочиненія свѣтскаго содержанія, каковы напрм.: 1) Епифанія Кипрскаго (+ 403г.) о 12 камняхъ, кот. были насажены на переднемъ украшеніи ризъ ветхо-завѣтныхъ первосвященниковъ, и 2) Медицинское ученіе о 12 мѣсяцахъ съ наставленіями, что когда ѣсть и пить и отъ чего остерегаться.

Сочиненіе о 12 камняхъ есть не что иное, какъ любопытный образецъ наивныхъ свѣдѣній о природѣ, господствовавшихъ въ отдаленные Средніе вѣка. Такъ какъ всѣ идеи, и поэтическія и философскія, сосредоточивались тогда, какъ къ центру, къ воззрѣніямъ религіозныхъ, то и это ученіе о камняхъ было присовокуплено къ описанію Логія или Логина, т.е. наперстнаго украшенія Святительской ризы. Но эта статья имѣла для нашихъ предковъ особенный интересъ по наивному описанію чудесныхъ свойствъ и цѣлительной силы камней. Потому она читалась съ большимъ удовольствіемъ и питала въ нашихъ предкахъ странныя, суевѣрныя понятія о природѣ.

Въ русской энциклопедіи, извѣстной подъ именемъ Азбуковника, особенно распространенной на Руси въ XVII в., мы находимъ это сочиненіе о камняхъ съ немногими только подновленіями въ языкѣ противъ текста Изборника Святославова. Для примѣра привожу нѣсколько выдержекъ изъ Азбуковника въ древнерусскомъ подлинникѣ.

1. Сардоникъ. Камень Вавилонскій, красенъ аки кровь. Обрѣтается въ Вавилонѣ на земли ко Асиріемъ. Прозраченъ. Имать силу цѣлити отоки (опухоли) и язвы отъ желѣза бываемыя.

4. Анораксъ (Корбункулъ) камень иже инде халцедонъ нарицается. Зѣло червленъ образомъ блещайся. Обрѣтается въ Халкидонѣ Ливійстемъ, иже нарицается Аффрикія. Нощію обрѣтаютъ его, аки свѣща свѣтящуся, или аки югль (уголь) искрами мещай. И по свѣту его шедше [?] обрѣтаютъ и (его). Но самъ же каціми (какими нибудь) обвитъ ризами, блескъ его внѣ ризъ сіяетъ.

Слич. Епифанія Архіепископа Кипрскаго О двунадесяти камнехъ, иже бяху на эфудѣ, по числу двунадесяти колѣнъ Израилевыхъ: Сардоникъ, топазіонъ, змарагдъ, Анораксъ, Сапфиръ, Іаспись, Іакинѳъ, Ахатисъ, Аметисъ, Хрисолитъ, Вирилліонъ, Онихіонъ.

Точно такъ, какъ распространена была на Руси и также національна и другая изъ упомянутыхъ статей въ Изборникѣ 1073 г., именно о 12 мѣсяцахъ. Древнерусскіе лечебники, кромѣ медицинскихъ пособій, предлагали нашимъ предкамъ разнообразное энциклопедическое чтеніе, обнимавшее свѣдѣнія астрологическія, метеорологическія и мн. др. съ присовокупленіемъ множества примѣтъ и суевѣрій. Между прочимъ встрѣчается въ нихъ и статья о мѣсяцахъ, таже самая, что и въ Изборникѣ 1073 г., съ нѣкоторыми только подновленіями въ языкѣ. По рукописному лечебнику XVIII в. она приписывается самому Моисею и содержитъ въ себѣ слѣдующее:

Мца Генваря. На тще сердце три похмѣленія вина испивай (Изб. піи вина цѣла мало). Мца Февраля — свеклы не яжь (Севкла не яжь). Мца Марта — Сладко ядь и пей. Мѣсяца Апрѣля — рѣдковь не яжь (рѣпы не яжь). Мца Мая — Мяса не яжь (поросятъ не яжь). Мца Іюня — воды на тще сердце испивай мало (въ часъ вторый пій воды мало). . . . .

Мца Августа — сладкого ничего не яжь (слизи (malva) не яжь). Мца Сентября прѣсное молоко пей на тще сердце (млека не яжь). . . . .

Мца Ноября — Не мойся (не мыйся часто). Мца Декабря — Капусты не яжь. —

Лекція 7я. Немногіе дошедшіе до насъ письменные памятники отъ XI в. и древнѣйшія христіанскія преданія свидѣтельствуютъ намъ, что христіанское просвѣщеніе вмѣстѣ съ книжнымъ ученьемъ стало развиваться у насъ подъ вліяніемъ княжеской власти. Церковные обряды и книжное ученіе въ христіанской Руси тотчасъ же стало орудіемъ въ рукахъ церковной и свѣтской власти для практическихъ цѣлей, для порабощенія себѣ массъ простонародья. Усиленіе Княжеской власти при Ярославѣ и его дѣтяхъ и сосредоточеніе христіанской образованности въ немногихъ центрахъ, подъ покровительствомъ князей — дало новое направленіе нашей литературѣ въ XI и XII вѣкахъ.

Историческія событія, вызвавшія Полянъ, Сѣверянъ, Древлянъ — изъ ихъ безразличнаго сплошного существованія, отразилось въ народной словесности во 1хъ паденіемъ древняго миѳологическаго эпоса, и во 2хъ началомъ новаго на Руси рода поэзіи, именно поэзіи исторической, дѣйствующими лицами которой являются лица историческія и по преимуществу Князья, заступившіе мѣсто боговъ и полубоговъ древнѣйшаго миѳологическаго эпоса. Такимъ образомъ составилась поэзія княжеская. Она имѣла даже своихъ представителей между пѣвцами. Такимъ княжескимъ пѣвцомъ былъ Боянъ, о которомъ драгоцѣнныя извѣстія находимъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Этотъ поэтъ воспѣвалъ старого Ярослава, храбраго Мстислава, кот. зарѣзалъ Редедю передъ полками Касожскими, Святослава Ярославича, сына его Олега Святославича, и Князя Полоцкаго Всеслава Брячиславича. Мы не знаемъ, что пѣлъ Боянъ объ Ярославѣ,

но касательно Мстислава Слово о П. И. ясно говоритъ, что Боянъ воспѣвалъ извѣстное его единоборство съ Касожскимъ великаномъ Редедею. Объ Олегѣ Святославичѣ онъ говоритъ: „тогда при Олегѣ Гориславичѣ сѣялись и росли усобицами, погибала жизнь Дажь-бога внука, въ княжихъ крамолахъ вѣкъ человѣческій сокращался." Но особенно въ пѣсняхъ о Всеславѣ Полоцкомъ Боянъ умѣлъ искусно слить въ одно художественное цѣлое элементъ историческій съ миѳическимъ. Всеславъ у Бояна не только лице историческое, не только князь Полоцкій, который скочилъ къ граду Кіеву, и доткнулся „копьемъ золотаго стола Кіевского," но и вѣщій оборотень, который „людямъ судилъ, князьямъ грады рядилъ, а самъ въ ночь волкомъ рыскалъ до Тмутараканя, великому богу Хорсу волкомъ путь перебѣгалъ." По свидѣтельству Бояна Всеславъ былъ очень быстръ и чутокъ: „рано въ Полоцкѣ позвонили ему къ заутрени у Св. Софіи, а онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ." Впрочемъ, не смотря на вѣщую силу оборотня, которую Боянъ приписываетъ Всеславу, все-же, по словамъ пѣвца, много бѣдъ претерпѣлъ этотъ князь: „хоть вѣщая душа и переходила въ чужое тѣло, но все-же часто бѣды страдала;" наконецъ Боянъ даже сложилъ припѣвку о Всеславѣ: „ни хитрому, ни горазду (ни птицу горазду?) суда божія не миновать." Сверхъ того въ Сл. о П. И., кажется Боянъ-же называется пѣснопѣвцемъ Святославовымъ. Какъ бы то ни было, но не подлежитъ сомнѣнію, что на Руси въ XI в. и въ началѣ XII в. былъ княжій пѣвецъ, и вѣроятно не одинъ. Пѣвцы эти слагали историческія пѣсни о князьяхъ, соединяя въ одно цѣлое древнія миѳологическія преданія съ былинами своего времени, или съ историч. разсказами. Это была поэзія высшихъ слоевъ болѣе просвѣщеннаго Южнаго края древней Руси, именно Кіевской Руси, Черниговской и Переяславской. Но какъ теперь, рядомъ съ литературою такъ называемаго образованнаго общества живетъ въ грамотномъ простонародьѣ и древняя старопечатная и рукописная литература, а въ народѣ безыскусственная поэзія: такъ и въ эпоху, нами изучаемую, еще шире и многозначительнѣе распространялся первобытный народный эпосъ въ необозримыхъ захолустьяхъ, куда не успѣли еще проникнуть новыя, образовательныя, историческія начала. Такъ въ то время, когда на Югѣ уже процвѣтала историческая поэзія, когда уже явились первые начатки христіанской письменности и въ Кіевѣ и въ Новгородѣ — по Волхову и Волгѣ, на Бѣлоозерѣ еще господствовала миѳическая старина во всемъ обаяніи. Противъ нея дѣйствовали совокупными силами — оба новыя историческія начала, давшія новую жизнь древней Руси, т. е. духовенство и князья — духовенство — по своимъ прямымъ обязанностямъ, водворяя Христіанство, искоренять язычество; князья и дружина — какъ представители новыхъ идей христіанскаго образованія и государственнаго порядка.

— Нѣкоторыя подробности въ лѣтописи Нестора о противодѣйствіяхъ

древняго язычества христіанскому просвѣщенію и вмѣстѣ княжеской власти даетъ намъ разумѣть, какъ еще сильно было въ бытѣ народномъ значеніе древняго миѳологическаго эпоса. Только въ связи съ самыми задушевными поэтическими убѣжденіями можетъ быть для насъ понятно то магическое дѣйствіе, какое волхвы и кудесники оказывали на народъ. При князѣ Глѣбѣ въ Новгородѣ возсталъ нѣкоторый волхвъ, называвшій себя богомъ и увѣрявшій, что онъ все знаетъ (т. е. вѣщій), и что перейдетъ по рѣкѣ Волхову передъ всѣми: « и былъ мятежъ въ городѣ – говоритъ Лѣтописецъ (подъ 1071 г.) – и всѣ повѣрили волхву и хотѣли погубить Епископа. Тогда Епископъ, облекшись въ ризы, взялъ крестъ, и ставъ передъ толпами народа, сказалъ: « Кто вѣритъ волхву, пусть идетъ за нимъ; а кто вѣруетъ въ этотъ крестъ, пусть идетъ за крестомъ" – и каково-же было совершенное отсутствіе Христіанскаго просвѣщенія въ народѣ, что когда толпы раздѣлились надвое, то только князь Глѣбъ и его дружина стали на сторонѣ Епископа, а всѣ прочіе люди пошли за волхвомъ. И такъ князь и дружина – вотъ та новая въ народѣ сила, которая шла на перекоръ преданіямъ древняго миѳологическаго эпоса.

Подобное-же возстаніе языческой старины въ пользу волхвовъ въ тоже время было въ Ростовской землѣ. Два волхва отъ Ярославля шли по Волгѣ къ Бѣлуозеру и во время голода морочили народъ и возстановляли его противъ Яна, княжескаго сборщика податей.

Духовенство, проникнутое негодованіемъ къ темному язычеству, рано стало обличать русскій народъ въ двоевѣріи или полухристіанствѣ. Эти обличенія слышатся въ XI, XII и XIII вв., и убѣждаютъ насъ, что въ теченіе всѣхъ этихъ вѣковъ грубое двоевѣріе не переставало господствовать на Руси, особенно по украинамъ, т. е. по отдаленнымъ отъ центровъ просвѣщенія концамъ.

По обличеніямъ въ язычествѣ особенно замѣчательно Слово нѣкотораго Христолюбца и ревнителя по правой вѣрѣ. Оно встрѣчается въ рукописяхъ XIV в., но относится къ древнѣйшей эпохѣ. Этотъ русскій Христолюбецъ не могъ терпѣть Христіянъ, двоевѣрно живущихъ, т. е. тѣхъ, которые, принявъ Христ. вѣру, вѣруютъ въ Перуна, въ Хорса, въ вилъ и пр., называя ихъ богами и богинями. Эти двоевѣрные – какъ сказано въ Словѣ – приносятъ имъ жертвы и короваи имъ ломятъ, и куръ имъ рѣжутъ, и огню молятся, называя его Сварожичемъ; смѣшиваютъ чистыя молитвы съ языческимъ моленьемъ и ставятъ трапезы кутейныя Роду и Рожаницамъ. И все это творятъ – присовокупляетъ Христолюбецъ – не только невѣжды, но и люди знающіе, попы и книжники, а если и не творятъ, то пьютъ и ѣдятъ моленья тѣ языческія жертвы, или по крайней мѣрѣ видятъ тѣ злыя дѣла или слышатъ о нихъ и не хотятъ ихъ обличать. Потому – заключаетъ Христолюбецъ – не подобаетъ Христіанамъ игоръ бѣсовскихъ играть, каковы пляски, гудьба (т. е. музыка), пѣсни бѣсовскія, жертва идольская и пр.

И именно изъ этой-то темной массы, суевѣрно чествовавшей языческую старину, выдвинулось впередъ съ своими историческими пѣснями новое поколѣніе княжихъ пѣвцовъ, во главѣ которыхъ преданіе называетъ Бояна.

Древне-русская историч. поэзія состоитъ въ связи уже съ лѣтописью. И та, и другая возникли и развились въ Южной Руси. Боянъ и Несторъ (1056-1111 или даже 1114г.) вышли уже изъ новаго направленія княжеской дружины. Какъ Боянъ воспѣвалъ князей и назывался княжимъ пѣвцомъ, какъ-бы входилъ самъ въ составъ княжеской дружины: такъ и Несторъ повѣствовалъ о князьяхъ по разсказамъ витязей, сопутствовавшихъ князьямъ въ его дружинѣ. Въ самомъ началѣ своей лѣтописи лѣтописецъ уже выражаетъ свои политическія тенденціи — онъ взялся за писаніе для того, чтобы объяснить всѣмъ и каждому — откуда пошла русская земля, и кто первѣе сталъ княжити на Руси. И такъ уже первый лѣтописецъ нашъ въ пользу политической власти отказывается отъ интересовъ чисто народныхъ. Онъ не болѣе, какъ монахъ, преданный князю и его дружинѣ. Соединяя интересы народные и литературные, Боянъ былъ достойнымъ современникомъ Нестору, и если самъ онъ заимствовалъ въ свои пѣсни изъ историческихъ разсказовъ; то, безъ сомнѣнія, могъ и передавать лѣтописцу въ звучныхъ пѣсняхъ преданія русской старины. И лѣтописецъ и поэтъ смотрѣли на міръ уже одинаковыми глазами, оба обработывали одно и тоже содержаніе, и волею или неволею сходились на однихъ и тѣхже предметахъ, какъ наприм. на прославленіи храбраго Мстислава "иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми" (какъ сказано въ Словѣ о П. И.).

На новомъ, болѣе развитомъ поприщѣ образованности возникли новые нравственно-религіозные и художественные типы добра и зла. Внесеніе въ Русь Христіанства пришлыми чужеземными Варягами засвидѣтельствовано было въ лѣтописи Нестора древнѣйшимъ христіанскимъ преданьемъ о первыхъ мученикахъ на Руси, именно изъ Варяговъ. Хотя эти мученики (Θеодоръ и Іоаннъ) не были княжескаго рода, все-же принадлежали къ княжей дружинѣ. Но съ принятіемъ Христіанства всею Русью, фантазія народная вскорѣ встрѣтила для себя христіанскіе идеалы уже въ передовыхъ людяхъ новопросвѣщенной Руси. И что особенно замѣчательно, раньше всего въ нашей христ. литературѣ были возсозданы свѣтлые образы Бориса и Глѣба, именно христ. идеалы князей, въ противоположность мрачной тѣни тоже князя, но мучителя христіанъ — Святополка ~~Окаяннаго~~ Окаяннаго.

Благочестивые князья, пострадавшіе за братолюбіе (+1015г.), были надѣлены удѣлами, въ которыхъ неодинаково принималось и распространялось Христіанство. Борисъ былъ въ Ростовѣ, который, какъ мы видѣли, въ XI в. еще питалъ большое сочувствіе къ язычеству, однако вскорѣ, подъ вліяніемъ Кіева, сталъ сосредоточіемъ христ. святыни на Сѣверо-Востокѣ; между тѣмъ

какъ Глѣбъ княжилъ въ Муромѣ надъ язычниками и ничего еще не успѣлъ предпринять для обращенія ихъ въ Христіанство: такъ что еще въ концѣ XII в. языческій Муромъ противостоялъ обращенію въ Христіанство, предпринятому Княземъ Константиномъ Святославичемъ вмѣстѣ съ сыновьями его, Михаиломъ и Феодоромъ.

Сторону Бориса и Глѣба приняла Сѣверо-Зап. Русь въ лицѣ Новгородскаго Ярослава, и именно при помощи Варяговъ. Между тѣмъ Святополкъ оскорбилъ Православное духовенство тѣмъ, что ввелъ въ Кіевъ Поляковъ съ Болеславомъ. Въ идеалахъ Бориса и Глѣба еще не изгладились черты Варяжскихъ витязей. За нихъ еще крѣпко стоятъ и бьются заморскіе Варяги съ Кіевлянами и Ляхами; между тѣмъ какъ Святополкъ — врагъ Православію и Варяжской дружинѣ — заклейменъ именемъ Окаяннаго: онъ и умеръ гдѣ-то въ странѣ Ляшской, между Чехи и Ляхи (какъ говоритъ лѣтописное преданіе).

Таковы историческія и литературныя данныя, на которыхъ составилось религіозное преданіе о Борисѣ и Глѣбѣ, безъ сомнѣнія, въ слѣдствіе того торжественнаго перенесенія ихъ мощей, которое въ 1072 г. было совершено братьями князьями Ярославичами. Самъ Феодосій Печерскій участвовалъ въ этомъ торжествѣ. Около того времени отличался своимъ благочестіемъ въ Печерскомъ монастырѣ монахъ Іаковъ, человѣкъ образованный и писатель, составившій похвалу Князю Владиміру Святому. Вѣроятно вскорѣ послѣ торжества въ честь Бориса и Глѣба, т.е. послѣ 1072 г. онъ написалъ и житіе Бориса и Глѣба. Кромѣ того это-же житіе обрабатывалъ и Несторъ и внесъ его съ большими подробностями въ свою лѣтопись. Ясно, что это было одно изъ важнѣйшихъ не только религіозно-нравственныхъ, но и особенно политическихъ явленій тогдашней жизни, и оно явственно отразилось въ литературѣ XI в. И тѣмъ пріятнѣе было Нестору излагать это благочестивое житіе, что героемъ-мстителемъ за правое и святое дѣло является Князь Ярославъ, кот. такъ много покровительствовалъ духовенству и ученію книжному. Главная идея повѣствованій Іакова и Нестора о Борисѣ и Глѣбѣ — братолюбіе. Хотя благочестивые монахи-лѣтописцы постоянно внушаютъ своимъ современникамъ въ эпоху междоусобій мысль о братолюбіи, однако не надобно думать, чтобы идея о братолюбіи была идея исключительно Христіанская: потому мы встрѣчаемъ ее и въ сказаніяхъ Скандинавской Эдды, наприм. въ повѣствованіи о смерти чистаго Бальдура и въ видѣніи вѣщей Валы, которая предсказываетъ волчій вѣкъ, когда братья будутъ убивать другъ друга. Христіанство проповѣдуетъ вообще любовь къ ближнему, любовь ко всему человѣчеству; напротивъ того — съ идеею братолюбія соединяется болѣе тѣсное и ограниченное понятіе о семейныхъ и родовыхъ отношеніяхъ. Это есть добродѣтель, особенно чтимая при извѣстныхъ историч. обстоятельствахъ, и именно въ эпоху, когда господствовали раздоры между братьями. Впрочемъ, Іаковъ и Несторъ въ своихъ повѣствованіяхъ о Борисѣ и Глѣбѣ этому тѣсному, семейному

чувству братолюбія старались придать христ. значеніе, изобразивъ этихъ князей кроткими и незлобивыми даже къ своимъ врагамъ и мучителямъ.

Особеннаго нашего вниманія заслуживаютъ въ литературномъ отношеніи тѣ Сказанія христ. легенды, кот. глубоко вошли въ жизнь всего народа. Какъ бы ни былъ любопытенъ самъ по себѣ какой-нибудь письменный памятникъ древнерусскій, онъ имѣетъ для насъ второстепенное значеніе, если не имѣетъ прямаго отношенія къ понятіямъ и убѣжденіямъ всего народа.

Высокое литературное значеніе Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ опредѣляется именно тѣмъ вліяніемъ, какое это Сказаніе произвело на фантазію народную. Въ народѣ въ теченіе вѣковъ жили и досель живутъ поэтическія преданья объ этихъ князьяхъ, и притомъ преданья двоякаго рода. Одни отличаются даже миѳологическою основою и запечатлѣны мѳическимъ характеромъ въ извѣстномъ Сказаніи о <u>трояновомъ</u> или <u>Змѣевомъ</u> валѣ. Какъ благотворители первобытной Руси, Борисъ и Глѣбъ куютъ первый плугъ и проводятъ первую борозду на Русской почвѣ.

<u>Лекція 8ая</u> Сказанія, возникшія на новой историч. почвѣ, относятся къ мѣстности южнорусскихъ сказаній и столько же составляютъ достояніе литературы, какъ и предлагаютъ самую полную обстановку историческую для опредѣленія характера и дѣятельности нашихъ древнихъ писателей. Эти сказанія были обработываемы отъ конца XI в. до конца XIII в. Кіево-печерскими монахами — Несторомъ, Поликарпомъ и Симономъ, кот. былъ потомъ Епископомъ Владиміра и Суздаля (Несторъ — нашъ лѣтописецъ, а Симонъ писалъ посланія къ Поликарпу). Сказанія этихъ трехъ писателей составили впослѣдствіи цѣлый сборникъ, извѣстный подъ именемъ Кіево-Печерскаго патериха.

Сказанія Кіево-Печ. патерика вводятъ насъ во внутренній бытъ образующейся Руси XI и XII вв., во всѣ главные интересы эпохи.

Такъ какъ христ. просвѣщеніе было принадлежностью немногихъ избранныхъ, передовыхъ людей этого времени, то первое, что обращаетъ на себя наше вниманіе — это отношенія водворявшейся въ Кіевѣ христ. цивилизаціи и христ. святыни (пот. что это была самая важная святыня, къ которой все тяготѣло и отъ которой все исходило) — и усиливавшейся власти духовенства къ власти свѣтской — князьямъ, боярамъ и дружинѣ. Если, какъ мы видѣли, въ началѣ интересы князей и духовенства совпадали въ борьбѣ съ языческою Русью, пот. что язычниковъ должно было покорять и духовенство, чтобы водворять свое вліяніе, а также и князья, чтобы собирать съ языческой толпы подать, то въ послѣдствіи, и даже очень скоро — особенно тамъ, гдѣ не нужно было дѣйствовать общими силами противъ общаго ихъ врага — язычества — эти обѣ силы (церковная или по преимуществу монашеская, и свѣтская — княжеская, боярская, дружинная) могли уже раздѣлиться на два враждебныхъ стана. Так. образомъ, въ высшей

степени важно и для литературы и для изученія быта прослѣдить отношенія князей XI–XII в. къ благочестивымъ дѣятелямъ Кіево-Печ. Монастыря, какъ эти отношенія изображены въ литературной формѣ Кіевскаго Патерика: тогда для насъ объяснится и историческая дѣятельность Нестора, какъ монаха. Разсматривая Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ и о чудотворномъ сооруженіи церкви Кіевской во имя Успенія Божіей Матери, мы видѣли уже, что эти Сказанія соотвѣтствовали интересамъ извѣстныхъ княжескихъ личностей.

Какъ Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, кромѣ своего собственнаго значенія, было направлено къ прославленію храбраго, христолюбиваго и книголюбиваго князя Ярослава, такъ Сказаніе о построеніи Кіево-Печ. церкви носитъ на себѣ слѣды вліянія Всеволодова рода и Мономаховичей. Любовь къ книжному ученію и покровительство духовенству (какъ мы видѣли въ свидѣтельствѣ Нестора) — вотъ главныя причины симпатіи, кот. писателей древней Руси и составителей легендъ связывала съ князьями и боярами. Симпатія писателей къ Всеволодову роду очень много объясняется книжнымъ ученіемъ, кот. процвѣтало въ этомъ родѣ. Владиміръ Мономахъ, самъ знаменитый авторъ поученія дѣтямъ — свидѣтельствуетъ о своемъ отцѣ, кот. изучилъ 5 языковъ, и ставитъ его въ примѣръ своимъ дѣтямъ.

Конечно, не всѣ князья этой эпохи относились къ вопросамъ просвѣщенія съ такой симпатіей, какъ Владиміръ Мономахъ, и его дѣятельность, его отношенія къ духовенству выступаютъ ясно, если по Сказанію Кіево-Печ. Патерика обратимъ вниманіе на враждебныя покушенія другихъ князей противъ монашества и аскетической дѣятельности, усиливавшейся въ Кіево-Печ. монастырѣ.

Такъ какъ лѣтописцами и составителями церковныхъ и монастырскихъ Сказаній были монахи и вообще люди грамотные, то само собою разумѣется, вражда къ духовному чину въ глазахъ лѣтописцевъ или сказателя набрасывала тѣнь на историческую личность, хотя въ другомъ отношеніи и замѣчательную по своей свѣтской дѣятельности.

Лѣтописцы естественно становились къ такой личности пристрастными, чувствовали къ ней симпатію. Так. образомъ древнѣйшія уже Сказанія, переданныя намъ въ Кіево-Печ. Патерикѣ, раскрываютъ передъ нами много тайныхъ нитей въ этой любопытной тяжбѣ свѣтской власти съ духовною. Такъ что съ перваго раза, какъ вы ступите на почву литературы духовной и житій святыхъ — разувѣряетесь въ сентиментальныхъ идеяхъ, кот. господствовали нѣкогда, будто-бы наша древняя Русь была особенно благочестива. Какъ только полагаются основанія Кіево-Печ. святыни, тотчасъ-же начинаются враждебныя столкновенія отшельниковъ съ Кіевскимъ Княземъ, кот. въ сосѣдствѣ этой новой силы видѣлъ противодѣйствіе своей свободной дѣятельности; онъ уже находился подъ контролемъ, видѣлъ просвѣщенные глаза, кот. слѣдили за нимъ; ему нужно

было или подчиниться этому вліянію или объявить ему войну. Коль скоро около преп. Антонія стали собираться его благочестивые последователи, тотчас-же были привлечены въ это избранное общество нѣкоторые изъ лицъ, приближенныхъ къ князю Изяславу, и именно нѣкто Варлаамъ, сынъ боярина Іоанна, и княжій отрокъ Ефремъ Евнухъ. Ихъ, безъ сомнѣнія, увлекли, но нѣтъ сомнѣнія, что эти лично по своему характеру имѣли наклонность къ монашеской жизни и связанному съ нимъ развитію духовному. Монахи приняли обоихъ въ свою братію и постригли ихъ. Отецъ-же Варлаама, бояринъ Іоаннъ, узнавъ, что сынъ его уже постриженъ Никономъ, очень разгнѣвался на преподобныхъ, и взявъ многихъ отроковъ своихъ, пошелъ на святое-то стадо въ пещеры, идѣже всѣхъ разгна. А сына своего Варлаама, взявъ изъ монастыря, и, сбросивъ съ него монашескую мантію, велѣлъ его одѣть въ свѣтское платье. Князь Изяславъ за постриженіе Варлаама и Ефрема также сильно разгнѣвался на монаховъ, и, велѣвъ привести передъ себя Никона, кот. обыкновенно постригалъ въ монахи при Антоніи, съ гнѣвомъ на приведеннаго взглянулъ и сказалъ ему: „ты-ли постригъ боярина и евнуха въ монахи безъ моего позволенія?" Никонъ мужественно отвѣчалъ: „благодатію божіею я постригъ ихъ по повелѣнію Небеснаго царя І. Христа, призвавшаго ихъ на таковой подвигъ." Тогда князь, разъярившись, возразилъ: „или увѣщевай ихъ воротиться домой, или я сошлю тебя въ заточеніе и всѣхъ твоихъ товарищей, и пещеру вашу раскопати повелю. Монахи такъ были напуганы этою грозою, что вмѣстѣ съ Антоніемъ вышли было изъ пещеры и хотѣли спастись отъ княжаго гнѣва въ другой области. Только по ходатайству своей супруги Изяславъ смягчился.

Когда Кіевляне, враждуя своему князю Изяславу, выпустили изъ заточенія Всеслава Полоцкаго и посадили его на Кіевскій престолъ; тогда Изяславъ, какъ извѣстно, бѣжалъ къ Болеславу Смѣлому въ Польшу, и, воротившись уже съ нимъ, прогналъ Всеслава. При этомъ случаѣ легенда присовокупляетъ: „тогда Изяславъ, въ Кіевъ вошедъ, начать на преподобнаго Антонія гнѣватися зѣло, діаволу наустившу. Нѣкто бо предъ Изяславомъ бяше оклеветалъ аки бы Антоній Всеслава любилъ и совѣтовалъ ему: тѣмъже и всему тому смятенію, аки бы виновенъ былъ."

Какъ бы то ни было, но Антоній долженъ былъ спасаться отъ мщенія Изяслава, и, войдя въ сношенія съ Святославомъ Черниговскимъ, онъ получилъ отъ него защиту; тайно ночью скрылся изъ пещеръ и бѣжалъ въ Черниговъ. Потомъ недалеко отъ этого города выкопалъ себѣ пещеру въ горѣ Болдини, гдѣ впослѣдствіи созданъ былъ монастырь (въ самомъ Черниговѣ - Елецкій Успенскій монастырь, названный по ели, на которой явилась икона Богородицы).

Позднее примиреніе Изяслава съ Антоніемъ и возвращеніе послѣдняго въ Кіевскую . . . область, равно какъ и милости этого князя Варлааму, сдѣлавшемуся потомъ игуменомъ, нисколько не смягчаютъ предшествовавшихъ фактовъ, переданныхъ въ Патерикѣ.

Когда составлялось преданіе объ Антоніи, очевидно — Изяславъ не пользовался симпатіею между монахами, и, какъ кажется, потому преимущественно, что преслѣдуя отшельниковъ Печерскихъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ держался стороны польской, былъ женатъ на полькѣ, и приводилъ въ Кіевъ Болеслава съ Ляхами.

Сказаніе даже сравниваетъ Изяслава съ Болеславомъ Храбрымъ. Тотъ и другой преслѣдовали и изгоняли монаховъ. Сама супруга Изяслава намекаетъ на это сходство, предупреждая своего супруга отъ гибельныхъ послѣдствій за такое беззаконіе. "Она же воспоминаше князю гнѣвъ божій, иже бысть въ отечествіи ея въ земли Лядской, изгнаннымъ бывшимъ черноризцемъ отъ отца ея Болеслава Храбраго за постриженіе преподобнаго Моисея Угрина: и глаголаше ему: послушай мене, господине, и не гнѣвайся, ибо такожде въ странѣ нашей отгнани быша таковые черноризцы, и много зла сотворися за нихъ."

Вообще отношенія съ Польшею представляются въ лѣтописяхъ нашихъ, житіяхъ и легендахъ, какъ знаки нечестія. Въ Печерскій патерикъ внесенъ даже одинъ замѣчательный примѣръ мученичества православнаго монаха отъ Ляховъ. Это именно сказаніе о Моисеѣ Угринѣ (Пат. л. 117 и слѣд.).

Это состоитъ въ взаимной связи съ житіемъ Бориса и Глѣба, потому что Моисей по преданію былъ изъ дружины Бориса, и именно братъ тому вѣрному воину, Георгію Угрину, котораго изъ за золотой гривны обезглавили воины Святополковы, когда убивали Бориса. Будто бы тогда Моисей спасся бѣгствомъ въ Кіевъ къ сестрѣ Ярослава, къ Предиславѣ. Потомъ Святополкъ Окаянный привелъ на Ярослава Ляховъ съ Болеславомъ, и, прогнавши Ярослава, сѣлъ княжить въ Кіевѣ: тогда Болеславъ возвращаясь домой взялъ съ собою много плѣнныхъ изъ Руси, въ число которыхъ попалъ и Угринъ. Если бы Моисей Угринъ захотѣлъ, ему было бы въ Польшѣ очень хорошо, пот. что его полюбила одна богатая и прекрасная Полька, принадлежавшая къ значительной фамиліи ляшской, и вмѣстѣ съ своею рукою предлагала ему все свое богатство.

Но когда во имя монашескаго безбрачія Моисей презрительно отвергъ всѣ предложенія этой выгодной партіи, тогда подвергся страшнымъ мученіямъ. Это житіе, видимо составленное подъ вліяніемъ аскетическихъ идей, наполнено въ общихъ мѣстахъ доводами противъ брачной жизни. Но самую существенную историческую часть его составляетъ возбужденіе ненависти къ Ляхамъ за гоненіе, которое будто бы воздвигъ Болеславъ на монаховъ ради той прекрасной Польки, кот. Моисей Угринъ посрамилъ презрѣніемъ. Намъ извѣстна уже связь этого мѣста съ повѣствованіемъ о гоненіяхъ князя Изяслава на Антонія

Кромѣ того, слѣды въ Кіево-Печ. сказаніяхъ къ Ляхамъ очевидны еще въ одномъ, повидимому, незначительномъ мотивѣ, но получающемъ особенный смыслъ, когда мы его поймемъ въ связи съ образомъ жидовъ и съ

направленіемъ изучаемой нами эпохи. Въ житіи Матфея прозорливаго, которое передано намъ самимъ Несторомъ, между прочимъ разсказывается слѣдующее: Однажды этотъ блаженный старецъ стоялъ въ церкви на своемъ мѣстѣ. Взглянувъ на братію, стоящую по обѣимъ сторонамъ и поющую, вдругъ видитъ онъ — обходитъ ихъ всѣхъ бѣсъ въ образѣ Ляха (позднѣйшей редакціи — въ образѣ воина), а въ приполѣ носитъ цвѣтки, называемые лѣпками; беретъ изъ изъ лона и бросаетъ на каждаго изъ братіи. Когда кому бросить онъ цвѣтокъ и когда цвѣтокъ прилѣплялся къ кому изъ братіи, тотъ постоявъ немного выдумывалъ какую-нибудь мнимую причину и оставлялъ церковь, шелъ къ себѣ въ келью и засыпалъ. А къ кому цвѣтокъ не прилѣплялся, тотъ стоялъ крѣпко въ теченіи всей утрени.

Это любопытное мѣсто изъ Патерика вошло въ изображеніе Страшнаго Суда, именно составивъ эпизодъ о лѣнивыхъ монахахъ.

Итакъ, антипатія Кіево-Печ. преданій къ князю Изяславу не малою долею обязана своимъ происхожденіемъ сношеніямъ и родству этого князя съ Болеславомъ Ляшскимъ.

__Лекція__ 9ᵃ. Феодосій много заботился о книжномъ просвѣщеніи своей братіи, учредилъ строгое и суровое общежитіе въ пещерахъ по примѣру православныхъ монастырей Афонской горы и постоянно имѣлъ въ виду противопоставлять монашеское смиреніе грубымъ силамъ власти свѣтской.

Въ прошедшей лекціи мы видѣли, какъ Изяславъ враждовалъ къ Кіево-печерскому монастырю. Онъ даже хотѣлъ противопоставить ему другую такую-же духовную власть, устроивъ свой собственный монастырь, надѣясь тамъ найти себѣ поддержку — монастырь Св. Димитрія (Димитрій было его крещенное имя, а Изяславъ — княжеское) и поставивъ въ немъ игуменомъ блаженнаго Варлаама, того самого, за котораго онъ воздвигъ гоненіе противъ Кіево-печерской братіи. Но Феодосій умѣлъ сблизиться съ Княземъ Изяславомъ и подчинить его монастырской дисциплинѣ въ отношеніи къ кіевскимъ пещерамъ.

Между прочимъ препод. Феодосій положилъ уставъ, чтобы вратарь никому не отворялъ воротъ отъ полудня до вечерни, пока послѣ обѣда отдыхаетъ братія. Однажды въ полдень подъѣхалъ къ монастырю князь Изяславъ только съ однимъ малымъ отрокомъ, сошелъ съ коня, потому что онъ не позволялъ себѣ въѣзжать на монастырь, и сталъ стучаться въ ворота (древняя церемонія). Но вратарь, не видя за воротами князя и не впуская его, сказалъ: „мнѣ повелѣно отъ игумена, если даже князь пріидетъ въ это время — не отпирать воротъ; если хочешь, потерпи немного, когда будетъ вечерня." Но и узнавъ князя, все же вратарь не посмѣлъ его впустить, а сначала пошелъ доложить Феодосію. Пришелъ самъ Феодосій и ввелъ князя въ монастырь.

Утверждая т. о. образомъ законный порядокъ въ монастырѣ, Феодосій хотѣлъ утвердить законность и въ дѣлахъ свѣтскихъ. Поэтому онъ, во имя законности

протестовалъ противъ Святослава Черниговскаго, когда тотъ, изгнавъ Изяслава, сѣлъ на Кіевскомъ престолѣ. Укротивъ Изяслава, сдѣлавъ его изъ врага монастырю защитникомъ и покровителемъ, Феодосій, подъ предлогомъ похищенія правъ старшинства, обличалъ Святослава и на словахъ и письменно, посылая къ нему посланія, и грозою церковною желалъ его подчинить вліянію новыхъ идей, рассадникомъ которыхъ являлся Печерскій монастырь. Въ одномъ изъ посланій къ Святославу Феодосій позволяетъ себѣ даже такую фразу: "гласъ крови брата твоего вопіетъ къ Богу, якоже Авелева на Каина." Это было уже слишкомъ. Святославъ вышелъ изъ себя. Прочитавши это посланіе, въ гнѣвѣ бросилъ его на полъ — <u>яко левъ рыкну на преподобнаго</u> — и грозилъ ему немедленнымъ заточеніемъ. Эта гроза привела въ ужасъ монаховъ и многихъ изъ бояръ. Они стали Феодосія уговаривать, чтобы онъ смягчился. Несторъ въ Патерикѣ свидѣтельствуетъ, будто Феодосій бодро принялъ это наказаніе и стоялъ на своемъ; однакожъ, потомъ смирился, почему — неизвѣстно. Въ Сказаніи говорится объ этомъ глухо: "Посемъ-же преподобный отецъ нашъ Феодосій, много молимъ бывъ отъ братіи и отъ вельможъ, <u>наипаче же разумѣвъ</u>, <u>яко ничто не успѣетъ</u> князю сицевыми словесы, <u>преста обличати его</u>, и оттолѣ умысли мольбою того возбуждати, дабы возвратилъ брату своему область его."

Тотчасъ-же послѣ того отношенія Феодосія къ Святославу измѣняются. Святославъ съ боярами посѣтилъ Феодосія въ монастырѣ и былъ имъ принятъ съ подобающею честью и смиреніемъ. Игуменъ также сталъ посѣщать Князя.

Въ Сказаніи (по свидѣтельству самого Нестора) есть одна любопытная подробность, кот. характеризуетъ ихъ обоихъ. Изъ этой подробности видно, что Святославъ былъ наклоненъ къ народнымъ забавамъ тьвоевѣрія, любилъ веселиться, окружалъ себя пѣвцами, поэтами мірскими, пировалъ съ своею дружиною и меньше слушалъ наставленія монаховъ.

Однажды Феодосій посѣтилъ Князя Святослава. Вошедши къ князю въ хоромы, онъ увидѣлъ предъ нимъ многихъ играющихъ на гусляхъ и на другихъ инструментахъ: <u>и такъ всѣхъ веселящихся якоже обычай есть передъ княземъ</u>. Феодосій сѣлъ возлѣ Князя и, поникнувъ головой, смотрѣлъ внизъ. Потомъ, обратившись къ князю, сказалъ: "будетъ-ли такъ въ оный вѣкъ грядущій?" Князь-же умилившись словами преподобнаго, прослезился и тотчасъ-же велѣлъ играющимъ перестать. И послѣ того, когда случалось у князя игры творить, и когда князь слышалъ, что къ нему идетъ Феодосій, всегда повелѣвалъ играющимъ перестать. Выходилъ къ преподобному на встрѣчу и вводилъ его въ свои хоромы.

Было говорено уже на основаніи Слова о П. И., что у Святослава были какіе-то пѣснославцы, къ числу которыхъ можетъ быть принадлежалъ и знаменитый Боянъ. Въ этомъ Сказаніи Нестора о Феодосіи мы находимъ новое подтвержденіе тому факту, что князья окружали себя пѣвцами, но что эти пѣвцы не нравились Кіево-Печерскимъ отшельникамъ, и что въ неудовольствіяхъ между Святославомъ и Феодосіемъ

не малую долю позволительно приписать вліянію двоевѣрныхъ забавъ, мірскихъ пѣсенъ и гудьбы, къ которымъ князь Святославъ былъ расположенъ.

Если съ именемъ Всеволода Переяславскаго и Мономаховичей связывается память о дружественныхъ отношеніяхъ съ Кіево-печерскими монахами, о покровительствѣ книжному ученію и духовенству, то Святославъ Черниговскій оставилъ по себѣ память враждою съ Θеодосіемъ, двоевѣрными забавами, пѣвцами или поэтами, — которые воспѣвали его и сына его Олега, прозваннаго Гориславичемъ. Уже самая нелюбовь книжныхъ людей къ Ольговичамъ говоритъ въ пользу той мысли, что въ этомъ родѣ было меньше сочувствія къ книжному ученію и къ духовенству, нежели въ родѣ Всеволода Переяславскаго, кот., сидя дома, зналъ 5 языковъ, и у котораго сынъ — Владиміръ Мономахъ получилъ имя знаменитаго писателя въ исторіи древней русской литературы. Изборникъ 1073 г., приписываемый Святославу, и внукъ Святослава, Никола Святоша (Давыдовичъ) — составляютъ любопытныя исключенія въ предложенной мною общей характеристикѣ.

Не смотря на энергическую дѣятельность Θеодосія, все же въ семействѣ не могла искорениться вражда къ Кіево-печерскимъ монахамъ; она еще съ новой силой возникла при Святополкѣ Изяславичѣ. Этою взаимною антипатіею между княземъ и преданіями монастырскими проникнуто все Сказаніе о Прохорѣ Чудотворцѣ. Уже въ самомъ началѣ этого Сказанія читается слѣдующій неблагопріятный отзывъ объ этомъ князѣ: „Въ дни княженія Святополка Изясл. въ Кіевѣ, много насилія отъ князя сотворися людямъ: домы бо сильные безъ вины искорени и имѣнія многихъ отъятъ. Сего ради Богъ попусти поганымъ силу имѣти нань, и воставши рати многи въ державѣ его отъ Половцевъ, къ симъ же и междоусобная брань: яко быти тогда гладу многажды и скудости велiей въ Россійской землѣ." Т. о. Сказаніе обвиняетъ Святополка во всѣхъ бѣдствіяхъ междоусобія, которыхъ начальною жертвою былъ Василько Ростиславичъ.

Къ голоду, какъ обыкновенно бываетъ, присоединились разбои, <u>великое нестроеніе и грабленіе беззаконное</u>. Не пустили купцовъ къ Кіеву отъ Галича и Перемышля, и оттого не стало соли по всей земли русской, а Кіевскіе промышленники, пользуясь этимъ случаемъ, повысили цѣны на соль и много обогащались. Это народное бѣдствіе будто бы чудеснымъ образомъ было облегчаемо въ КП. монастырѣ раздачею хлѣба и соли всѣмъ приходящимъ (это мотивъ обыкновенный — во время голода монастыри кормятъ голодныхъ). Прохоръ Чудотворецъ дѣлалъ хлѣбъ изъ травы и лебеды, а соль чудодѣйственнымъ образомъ производилъ изъ пепла. Промышленники стали роптать на монастырь и жаловались Святополку Изяславичу на то, что изъ монастыря раздаютъ соль и отнимаютъ у нихъ барыши въ монополіи, купленной ими у самого князя. И князь Святополкъ, полагая, что въ монастырѣ великіе запасы соли, рѣшился его ограбить. Онъ не вѣрилъ слухамъ о чудесномъ распространеніи

хлѣба и соли въ монастырѣ при содѣйствіи Прохора Чудотворца. Вотъ какъ говорится въ Патерикѣ:

Святополкъ, услышавъ жалобу продавцевъ соли, надвое себѣ помыслилъ — и недовольство прекратить и самому себѣ обогатиться. Совѣщавшись съ своими совѣтниками, онъ рѣшилъ, чтобы цѣна соли по прежнему оставалась высокая, самъ-же онъ, отнявши соль у Прохора, будетъ ее продавать чрезъ своихъ. При этомъ случаѣ Сказаніе указываетъ на нелюбовь Святополка къ Кіевопечерскимъ монахамъ вообще и въ особенности къ игумену Іоанну, при которомъ подвизался Прохоръ Чудотворецъ.

Взаимная симпатія между родомъ Изяслава и Кіевскими монахами оказалась въ покушеніи Мстислава Святославича на блаженнаго Ѳеодора, по поводу сокровищъ, найденныхъ имъ въ Варяжской пещерѣ. Намъ уже извѣстно кіевское преданіе о Варяжской пещерѣ съ латинскими сосудами, соотвѣтствующее Новгородскому преданію о Римской утвари, въ житіи Антонія Римлянина. Носился слухъ, что Ѳеодоръ, бывшій нѣкогда человѣкомъ богатымъ, зарылъ свои сокровища въ пещерѣ, но забылъ, въ которомъ мѣстѣ зарылъ; онъ-же зналъ и о существованіи Варяжскаго клада въ пещерахъ. Извѣстіе объ этихъ монастырскихъ сокровищахъ дошло до Мстислава Святополковича, и онъ рѣшился во что-бы-то ни стало добыть это сокровище.

Утромъ, будто-бы отправляясь на охоту или на какого врага, взялъ онъ съ собою отрядъ воиновъ, и вступивъ въ монастырь, схватилъ блаженнаго Ѳеодора и привелъ къ себѣ домой. Сначала сталъ его спрашивать ласково: „Скажи мнѣ, отче, точно-ли ты нашелъ сокровище, какъ я слышалъ?“ Ѳеодоръ отвѣчалъ: „Да, нашолъ, и теперь оно скрыто въ пещерѣ.“ Князь опять спросилъ: „Извѣстно-ли, кто скрылъ это сокровище, и много-ли въ немъ золота, серебра и сосудовъ?“ Ѳеодоръ отвѣчалъ: „Когда еще жилъ преподобный отецъ нашъ Антоній, говорили, что въ той пещерѣ скрыто Варяжское сокровище, почему и пещера называется и донынѣ Варяжскою, а золота и серебра я самъ видѣлъ безчисленное множество; сосуды суть латинскіе.“ Тогда сказалъ ему князь: „Почему, отче, не отдашь ты мнѣ это сокровище? Я-бы раздѣлилъ его съ тобою: сколько хочешь, столько и возьми себѣ! Будешь за то отецъ отцу моему и мнѣ!“ Ѳеодоръ отвѣтствовалъ, что онъ ничего-бы себѣ не потребовалъ и все-бы отдалъ князю, но не помнитъ, гдѣ онъ спряталъ сокровище. Мстиславъ, думая, что монахъ нарочно утаиваетъ, съ гнѣвомъ закричалъ своимъ служителямъ: „Повелѣваю вамъ этого монаха связать по рукамъ и ногамъ! И цѣлые три дня не давайте ему ни хлѣба, ни воды, потому что онъ не захотѣлъ моей милости.“ Но и скованный Ѳеодоръ утверждалъ тоже, что Господь отнялъ у него память, гдѣ спрятано сокровище. Разгнѣвавшись еще болѣе, Мстиславъ велѣлъ несчастнаго мучить,

бить его и палить огнемъ. Но Өеодоръ продолжалъ говорить все одно и тоже. Тогда позванъ былъ другой монахъ, по имени Василій, на котораго по разнымъ обстоятельствамъ было подозрѣніе, что онъ знаетъ мѣсто, гдѣ сокрытъ кладъ. Но и этотъ монахъ, ничего не зная, давалъ отрицательные отвѣты, и также подвергся жестокимъ истязаніямъ. Тогда, будучи обличаемъ мучимыми монахами, Мстиславъ еще пуще разъярился, шуменъ сый отъ вина, вышелъ изъ себя и пустилъ стрѣлою въ блаженнаго Василія. Василій, извлекши стрѣлу изъ своей утробы, бросилъ ее къ князю, сказавъ: «Этою стрѣлою самъ уязвленъ будешь!» Въ туже ночь испустили духъ оба мученика, и предсказаніе Василія дѣйствительно сбылось надъ Мстиславомъ Святополковичемъ. Онъ былъ застрѣленъ въ городѣ Владимірѣ на забралахъ во время битвы съ Давыдомъ Игоревичемъ.

Этотъ родъ эпизодовъ любопытной повѣсти о борьбѣ южнорусскихъ князей, а особенно Кіевскихъ съ КП. монахами - заключу однимъ сказаніемъ, въ которомъ врагомъ монастыря является князь изъ христолюбивой и по тогдашнему просвѣщенной семьи Всеволода Переяславскаго; это именно Ростиславъ Всеволодовичъ, братъ Владиміра Мономаха. Печерское Сказаніе хотя и повѣствуетъ о грубомъ насиліи, которымъ прославилъ себя Ростиславъ, однако все же направлено - какъ увидимъ - къ похвалѣ Владиміра Мономаха. Именно въ Житіи Григорія Чудотв. разсказывается слѣдующее:

Однажды монахъ Григорій отправился къ Днѣпру почерпнуть воды для очищенія монастырскаго сосуда, оскверненнаго отъ паденія въ него нечистаго животнаго. Въ это время случился тамъ Ростиславъ Всеволодовичъ, который хотѣлъ войти въ Печерскій монастырь помолиться, пот. что съ братомъ своимъ Владиміромъ Мономахомъ отправлялся войною противъ Половцевъ. Увидѣвъ отроки Ростиславовы старца того, начали ругаться надъ нимъ и досаждать ему бранными словами. Старецъ же, прозрѣвъ духомъ святымъ, что эти отроки близки къ смерти, сказалъ имъ: «Вамъ бы слѣдовало имѣть умиленіе и требовать молитвы, а не делать зла: оплакивайте лучше свою погибель и кайтесь въ своихъ согрѣшеніяхъ, дабы принять отраду въ страшный день, потому что уже васъ постигъ судъ: всѣ вы потонете въ водѣ вмѣстѣ съ вашимъ княземъ.» Ростиславъ, видя въ этихъ словахъ только укоризну раздраженнаго монаха, а не пророчество, во гнѣвѣ закричалъ: «Мнѣ-ли смерть повѣдаешь отъ воды, когда я хорошо умѣю въ ней плавать? Ты самъ ея попробуешь!» Потомъ велѣлъ связать старцу руки и ноги, а къ шеѣ привѣсить камень и бросить въ воду. Такъ и былъ онъ потопленъ. Ростиславъ, не видя въ своемъ поступкѣ никакого грѣха, и пылая яростью, даже не захотѣлъ войти въ монастырь для молитвы, какъ обѣщался, а удалился отъ него. «Только Влад. Мономахъ, братъ его, - присовокупляетъ Сказаніе - въ монастырѣ бысть, молитвы и благословенія прося.»

Но потомъ, когда они перешли рѣку Стугну, вступивъ въ бой съ Половцами, и не могли ихъ одолѣть и принуждены были обратиться въ бѣгство; тогда Владиміръ бродъ перебхалъ р. Стугну, молитвъ ради и благословенія Печерскихъ святыхъ. Ростиславъ же со всѣми своими воинствами потопленъ бысть въ ней. И тако и пророченіе Святаго сбыстся, и вню же (въ какую) мѣру мѣри злый убійца, возмѣрися ему."

Это печальное событіе на Стугнѣ отозвалось заунывными жалобами матери Ростиславовой, которыя съ видимымъ участіемъ приводитъ авторъ Сл. о П. И.: « Не такъ же рѣка Стугна, злыя струи имѣя, пожравши чужіе ручьи, разбила ладью объ кусты? Юношѣ князю Ростиславу затворилъ Днѣпръ свои темные берега. Плачется мать Ростиславля по юношѣ князѣ Ростиславѣ: уныли цвѣты жалобою и дерево отъ печали къ землѣ приклонилось."

<u>Лекція</u> 10<u>я</u>. Не разъ видѣли мы, сколько симпатіи питали КП. сказанія и преданія къ Влад. Мономаху. Нынѣшній разъ, заключая эти сказанія, я приведу два изъ нихъ, очень любопытныя для исторіи внутренняго быта древней Руси, и очевидно, составленныхъ въ интересахъ Мономахова рода и какъ бы предлагающихъ истор. эпизоды историческаго повѣствованія о благочестіи Мономаха, - повѣствованія, кот. были домашними, семейными преданіями этого княж. рода.

Въ этихъ Сказаніяхъ, составленныхъ Поликарпомъ, повѣствуется въ одномъ - объ иконописцѣ Алимпіи (или Алипіи), въ другомъ - о безмездномъ врачѣ Агапитѣ.

Иконописецъ Алимпій былъ ученикомъ тѣхъ Визант. иконописцевъ, кот. прибыли на Русь для украшенія КП. храма Богородицы.

Алимпій и другіе русскіе иконописцы пользовались, вѣроятно, тѣми иконописными свитками, кот. принесли съ собою мастера Византійскіе, о чемъ свидѣтельствуетъ Сказаніе. Это рисунки на пергаменѣ, свернутые. Алимпій въ своемъ художествѣ видѣлъ спасительный, благочестивый подвигъ, подобно всѣмъ набожнымъ средневѣковымъ живописцамъ. На Западѣ художники-монахи въ XII и XIII вв. видѣли въ своемъ искусствѣ спасительный подвигъ; это явленіе обыкновенное. Извѣстно, что Готическіе Соборы были созидаемы при пособіи всего населенія, богатыхъ и бѣдныхъ, и при участіи первыхъ властей города съ ихъ женами и семействами. Въ Италіи до XV в. въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ относились къ церковному искусству, какъ къ подвигу благочестія - особенно въ Умбріи, на горахъ, на кот. были центры этого художественнаго стиля, и кот. досель обилуютъ памятниками церковнаго искусства: Перуджія, Ассизи и др. города; и въ самой Флоренціи также относились къ церковному искусству. Привожу эти примѣры изъ Италіи XV в. для того, чтобы оцѣнить взгляды нашихъ иконописцевъ, какъ напр. Алимпія. Благочестивые иконописцы, какъ у насъ въ древности, такъ и на Западѣ - не брали за свой благочестивый подвигъ денегъ. Такъ поступалъ и Алимпій, а если что и давали ему, то онъ отдавалъ въ монастырь. За свое благочестіе онъ былъ посвященъ въ священническій санъ. Съ такою теплою вѣрою предавался онъ своему искусству, что даже въ самыхъ краскахъ находилъ источникъ божественной благодати. Такъ помазывая красками, онъ исцѣлялъ болящихъ гнойными струпами, давалъ зрѣніе слѣпымъ.

Впрочемъ, не надо думать, чтобы въ эти первобытно-наивныя времена благочестія христіанскаго КП. монастырь былъ собраніемъ только подвижниковъ наивнаго, искренняго благочестія. Сказаніе объ Алимпіи вводитъ насъ въ довольно пошлыя и грязныя интриги монастырскія.

Одинъ богатый человѣкъ построилъ въ Кіевѣ церковь и хотѣлъ ее украсить иконами. Любопытная подробность для быта мастеровыхъ и художниковъ того времени: они не имѣли мастерскихъ. Въ Средніе вѣка мастерскія художниковъ наз. лавками; такую лавку имѣлъ напр. Перуджино, учитель Рафаэля. И такъ - упомянутый богатый человѣкъ принесъ двумъ своимъ знакомымъ монахамъ КП. монастыря 7 досокъ для иконъ и деньги для красокъ (Стало быть - досокъ-то не было, или были не хорошія, а заказчику нужны были, можетъ быть, кипарисныя; также и красокъ не было въ готовности: ихъ нужно было купить на деньги, данныя тѣмъ богатымъ человѣкомъ) - и поручилъ этимъ двумъ монахамъ, чтобы они попросили Алимпія написать 7 иконъ. Тѣ монахи, ничего не сказавши Алимпію, деньги оставили у себя. Между тѣмъ эти 2 монаха сказали заказчику, что деньги отданы Алимпію и что Алимпій пишетъ иконы. Черезъ нѣсколько времени эти два монаха снова обращаются къ заказчику иконъ и просятъ денегъ отъ имени Алимпія, и всѣ эти деньги оставляютъ у себя; а Алимпію ничего не говорили. Наконецъ заказчикъ иконъ, не получая ихъ отъ Алимпія, вышелъ изъ себя и пошелъ на него жаловаться игумену Никону. Игуменъ вызвалъ Алимпія и сказалъ, что же онъ не отдаетъ иконъ. Алимпій говоритъ, что ничего не знаетъ. Тогда Никонъ велѣлъ отыскать семь досокъ. Нашли. Приносятъ къ Никону, и - вдругъ на всѣхъ доскахъ оказались чудеснымъ образомъ начертаны иконы. Так. образомъ корыстолюбивые монахи были посрамлены. Но они хотѣли выпутаться изъ бѣды и утверждали, что иконы не чудеснымъ образомъ написаны были, но что они сами хорошіе мастера и сами написали ихъ, а не чудесная сила, какъ утверждаетъ Алимпій. Однако слава объ этомъ чудѣ стала распространяться: "доиде бо даже до князя Владиміра Мономаха бывшее святого рода о тѣхъ иконахъ чудо."

Къ тому же случилось и слѣдующее обстоятельство. Однажды отъ пожара выгорѣло въ Кіевѣ все Подолье, сгорѣла и та церковь, гдѣ было семь иконъ съ чудесными и нерукотворенными на нихъ изображеніями. Но эти 7 иконъ остались цѣлы и невредимы (это - мотивъ обыкновенный). Услышавъ объ этомъ, кн. Владиміръ самъ пришелъ видѣть это великое чудо, и тогда узналъ, какъ всѣ онѣ были написаны въ одну ночь Божіимъ мановеніемъ, избавившимъ отъ напасти преподобнаго Алимпія. И прославилъ тогда - говоритъ Сказаніе - князь Владиміръ Мономахъ Творца Бога, содѣявшаго толикія чудеса, добродѣтели ради Преподобнаго Алимпія: и взявши одну изъ тѣхъ иконъ, послалъ въ городъ Ростовъ, въ находившуюся тамъ каменную церковь Богородицы, построенную имъ самимъ въ мѣру КП. храма.

Къ этому семейному преданію Мономаховичей Сказаніе присовокупляетъ одну любопытную художественную подробность о томъ, какъ нѣкто заказалъ Олимпію икону Успенія Божіей Матери (это копія съ Визант. иконы, пот. что согласно съ той эпохой предосудительно было выдумывать рисунокъ вновь и тѣмъ паче, что въ монастырѣ Кіево-печерскомъ существовала икона чудотворная, то другой редакціи Алимпій не могъ представить себѣ). Но Алимпій былъ уже при смерти боленъ. Началъ писать икону, но не кончилъ. Тогда явился ангелъ и дописалъ эту икону (преданіе самое обыкновенное). У Галятовскаго въ „Небо новое“ — повторяется это сказаніе, очевидно по источникамъ польскимъ — объ одномъ литовскомъ иконописцѣ, который сталъ было дѣлать копію съ иконы Божіей Матери Ченстоховской, но вмѣсто того явился Ангелъ и написалъ ее. Эта икона перенесена въ Русь.

<u>Сказаніе</u> <u>о врачѣ Агапитѣ</u>. Агапитъ пришелъ въ пещеры еще при Антоніѣ и скоро прославился исцѣленіемъ больныхъ нѣкоторымъ зельемъ, и былъ прозванъ врачемъ. Въ тоже время въ Кіевѣ былъ другой врачъ, родомъ <u>Армянинъ</u> (это заставляетъ полагать, что Армяне могли быть и другіе въ Кіевѣ въ XI и XII вв., и, вѣроятно, изъ Армянъ были у насъ и художники, по крайней мѣрѣ архитекторы и скульпторы. Этимъ я объясняю себѣ довольно рѣзкое сходство между архитектурою Византійскою и Грузинскою: наприм. Грузинскіе храмы строятся въ три арки, какъ и наши соборы. Но вліяніе Армянъ несомнѣнно по этому сказанію и нѣкоторымъ даннымъ въ древней Руси XI и XII вв.). Онъ (Армянинъ-врачъ) былъ очень искусенъ во врачеваніи: только взглянетъ на болящаго къ смерти, немедленно скажетъ день и часъ, когда онъ умретъ. Однажды былъ принесенъ въ Печерскій Монастырь одинъ изъ такихъ болящихъ, первый изъ бояръ Князя Всеволода. Армянинъ-врачъ предсказалъ ему смерть черезъ 8 дней. Но блаженный Агапитъ, сотворивъ надъ нимъ молитву, далъ ему зелья, кот. вкушалъ самъ, и исцѣлилъ, — и по всей русской землѣ прошла объ этомъ слава. Послѣ того, сколько ни старался тотъ Армянинъ изъ зависти вредить Агапиту, ничего не успѣлъ.

Около того времени разболѣлся въ Черниговѣ Князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ. Его лѣчилъ тотъ Армянинъ, но безъ всякого успѣха, такъ что недугъ все больше усиливался. Будучи уже въ отчаянномъ положеніи, Князь послалъ къ печерскому игумену Іоанну, моля его, чтобы прислалъ къ нему Агапита. Агапитъ не пошелъ, потому что далъ обѣтъ ни для кого не выходить изъ монастырскихъ

воротъ; но послалъ князю своего цѣлебнаго зелья. Вкусивъ его, Владиміръ тотчасъ-же выздоровѣлъ, и всегда питалъ къ Агапиту искренню признательность и благоволѣніе.

Послѣ того Князь приходилъ въ Печерскій монастырь, желая увидѣть лично исцѣлившаго его врача, но Агапитъ, не ища временной славы, не показался князю. Тогда Князь послалъ ему золота, но Агапитъ отказался и отъ золота, говоря, что не онъ, а самъ Господь Богъ исцѣлилъ Князя. Посланный увѣщевалъ инока, чтобы онъ взялъ деньги по крайней мѣрѣ для раздачи бѣднымъ, но Агапитъ выбросилъ деньги вонъ изъ кельи, и сказавъ, что Князь Владиміръ и болѣе того можетъ употребить на милостыню, тотчасъ-же скрылся отъ посланнаго. „Князь же — присовокупляетъ Сказаніе — не дерзая преслушати Святаго, почалъ нещадно раздаяти имѣніе свое нищимъ."

Послѣ того Агапитъ опасно расхворался. Армянинъ-врачъ посѣтилъ его, вошелъ съ нимъ въ состязаніе <u>о врачебной хитрости</u>, вопрошая его, какимъ зельемъ врачуется какой недугъ? Потомъ взялъ Агапита за руку, предсказалъ ему, что онъ на третій день умретъ. Тогда блаженный возразилъ ему: „развѣ въ этомъ состоитъ врачеваніе? Только о смерти говоришь ты, а не о помощи! Вотъ если ты искусенъ, дай мнѣ жизнь. А если этимъ не владѣешь, что-же ты укоряешь меня? ты осудилъ меня умереть на третій день, а меня Господь Богъ извѣстилъ, что я отойду къ нему черезъ 3 мѣсяца." Такъ и случилось по словамъ безмездного врача, а Армянинъ перешелъ въ Православіе и принялъ иноческій чинъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ.

Изъ разсмотрѣнныхъ нами Кіево-Печерскихъ сказаній явствуетъ, что Всеволодъ и Мономахъ не только пользовались симпатіею монашествовавшихъ и людей грамотныхъ, но находились въ связи со всѣми образованными людьми той эпохи, съ иконописцами и врачами, которые пользовались ихъ покровительствомъ.

<u>Лекція 11</u>я. Древнѣйшія народныя сказанія, какъ вообще всей Руси, такъ и особенно сказанія южныя, Кіевскія, дошли до насъ въ значительной чистотѣ и, сколько возможно, полнотѣ въ <u>лѣтописи Нестора</u>. Собственно говоря, намъ слѣдовало-бы начать исторію нашей литературы прямо съ этой лѣтописи, потому что въ сказаніяхъ нашего лѣтописца доносятся до насъ самыя древнѣйшія первобытныя сказанія, составившіяся въ народѣ, сказанія полуэпическаго, полуисторическаго содержанія. Но такъ какъ лѣтописецъ всѣ эти сказанія собралъ въ одно цѣлое, провелъ черезъ нихъ общую мысль, освѣтилъ своими собственными соображеніями, внесъ въ лѣтопись свою собственную

личность, то чтобы ближе познакомиться съ литературною личностью лѣтописца, мы должны будемъ бросить взглядъ на ту обстановку, среди которой жилъ и дѣйствовалъ этотъ просвѣщенный монахъ Кіево-печерскаго монастыря. Поэтому я нашелъ болѣе сообразнымъ разсмотрѣть сказанія Кіево-Печерскаго патерика и познакомиться съ тою средою, въ которой воспитался нашъ лѣтописецъ. Мы подробно разсмотримъ содержаніе всей Несторовой лѣтописи, какъ относительно сказаній, помѣщенныхъ въ ней, такъ и относительно личности самого ея сочинителя. Но такъ какъ предметъ, имѣющій составить содержаніе нашихъ чтеній, весьма многостороненъ, и не представляетъ возможности въ короткое время обнять его во всей полнотѣ, то считаю нужнымъ сообщить вамъ, что въ дополненіе моихъ лекцій вы можете найти свѣдѣнія о Несторѣ и его сочиненіяхъ — въ Чтеніяхъ Шевырева, въ довольно порядочной компиляціи Галахова „Исторія Русской Словесности", въ Словарѣ Евгенія и въ Очеркахъ духовной русской литературы Филарета. Собственно для Лѣтописи Нестора — очень почтенная монографія Проф. Сухомлинова. Изданія лѣтописи и житій святыхъ: 1/ Изданіе Шлецера — по разнымъ спискамъ; текстъ сводный, по кот. изучать лѣтопись литературно невозможно, пот. что это текстъ — не Нестора, а очищенный критикою текстъ самого Шлецера. Шлецеръ взялъ себѣ за основаніе, чтобы „изъ десяти найденныхъ разногласій опредѣлить одно настоящее слово, или отгадать, что собственно писалъ Несторъ." Такимъ образомъ въ основаніе литературнаго воззрѣнія Шлецера принятъ принципъ той остроумной критики, которая во время Бентлея господствовала и въ классич. филологіи. Бентлей, дѣйствительно, многое угадывалъ въ древнѣйшихъ текстахъ; но онъ руководствовался болѣе остроуміемъ, нежели твердою, основательною филологическою критикою. 2/ Въ 1811 г. Московское Общество Исторіи и древностей россійскихъ поручило издать Несторову лѣтопись сообразно тогдашнему состоянію филологической науки и издать ее въ возможной чистотѣ и правильности. Это дѣло было поручено филологу — профессору Московскаго Университета по древней литературѣ — Тимковскому. Онъ образовался за-границей и принадлежалъ къ школѣ Гейне. Слѣдуя этому филологу, Тимковскій положилъ держаться древняго текста и приготовилъ такимъ образомъ текстъ Нестора по списку Лаврентьевскому, но приготовилъ не все: кончилъ началомъ княженія Ярослава въ Кіевѣ. Трудъ его былъ изданъ послѣ его смерти въ 1824 г. Лаврентьевскій списокъ, дѣйствительно, содержитъ въ себѣ самую лучшую, древнѣйшую редакцію Несторовой лѣтописи;

этотъ списокъ отъ 1377г. составленъ въ Суздалѣ монахомъ Лаврентіемъ и доведенъ до 1306г. Вотъ что говорится въ послесловіи: „Радуется купецъ прикупъ створивъ и кормьчіи въ отишье приставъ и странникъ въ отечьство свое пришедъ, такоже радуется и книжныи списатель, дошедъ конца книгамъ, такоже и азъ худыи, недостоиныи и многогрѣшныи рабъ Божіи Лаврентеи мнихъ. Началъ есмъ писати книги сия, глаголемыи лѣтописецъ, мѣсяца Генваря въ ДI, на память святыхъ отецъ нашихъ аввадъ, в Синаи и въ Раифѣ избьенныхъ, князю великому Дмитрию Костянтиновичю, а по благословенью священьнаго Епископа Дионисья, а кончалъ есмъ мѣсяца Марта въ К на память святыхъ отецъ нашихъ, иже в манастырѣ святаго Савы избьеныхъ ѿ Срацинъ, в лѣто ҂SѾПЕ (6885–1377), при благовѣрномъ и христолюбивомъ князи великомъ Дмитрии Костянтиновичи и при Епископѣ нашемъ христолюбивомъ Деонисѣи (должно — Дионисѣи) Суждальскомъ и Новгородьскомъ и городьскомъ. И нынѣ, господа отци и братья! оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или недописалъ: чтите, исправливая Бога дѣля, а не клените, занеже книгы ветшаны, а оумъ молодъ недошелъ, слышите Павла Апостола глаголюща: не клените, но благословите. А со всѣми нами христьяны Христосъ Богъ нашъ, Сынъ Бога живаго, емуже слава и держава и честь и покланянье со отцемъ и съ пресятымъ Духомъ, и нынѣ и присно въ вѣки, аминь."

Этотъ знаменитый списокъ принадлежалъ сначала Мусину-Пушкину, потомъ онъ былъ подаренъ Мусинымъ-Пушкиномъ Импер. Александру I, а Императоръ передалъ его на храненіе въ Импер. публ. библіотеку. Списокъ называется Лаврентьевскимъ по писцу, который списалъ его въ 1377г., списанъ онъ съ древнѣйшаго списка, который вѣроятно относится къ 1306г. Иначе называется этотъ списокъ Суздальскимъ, потому что составленъ въ Суздалѣ, а также и Пушкинскимъ, потому что принадлежалъ Мусину-Пушкину. Въ другихъ спискахъ въ меньшей чистотѣ сохранилась лѣтопись Нестора. Эти списки: Никоновскій (изд. 1767–92г.), Кенигсбергскій (изд. 1767г.), Воскресенскій — списанъ съ Ипатьевской лѣтописи, интересенъ для исторіи языка (изд. 1793г.); но самое лучшее изданіе Тимковскаго. 3) Затѣмъ въ 1846г. уже не одна лѣтопись Нестора до Ярослава, какъ издалъ Тимковскій, но весь Лаврентьевскій списокъ былъ изданъ трудами Археографической коммиссіи. Но изданіе Тимковскаго лучше въ филологическомъ отношеніи — по особенностямъ древняго правописанія, удержаннаго Тимковскимъ. Издатели Археограф. коммиссіи — не филологи; они обращали вниманіе только на содержаніе, поэтому текстъ подновленъ относительно правописанія, особенности въ начертаніи буквъ сглажены, — все это переведено на гражданскій шрифтъ, изъ подъ титлъ слова

прочтены сполна и напечатаны по нынѣшнему, не смотря на то, что встарину онѣ писались иначе, наприм. солнце в.м. сълнце и т.п. Даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прочтено не вѣрно, наприм. вышеупомянутое - изъгона-лъпокъ. Тѣмъ не менѣе, не смотря на основанія вовсе не филологическія, мы должны быть благодарны Археографической Коммиссіи за изданіе всего Лавр. списка. Издатели приложили также и варіанты, преимущественно по Ипатьевскому списку, но этотъ послѣдній списокъ съ начала до XII в. представляетъ сходство съ Лаврентьевскимъ, поэтому Археограф. коммиссія внесла варіанты, явившіеся только послѣ этого времени. Другой списокъ лѣтописи, сходный съ Ипатьевскимъ — списокъ Хлѣбниковскій. Третій — списокъ Радзивиловскій — особенной редакціи, отличный отъ списка Ипатьевскаго — относится къ концу XV в. или къ нач. XVI в.; онъ принадлежалъ князю Радзивилу, который въ 1668 г. подарилъ его въ Кенигсбергскую библіотеку, почему онъ наз. также и Кенигсбергскимъ спискомъ. Въ 1716 г. Петръ Великій приказалъ списать копію съ него, а въ 1761 г. былъ пріобрѣтенъ и подлинникъ; въ 1767 г. былъ изданъ. Этотъ списокъ относительно текста довольно неисправенъ, но замѣчателенъ по множеству рисунковъ, хотя и грубо сдѣланныхъ, но тѣмъ не менѣе интересныхъ въ отношеніи худо-жественномъ и по костюмамъ. Наконецъ 4й списокъ — Троицкій, находящійся въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ, сходенъ съ Радзивиловскимъ.

Изъ прочихъ сочиненій Нестора обращаютъ на себя вниманіе Житія Святыхъ и особенно Житіе Бориса и Глѣба, по списку XIV вѣка — въ Сборникѣ Сильвестровскомъ (принадлеж. извѣстному священнику Сильвестру временъ Іоанна Грознаго), изд. Срезневскимъ — съ миніатюрами, изъ коихъ нѣкоторыя раскрашены; списокъ находится въ Синодальной библіотекѣ. Изъ изданныхъ сочиненій Нестора особенно интересно для насъ Житіе Ѳеодосія, изд. Бодянскимъ въ Чтеніяхъ Общ. ист. и др. Россійскихъ, въ 3 кн. 1858 г. Текстъ этого житія немногимъ позднѣе самого Нестора, списанъ въ XII в. и едва-ли не съ самого оригинала, и имѣетъ великую важность для исторіи русскаго языка; списокъ житія находится въ небольшой библіотекѣ Успенскаго Собора.

Обратимся теперь къ личности Нестора. Свѣдѣній о жизни Нестора дошло до насъ мало. Родился около 1056 г., гдѣ — неизвѣстно; скончался не ранѣе 1114 г., пот. что въ своей лѣтописи онъ положилъ обнять время отъ 852–1113 г.: «Въ лѣто 6360 (852 г.) наченшу Михаилу царствовати, начася прозывати Руская земля.... Тѣмъ-же отселѣ начнемъ и числа положимъ.» Затѣмъ, показавъ годы княженія Олега и другихъ до Ярослава и сказавъ, что отъ смерти Ярослава до смерти Свято-полка-Михаила 60 лѣтъ, въ заключеніе росписи говоритъ: „Но мы на прежнее возвратимся, скажемъ, что ся удѣя въ лѣта си (852–1113 г.)."

Успѣлъ-ли Несторъ довести свою лѣтопись до 1113 г. — неизвѣстно, но въ Лаврент. и Кенигсбергскомъ спискахъ подъ 1110 г. сказано: «Игуменъ Селивестръ Святаго Михаила (Кіевскаго Выдубицкаго монастыря, потомъ епископъ Переяславля Кіевскаго) — написалъ книгы си Лѣтописець, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у Св. Михаила, въ 6624 (1116 г.) индикта 9 лѣта; а иже чтеть книгы сія, то буди ми въ молитвахъ.» Семнадцати лѣтъ, какъ пишетъ онъ о себѣ въ лѣтописи, пришелъ онъ въ Кіево-Печерскій монастырь и былъ постриженъ въ монашество игуменомъ Стефаномъ; потомъ посвященъ въ діаконы. Подъ 1091 г. сообщаетъ онъ о себѣ въ лѣтописи, что ему вмѣстѣ съ двумя монахами поручено было отыскать въ землѣ и выкопать мощи Св. Феодосія, что онъ и сдѣлалъ, трудясь цѣлую ночь. И только. Въ Патерикѣ Печерскомъ сказано, что Несторъ «поживе лѣта довольна, трудился въ дѣлахъ лѣтописанія и лѣта вѣчная поминая, и тако добрѣ угоди Творцу лѣтомъ, къ нему-же по лѣтехъ временныхъ довольныхъ преставися на вѣчность, и положенъ есть въ пещерѣ.

Лекція 12я. Изученіе Нестора начнемъ съ его лѣтописи.

Лѣтопись Нестора современна Зонарѣ, Козьмѣ Пражскому, раньше Гельмольда, Надлубека, Далимила.

Мы не будемъ относиться къ этому превосходнѣйшему сочиненію древней Руси, какъ къ произведенію въ своемъ родѣ единственному въ Средніе вѣка и далеко опередившему собою-какъ временемъ, такъ и достоинствами-другихъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ, какъ это казалось нѣкоторымъ славянофиламъ. Мнѣ кажется, что лишнія хвалы не увеличатъ тѣхъ достоинствъ, кот. я представляю себѣ въ этомъ произведеніи древней литературы. Чтобы не окружать своего разбора ссылками на лѣтописцевъ средневѣковыхъ — желающимъ рекомендую сочиненіе Ваттенбаха — О средневѣковыхъ лѣтописцахъ. Это какъ-бы учебникъ, историческій перечень по народностямъ и вѣкамъ лѣтописцевъ Среднихъ вѣковъ, а также и другихъ историч. источниковъ. Для Славянскихъ лѣтописцевъ я считаю лучшимъ сочиненіемъ монографію Палацкаго О лѣтописцахъ Чешскихъ (на нѣм. яз.) Начнемъ разборъ лѣтописи Нестора съ ея состава.

Составъ лѣтописи опредѣляется источниками, которыми пользовался лѣтописецъ. Во 1хъ самая мысль составить лѣтопись Русской земли, мысль, кот. скептикамъ временъ Каченовскаго казалась недоступною для русскаго монаха XI или нач. XII в. — эта мысль очень легко могла быть почерпнута изъ источниковъ письменныхъ. Письменность, какъ извѣстно — перешла къ намъ изъ Болгаріи, а въ Болгаріи въ X в. были переведе

Греческій хронографъ. Мы знаемъ, что по повелѣнію Болгарскаго Царя Симеона пресвитеръ и мнихъ болгарскій перевелъ хронику Іоанна Малалы. Нѣкоторыя подробности объ этой хроникѣ находятся въ предисловіи къ изданію Кн. Оболенскаго Переяславльской Лѣтописи. Предисловіе это, хотя и безъ подписи автора, но главнымъ образомъ въ томъ, что касается свѣдѣній библіографическихъ и сличеніемъ болгарскаго текста съ Греческимъ — принадлежитъ покойному Ундольскому. Сверхъ того Несторъ — чему если бы кому вздумалось приписать Лѣтопись какому нибудь другому лицу, пот. что, можетъ быть, до Нестора были другіе лѣтописцы — лѣтописецъ въ концѣ XI или въ началѣ XII в. могъ имѣть подъ руками уже въ самомъ Кіевѣ Визант. лѣтопись, пот. что въ Изборникѣ Святослава 1073 г. есть лѣтопись вкратцѣ Никифора, патріарха Цареградскаго — отрывки изъ нея, перечень событій и лицъ. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что Несторъ пользовался Хроникою Георгія Амартола и приводитъ изъ этой хроники нѣкоторыя свѣдѣнія. И такъ, что касается общаго обзора всеобщей исторіи — о монархіяхъ, о древнихъ народахъ, о Греціи, — все это лѣтописецъ заимствовалъ изъ греческой хроники. Въ изданіи Археограф. Коммиссіи лѣтописи Нестора по Лаврентьевскому списку — въ концѣ, въ видѣ приложенія помѣщены соотвѣтственныя мѣста изъ лѣтописи Нестора и отрывки изъ Георгія Амартола и лѣтописи вкратцѣ Никифора патр. Цареградскаго.

Далѣе — о календарѣ (предметѣ первой важности для опредѣленія хронологіи) — особенно заботились просвѣтители нашихъ предковъ Христ. вѣрою. Это было необходимо для обозначенія праздниковъ — во 1-хъ для того, чтобы по календарю распредѣлять на каждый день церковную службу; во 2-хъ для того, чтобы въ мысляхъ и воображеніи новообращенныхъ Христіанъ освятить каждый день воспоминаніями Христ. личности. До какой степени вперялось въ воображеніе, память и обычаи грамотныхъ людей воспоминаніе на каждый день Святыхъ — видно изъ приписокъ, послѣсловій и короткихъ лѣтописей, прилагаемыхъ писцами къ рукописямъ, которыя они переписывали: Азъ грѣшный — наприм. — начахъ писати (такую-то книгу) __на память такого-то Святаго__. Календарь предлагаетъ церковныя записки, имѣвшія характеръ историческій и содержавшія въ себѣ краткія историч. свѣдѣнія о Святыхъ и о событіяхъ церковныхъ. Слѣд., такія записки церковныя, соединенныя съ календаремъ не только могли быть, но и были во время Нестора, пот. что грамотнымъ людямъ хорошо были извѣстны годовщины каждого дня — и дѣйствительно въ XI в. (какъ свидѣтельствуютъ рукописи Моск. Синод. типографіи) были у насъ Минеи служебныя, расположенныя по

мѣсяцахъ и дняхъ, въ память каждаго святого. Так. образомъ свѣдѣнія календарныя съ краткими житіями Святыхъ, съ повѣствованіями о событіяхъ церковныхъ послужили примѣромъ и для записокъ о событіяхъ русской земли и безъ всякаго сомнѣнія - церковныя записки какія-нибудь были, по кр. мѣрѣ это необходимо было въ соборахъ и монастыряхъ. Эти церковныя записки, безъ сомнѣнія, и послужили канвою для событій, кот. задолго предшествовали лѣтописцу.

Затѣмъ положительно извѣстно, что въ лѣтопись Нестора вошли вкратцѣ нѣкоторыя житія русскихъ святыхъ - Бориса и Глѣба, Феодосія и др.; вмѣстѣ съ тѣмъ и свѣдѣнія о монастырѣ Кіево-Печерскомъ и о монахахъ.

Далѣе - у лѣтописца могли быть подъ руками документы письменные; по кр. мѣрѣ мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что онъ не выдумывалъ, а списывалъ съ какой нибудь хартіи договоры Русскихъ князей съ Греками, - фальши со стороны лѣтописца въ этомъ случаѣ не могло быть никакой. Во время оно скептическая школа находила смѣшными эти договоры, ибо народъ дикій не могъ выдумывать и видѣть потребности въ договорахъ съ Греками. Конечно - но Греки заключали договоры не только съ людьми образованными, но и съ дикарями, если то соотвѣтствовало ихъ политическимъ выгодамъ.

Далѣе - едва-ли не самый важный источникъ въ литературномъ отношеніи - устные разсказы - не только отъ туземцевъ Славянъ и Варяговъ, но можетъ быть и отъ иностранцевъ, кот. въ XI и XII вв. было очень много въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, ибо нельзя никоимъ образомъ признать за пустую фразу слѣдующаго выраженія въ Сл. о Полку Игоревѣ: « Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святославлю, каютъ князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы."

По свидѣтельству Владиміра Мономаха, приведенному нами выше - отецъ его Всеволодъ Переяславскій - " сидя дома, зналъ пять языковъ." Мы знаемъ также, что въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ были Варяги /тамъ сохранились Варяжскія пещеры, Варяжскій кладъ/, были Армяне, были выходцы изъ Польши, были Болгары, Греки, Угры, Козары и пр. Связью съ южными славянами поддерживалась связь съ Греками, и главнымъ узломъ этой связи въ XI в. была Афонская гора, откуда былъ присланъ въ Русь и монастырскій уставъ. Так. образомъ изъ этихъ сношеній какъ съ туземцами, такъ и съ иностранцами - человѣкъ грамотный, просвѣщенный, находившійся въ центрѣ просвѣщенной Руси, въ Кіевѣ, могъ имѣть свѣдѣнія и вообще о народахъ и о событіяхъ иностранныхъ и о Славянахъ въ особенности. Впослѣдствіи прослѣдимъ нить отношеній Русскихъ къ другимъ Славянамъ. Какъ связи были преданія

о связи Русскихъ съ другими Славянами, видно изъ разсказа Лѣтописца о Святославѣ Игоревичѣ, который, будучи въ Кіевѣ, мечталъ о болгарскомъ городѣ, чтобы основать тамъ свою столицу, "яко ту - говоритъ онъ - вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, паволоки, вина, овощеве разноличныя, изъ Чехъ-же, изъ Угоръ сребро и комони, изъ Руси-же скора и воскъ, медъ и челядь." Что касается до свѣдѣній о событіяхъ туземныхъ, то многое могло переходить къ Лѣтописцу изъ устъ народа - и притомъ, или посредственно, черезъ какое нибудь другое лицо, или-же самъ Лѣтописецъ непосредственно могъ слышать отъ народа: въ дѣтствѣ онъ могъ слышать разныя басни (притчи), легенды (объ Ап. Андреѣ, о Варяжскихъ мученикахъ) и т. д.

Драгоцѣнно для насъ въ самой Лѣтописи указаніе Лѣтописца о двухъ личностяхъ, отъ которыхъ онъ могъ заимствовать многое. Эти личности были - 1) Янъ Вышатичъ (по Карамзину - Кіевскій воевода). Подъ 1106 г. мы читаемъ въ Лѣтописи: "Въ се-же лѣто преставися Янъ, старецъ добрый, живъ лѣтъ 90, въ старости маститѣ; живъ по закону Божью, не хужій бы первыхъ праведникъ, отъ негоже и азъ многа словеса слышахъ, еже и вписахъ въ лѣтописаньи семъ." О Вышатѣ мы находимъ свѣдѣніе въ Лѣтописи подъ 1043 г. (когда Яну было 27 л.): "Посла Ярославъ сына своего Володимера на Грьки, и вда ему вои многъ, а воеводьство поручи Вышатѣ отцу Яневу." Это-то указаніе и даетъ полагать, что Янъ, упоминаемый въ Лѣтописи подъ 1106 годомъ и есть сынъ Вышаты. Подъ 1093 г. помѣщено въ Лѣтописи еще одно указаніе на Яна. Именно - при описаніи приготовленій къ битвѣ съ Половцами, Лѣтописецъ говоритъ: "Святополкъ-же, и Володимеръ, и Ростиславъ созваша дружину свою на свѣтъ... и начаша думати... и пристояху свѣту сему смысленіи мужи, Янъ и прочіи. Кіяне-же не всхотѣша, но рекоша "хочемъ ся бити"... и т. д. Даже въ 1106 г., въ годъ смерти Яна, Лѣтописецъ упоминаетъ о немъ въ слѣдующихъ словахъ: "Въ лѣто 6614. Воеваша Половци около Зарѣчьска, и посла по нихъ Святополкъ Яня Вышатича, и брата его Путяту, и Иванка Захарьича, Козарина; и угониша Половцѣ и полонъ отяша. Въ се-же лѣто преставися Янъ". и т. д. Конечно, критика можетъ заподозрить одно-ли лицо - Янъ Вышатичъ и тотъ Янъ, отъ котораго Несторъ получилъ нѣкоторыя свѣдѣнія и записалъ ихъ въ лѣтописи; но это относительно источниковъ Лѣтописи не важно. Замѣчу мимоходомъ, что лѣтъ 25 тому назадъ Вельтманъ въ первый разъ принявшись объяснять Слово о п. Иг. - въ Боянѣ видѣлъ Яна Вышатича (въ прошлогоднемъ изданіи онъ оставляетъ тоже объясненіе) - причемъ онъ основывается на грамматикѣ и утверждаетъ,

Истор. Рус. яз. и Словесн. Буслаева. Лит. 7. Лит. Астахова

что Боянъ - слово сложное изъ - Янъ и союза бо; но это толкованіе не оправдывается самою грамматикою, на которую Вельтманъ его основываетъ, потому что, какъ извѣстно, союзъ бо никогда не ставится впереди предложенія и было-бы сказано въ такомъ случаѣ - Янъ бо.

Другое лицо, упоминаемое въ лѣтописи - Іеремія, монахъ Кіево-Печерскаго монастыря. Хотя Несторъ и не говоритъ прямо, что онъ писалъ по разсказамъ этого монаха, но изъ слѣдующихъ словъ его можно заключить, что онъ кое-что слышалъ отъ него, какъ отъ очевидца, и именно - о крещеніи Руси. Вотъ слова Нестора: Приводя характеристику Кіево-Печерскихъ монаховъ, онъ говоритъ: "Такоже бѣ и другый братъ, именемъ Еремія, иже помняше крещенье земли Русскыя (А какъ Несторъ могъ знать, что Еремія помнилъ объ этомъ фактѣ, если бы тотъ не разсказывалъ ему о немъ?) Сему бѣ даръ дарованъ отъ Бога: проповѣдаша предибудущая, и аще кого видяше в по...мышленьи, обличаше и втайнѣ и наказаше блюстися отъ дьявола; аще который братъ умышляше ити изъ манастыря, и узряше, и пригадъ къ нему, обличаше мысль его и утѣшаше брата; аще къ нему что рекаше, ли добро ли зло, сбудяшеся старче слово."

Наконецъ, ГГ., лѣтописецъ самъ - авторъ, прозаикъ, является съ своею личностью; слѣд. личныя наблюденія его - одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ лѣтописи. Эти личныя наблюденія давали лѣтописи не только идею и форму, но и обогащали ее новыми матерьялами, именно - замѣчаніями лѣтописца о событіяхъ какъ свѣтскихъ, такъ и церковныхъ, монастырскихъ по годамъ. Далѣе эрудиція ученаго монаха въ выпискахъ и переложеніяхъ изъ Св. Писанія, изъ Отцевъ Церкви, палеи, изъ апокрифическихъ книгъ, изъ житій святыхъ греческихъ, переведенныхъ на болгарскій языкъ (Житіе Антонія Вел., Саввы Палестинскаго). Наконецъ собственныя замѣчанія и соображенія лѣтописца, кот., давая лѣтописи особенный колоритъ, доставляли ей и содержаніе: это замѣчанія не только благочестиваго и назидательнаго характера, но и въ нѣкоторомъ смыслѣ - политическія, именно - въ сужденіи о дѣйствіяхъ той или другой изъ историческихъ личностей.

Лекція XIII. Самая лѣтопись вначалѣ уже вводитъ насъ въ кругъ древнѣйшихъ преданій, отъ которыхъ лѣтописецъ ведетъ свою лѣтопись Русской земли. Это именно древнѣйшія этнографическія и историческія связи Славянъ русскихъ съ прочими ихъ соплеменниками. Начавши свое сказаніе увѣдомленіемъ, въ чемъ состоитъ его предметъ - "Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла рускыя земля, кто въ Кіевѣ нача перве княжити и откуду руская земля стала есть."

(Во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лаврентьевск: го, послѣ словъ «се повѣсти временныхъ лѣтъ» есть прибавка — «черноризца Θеодосьева монастыря печерьского» — прибавка очень важная, свидѣтельствующая, что въ XV–XVI вв. сохранилось еще преданіе о томъ, что лѣтопись написана въ Кіевѣ). Тотчасъ-же затѣмъ лѣтописецъ бросаетъ бѣглый взглядъ на народы, подводя свою этнографическую характеристику къ общимъ мѣстамъ средневѣковыхъ сказаній — къ происхожденію рода человѣческаго отъ трехъ сыновей Ноя: «Се начнемъ повѣсть сію» — затѣмъ говоритъ: отъ Сима произошли такіе-то народы, отъ Хама — такіе-то, отъ Іафета — такіе-то. Это, слѣд., общій взглядъ съ точки зрѣнія Библіи, какъ, разсказанный на основаніи Хронографа Византійскаго. Сдѣлавъ общій перечень народовъ, раздѣливъ ихъ на рубрики по тремъ сыновьямъ Ноя, лѣтописецъ переходитъ тотчасъ-же къ сказанію о столпотвореніи Вавилонскомъ, именно для того, чтобы къ этому сказанію примкнуть тотъ фактъ, что на всей землѣ существуетъ только 72 языка, и что именно вслѣдствіе этого столпотворенія образовались эти 72 языка. Это-то и нужно было лѣтописцу, чтобы придти къ языку славянскому: «Отъ сихъ-же, говоритъ онъ, 70 и 2 языку бысть языкъ Словѣнескъ отъ племени Афетова, Норци, еже суть Словѣне.» Такимъ образомъ Несторъ съ точки зрѣнія этнографіи и потомъ по мысли о смѣшеніи языковъ и раздѣленіи ихъ переходитъ къ Славянамъ. Вотъ отсюда-то собственно начинаются древнѣйшія сказанія объ исторической и этнографической связи Славянъ, населявшихъ Русь, съ прочими соплеменниками. Прочтемъ все это мѣсто: «Отъ сихъ-же 70 и 2 языку бысть языкъ Словѣнескъ отъ племени Афетова, Норци, еже суть Словѣне. По мнозѣхъ-же временѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ. Яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Марава и прозвашася Морава, а друзіи Чеси нарекошася; а се ти-же Словѣни Хорвате бѣліи, и Серебъ, и Хорутане. Волохомъ бо нашедшимъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемъ имъ (вотъ причина, почему Славяне ушли съ Дуная), Словѣни-же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзіи Лутичи, ини Мозовшане, ини Поморяне. Такожде и ти Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру, и нарекошася Поляне, а друзіи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсахъ; а друзіи сѣдоша межю Припетью и Двиною, и нарекошася Дреговичи; иніи сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчьки ради,

яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочане. Словѣни же сѣдоша около езера Ильмеря, прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новгородъ; а друзіи сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, по Сулѣ, и нарекошася Сѣверъ. Тако разидеся Словѣньскій языкъ; тѣмже и грамота прозвася Словеньская."

Въ этомъ драгоцѣнномъ сказаніи, такъ умно и полно составленномъ, замѣчательны слѣдующіе моменты:

1/ Прежде всего — преданіе о Дунаѣ: что всѣ Славяне пошли отъ Дуная: Дунай рѣка всеславянская. Миклошичъ въ своемъ новѣйшемъ изданіи Словаря иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ слав. языки, критику котораго я представилъ въ одной изъ книжекъ Журнала Минист. Нар. просвѣщенія — взялъ на себя неблагодарную задачу доказывать, что Славяне въ древнѣйшую эпоху очень многое заимствовали у Нѣмцевъ и развили очень мало своей быта, такъ что даже такое существенное слово, какъ думать — Миклошичъ хочетъ произвести отъ Нѣмецкаго, что рѣшительно не оправдывается никакими данными. Между прочимъ и Дунай Миклошичъ помѣщаетъ среди иностранныхъ словъ и ищетъ его то въ Кельтскихъ, то въ Нѣмецкихъ нарѣчіяхъ. Что слово это отдаленнаго происхожденія — не подлежитъ сомнѣнію. Форма Дунай имѣетъ при себѣ еще другія — Дунавъ, Дуновъ, Дунаво, и окончаніе й, можетъ быть, образовалось точно также, какъ й въ словѣ домой, домовъ. Память о Дунаѣ доселѣ живетъ въ устахъ народа: Дунай — герой, бросившійся въ рѣку и давшій ей свое имя; Дунай Селивановичъ — въ припѣвкахъ. Наконецъ Дунай, какъ вообще въ Слав. нарѣчіяхъ, такъ и въ Русскомъ получили нарицательное значеніе. Напр. въ Сл. о П. Иг., которое вообще проникнуто воспоминаніями о Дунаѣ: "Дѣвицы поютъ на Дунаи, вьются голоси черезъ море до Кіева; полечю, рече, по Дунаю, омочу бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, отру князю кровавыя раны."

2/ Обозначается эпоха разселенія Славянъ вслѣдствіи нашествія Волоховъ. Волохъ — полная русская форма вмѣсто Влахъ. Въ Слав. языкѣ, какъ извѣстно, гласная стоитъ за плавною; въ другихъ-же языкахъ — передъ плавною, напр. злато — gold, шлемъ — helm; слѣд. и Влахъ соотвѣтствуетъ древненѣм. Walch, Welsch — племя Романское, Галлъ. Здѣсь достаточно замѣтить это, указывать-же въ точности, какое племя въ приведенномъ мѣстѣ лѣтописи разумѣется — нѣтъ необходимости.

3/ Разселеніе совершалось по рѣкамъ. Это фактъ исторически несомнѣнный и глубоко вкоренившійся въ народныхъ преданіяхъ и въ поэзіи Славянъ. Въ Судѣ Любуши свидѣтельствуется о предкѣ,

отъ котораго произошли два брата, спорившие о dědiny otnie – что эти

Oba bratry, oba Klenovica
Roda stara Tetvy Popelova
Jenže přide s pleky s Čechovými
Vsiže žirné vlasti přes tri řeky.

Славяне – народы осѣдлые, они сидятъ на рѣкахъ; берега рѣки – становище, гдѣ выражается осѣдлость. Рѣка имѣетъ важное значеніе какъ въ быту, такъ и въ народныхъ преданіяхъ; отсюда рядъ миѳологическихъ преданій, соединенныхъ съ рѣками и водой; отсюда рядъ эпическихъ обращеній къ рѣкамъ, что составляетъ существенную черту Славянской поэзіи, какъ въ томъ же Судѣ Любуши: Aj Vletavo, če mutiši vodu,
Če mutiši vodu střebropěnu? и т. д.

4). Несторъ, или другой лѣтописецъ, ибо мы не знаемъ, что собственно принадлежитъ Нестору и что принадлежитъ другому какому нибудь лѣтописцу, отъ котораго онъ могъ заимствовать – дошедши до Славянъ, населявшихъ Русь, говоритъ, что это – Славяне, намѣренно указывая, чтобы читатель зналъ, что Поляне и Древляне – такіе же Славяне, какъ и сербы, Чехи и Ляхи. Это національное сознаніе выступаетъ во всемъ своемъ величіи, когда вспомнимъ, что Русскіе забыли, что они Славяне, и что у нихъ есть братья тамъ, далеко гдѣ-то – и когда въ прошедшемъ году пріѣзжали въ Москву Западные Славяне, то не только мужики, даже и купцы съ удивленіемъ узнали, что заграницей живутъ Славянскіе Нѣмцы. Наконецъ 5/ заслуживаетъ вниманія частію характеристика населявшихъ Русь славянскихъ племенъ, частію самыя ихъ имена. Лѣтописецъ прямо говоритъ, что Древляне назвались отъ лѣсовъ, въ которыхъ поселились, а иногда прямо называетъ ихъ Дерева, въ Деревахъ, въ Дерева – очевидно въ противоположность Полянамъ, получившимъ свое имя отъ полей. Славянское племя, поселившееся къ Сѣверу отъ Полянъ, Лѣтописецъ называетъ просто Сѣверъ вм. Сѣверянъ. Замѣчательно сопоставленіе Сѣвера и Десны – сопоставленіе всегда казавшееся мнѣ существенно важнымъ въ исторіи русскаго языка и быта, и я нахожу оправданіе своего мнѣнія и у другихъ ученыхъ филологовъ. Сѣверъ очевидно одного корня съ Скр. сар. Въ исторіи языка оріентировка по странамъ свѣта совпадаетъ съ понятіями – правый и лѣвый. Какъ человѣкъ идетъ, какъ молится Богу: если онъ молится на Востокъ, то слѣва будетъ холодный Сѣверъ, а справа – жаркій Югъ. Так образомъ савіа означаетъ и лѣвый и сѣверный. Десной имѣетъ при себѣ и древній глаголъ – десити – попадать. Въ одномъ старинномъ русскомъ

заговоръ говорится, что солнце десить — печетъ съ южной стороны; — да и вообще въ исторіи языка — правая рука та, которая попадаетъ, бьетъ. Так образомъ въ названіи племени, которое жило къ северу отъ Полянъ, мы находимъ следъ того отдаленнаго факта въ исторіи языка, где северный и левый противополагаются южному и десному, Десне.

Лекція XIV. За общимъ обзоромъ Славянскихъ племенъ вниманіе Летописца суживается и сосредоточивается на племени, къ къ которому принадлежалъ самъ. Вотъ почему онъ трижды начинаетъ одну фразу: « Поляномъ же живишимъ особе по горамъ симъ»... (у Милк. стр. 4); « Полемъ же живущемъ особе»... (стр. 5); « Поляномъ же живишимъ особе»... (стр. 7). Въ первомъ абзаце, начинающемся словомъ «Поляномъ» — летописецъ говоритъ о водномъ пути «изъ Варягъ въ Греки» и о проповеди Ап. Андрея. Во второмъ абзаце летописецъ повествуетъ о Полянахъ на основаніи местнаго народнаго сказанія. « Полемъ же живущемъ особе,» говоритъ онъ — « ~~и володеющемъ кождо родомъ своимъ~~ и володеющемъ роды своими, иже и до сее братьъ бяху Поляне, и живяху кождо съ родомъ своимъ и на своихъ местахъ, владеюще кождо родомъ своимъ.» И такъ Поляне жили отдельными родами; изъ этихъ родовъ начали выделяться более замечательные: « Быша три братья, единому имя Кій, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь.» Вероятно, предъ этимъ абзацомъ было какое нибудь заглавіе или выпускъ, на что указываетъ местоименіе сее; или-же это сее можно относить къ последующему, такъ какъ летописцы употребляютъ и такой образъ выраженія; мысль состоитъ въ томъ, что Поляне жили отдельными родами и до Кія. « Седяше Кій на горе, где же и ныне увозъ Боричевъ, а Щекъ седяше на горе, где ныне зовется Щековица; а Хоривъ на третьей горе, отъ негоже прозвася Хоревица (ясно — преданіе основано на этимологіи); и створиша градъ, во имя брата своего старейшаго, и нарекоша имя ему Кіевъ. Бяше около града лесъ и боръ великъ, и бяху ловяща зверь; бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся Поляне, отъ нихъ-же есть Поляне въ Кіеве и до сего дне. Ини же не сведуще рекоша, яко Кій есть перевозникъ былъ; у Кіева-бо бяше перевоз тогда съ оноя стороны Днепра, темъ глаголаху: на перевозъ на Кіевъ. Аще бо бы перевозникъ Кій, то не бы ходилъ Царюгороду; но се Кій княжаше въ роде своемъ, приходившю ему ко Царю, якоже сказаютъ, яко велику честь пріялъ отъ царя, при которомъ приходивъ цари. Идущю же ему опять, приде къ Дунаеви, возлюби место и сруби градокъ малъ, хотяше сести съ родомъ своимъ,

и не даша ему ту близъ живущіи; еже и донынѣ нарѣчютъ Дунайцы городище Кіевецъ. Кіеви-же пришедшю въ свой градъ Кіевъ, ту животъ свой сконча; а братъ его Щекъ и Хоривъ и сестра ихъ Лыбедь ту скончашася."

Въ этомъ сказаніи обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе важные моменты:

1) Три брата – общее сказочное мѣсто; слѣд. само по себѣ въ отношеніе къ исторіи не имѣетъ авторитета, въ отношеніи же сказочномъ объясняется множествомъ параллельныхъ мѣстъ. Что-же касается до Лыбеди, то это также сказочная черта: у трехъ братьевъ есть сестра, которая называется или по извѣстной мѣстности, или по рѣкѣ и озеру, находящимся въ той мѣстности. Такое-же параллельное сказочное мѣсто мы встрѣчаемъ на Сѣверѣ – у Славянъ Новгородскихъ, хотя дошедшее до насъ въ редакціи позднѣйшей – это именно сказаніе о братьяхъ Словенѣ и Русѣ, поселившихся въ Новгородѣ, о сестрѣ ихъ Ильмери и о сынѣ Словена – Волховѣ. Слово лыбедь – нѣтъ никакого препятствія сближать съ лебедь, или-же производить отъ общаго корня – рѣки Лабы, Эльбы.

2) Несторъ, хотя и является уже не только лѣтописцемъ, но историкомъ – критикомъ, приводя два сказанія, – тѣмъ не менѣе, заслуживаетъ благодарности за то, что приводитъ эти два сказанія, кот. одинаково ходили въ устахъ народа и оба отличаются древностью. Изъ нихъ первое (т.е. что Кій былъ перевозчикъ) – представляется древнѣйшимъ: въ немъ виденъ высокій эпическій и миѳологическій мотивъ, являющійся у всѣхъ народовъ въ миѳическихъ преданіяхъ о переселеніи племенъ, расходившихся по рѣкамъ, или въ рѣкахъ встрѣчавшихъ препятствіе своему движенію. Поэтому перевозчики на рѣкахъ – главные пункты, къ которымъ сосредоточиваются всѣ пути. Такимъ образомъ въ „Вальтерѣ Аквитанскомъ" – поэмѣ, записанной въ X в., но первоначально составленной на нѣмецкомъ нарѣчіи – рѣка и перевозчикъ играютъ значительную роль въ самой экономіи поэтическаго плана сочиненія. Перевозчиковъ неоднократно встрѣчаемъ мы въ сказаніяхъ греческихъ и римскихъ. И такъ преданіе о Кіѣ, какъ перевозчикѣ, доноситъ до насъ древнѣйшій эпическій мотивъ. Другое преданіе о Кіѣ – как сказано – выставляетъ его княземъ, начальникомъ дружины, ходившимъ въ Царьградъ. Но къ этому послѣднему преданію присоединяется еще новый мотивъ: именно, встрѣчаемъ новую связь между Славянами, населявшими древнюю Русь, и западными ихъ соплеменниками: Кій былъ на Дунаѣ и оставилъ тамъ о себѣ память въ основанномъ имъ

городищъ Кіевцъ. Такимъ образомъ Кіевъ Днѣпровскій въ понятіяхъ разсказчика роднится съ Кіевцемъ Дунайскимъ.

Далѣе—по изданію Миклошича страница 6ая не представляетъ ничего важнаго для исторіи литературы, но здѣсь обращаетъ на себя вниманіе умѣнье лѣтописца группировать свой матерьялъ. Несторъ еще разъ говоритъ о Славянахъ, населявшихъ Русь, чтобы сказать, что только это—Славяне, а другіе—инородцы. Именно онъ повѣствуетъ: „И по сихъ братьи держаша начаша родъ ихъ княженье въ полянъ; въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новѣгородѣ“ и т. д. перечисляетъ Славянскія племена. Затѣмъ продолжаетъ: „На Бѣлоозерѣ сѣдять Весь, а на Ростовьскомъ озерѣ Меря, а на Клещинѣ озерѣ Меря же“ и т. д. И наконецъ дѣлаетъ выводъ: „Се бо токмо Словѣнескъ языкъ на Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣже Велыняне. А се суть иніи языци, иже дань дають Руси: Чюдь, Меря, Весь, Мурома“ и т. д.

Слѣдующій затѣмъ абзацъ связываетъ матерьялъ съ предыдущимъ объясненіемъ и имѣетъ высокое значеніе въ исторіи литературы по сказкѣ, которая здѣсь приводится. Славяне—повѣствуется въ этомъ мѣстѣ лѣтописи—сидѣли на Дунаѣ; къ нимъ пришли Болгаре. Это даетъ поводъ лѣтописцу сказать кое-что о Болгарахъ и о другихъ врагахъ, которые грабили и разоряли Славянъ. Вотъ это мѣсто: „Словѣньску же языку, якоже рекохомъ, живущю на Дунаи, придоша отъ Скуфъ, рекше отъ Козаръ, рекоміи Болгаре, сѣдоша по Дунаеви, насельници Словѣномъ быша. Посемъ придоша Угри Бѣліи, наслѣдиша землю Словѣньску; си бо Угри почаша быти при Иракліи цари, иже находиша на Хоздроя царя Перьскаго. Въ си же времяна быша и Обри (въ спискѣ Лаврент. употребляются двѣ формы безразлично—Обри—Обринъ и Обрѣ—Обрѣнъ), ходиша на Ираклія царя и мало его не яша.“ Къ этому-то сказанію объ Обрахъ, связывающему лѣтопись русскую съ Хронографомъ греческимъ, и привязывается имѣющая высокое значеніе народная сказка объ Обрахъ—именно: „си же Обрѣ воеваху на Словѣнѣхъ и примучиша Дулѣбы, сущая Словѣны, и насилье творяху женамъ дулѣбьскимъ: аще поѣхати будяше Обрину, не дадяше въпрячи коня, ни вола, но веляше въпрячи три ли, четыре ли, пять ли женъ въ телѣгу и повезти Обрѣна; тако мучаху Дулѣбы. Быша бо Обрѣ тѣломъ велици и умомъ горди, и Богъ потреби я, помроша вси, и не остася ни единъ Обринъ; есть притъча въ Руси и до сего дне: погибоша аки Обрѣ. Ихъ же нѣсть племени, ни наслѣдка.“

Въ этой сказкѣ заслуживаютъ вниманія слѣдующіе моменты:

1) Самъ Несторъ свидѣтельствуетъ, что это — сказка народная: "Есть притча въ Руси и до сего дне" — въ Южной Руси, у Полянъ, въ Кіевѣ. Откуда-же она шла? Изъ приведеннаго мѣста ясно, что перенесена она была къ Полянамъ — отъ Дулѣбовъ, жившихъ по Бугу.

2) Обри (Обринъ) — что это за народъ? по Шафарику (Старожитности — VIII, 517) — Обры — Авары, по другимъ же это — кельтическій народъ Ambrones. Но какъ-бы то ни было —

3) Съ этой притчей связывается миѳъ о великанахъ, и замѣчательно, что имя "Обръ" въ смыслѣ великана встрѣчается у западныхъ славянъ. У насъ встарину и до позднѣйшаго времени для означенія великана употребляются имена Волотъ, Щуды, исполинъ, между тѣмъ какъ у Чеховъ, Поляковъ, Словаковъ великанъ называется именемъ Обровъ (Obr, Obrzim, Obor), проходившихъ съ запада, доходившихъ до Буга и оставившихъ послѣ память у нашихъ западныхъ соплеменниковъ и у жившихъ по Бугу Дулѣбовъ.

Затѣмъ слѣдуетъ третій абзацъ, начинающійся фразою: «Полямъ-же живущимъ особѣ, якоже рекохомъ." Къ этому присоединяется новая сказка, важная и сама по себѣ, какъ сказка, и какъ указаніе на новые союзы Славянъ русскихъ съ прочими родственными племенами: «Полямъ же живущемъ особѣ, якоже рекохомъ, сущe отъ рода Словѣньска, и нарекошася Поляне, и Деревяне же отъ Словѣнъ-же, и нарекошася Древляне; Радимичи бо и Вятичи отъ Ляховъ. Бяста бо два брата въ Лясѣхъ — Радимъ, а другій Вятко; и пришедъша сѣдоста, Радимъ на Сожю, прозвашася Радимичи, а Вятъко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ негоже прозвашася Вятичи." Эта сказка безъ сомнѣнія мѣстная, полянская, потому что Несторъ, вѣроятно, слышалъ ее не на Окѣ, а у себя дома. Въ ней во всей ясности выступаетъ идея о родовомъ бытѣ славянъ: братья Радимъ и Вятко являются здѣсь родоначальниками двухъ племенъ, которыя прозываются ихъ именемъ, прибавляя къ нему окончаніе ичъ, и Радимъ и Вятко такимъ образомъ относятся къ своимъ родамъ, какъ дѣды или прадѣды. Кромѣ того эта сказка стоитъ въ тѣсной связи съ извѣстными выраженіями въ Словѣ о П. Игоревѣ, гдѣ Боянъ называется Велесовымъ внукомъ, вѣтры — внуками Стрибога и т. п. Наконецъ — подобно тому, какъ у насъ окончаніе ичъ давало поводъ къ эпическимъ вымысламъ, у Нѣмцевъ тоже значеніе имѣло окончаніе ing: Wolfing и др.

Затѣмъ въ Лѣтописи слѣдуетъ классическое мѣсто объ обычаяхъ Славянскихъ племенъ: «Имяху-бо обычаи свои, и законъ отецъ своихъ и преданья, кождо свой нравъ. Поляне бо своихъ отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и сестрамъ, къ матеремъ и родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ дѣверемъ велико стыдѣніе имяху; брачныи обычаи имяху: не хожаше зять по невѣсту,

по приводяху вечеръ, а завътра приношаху по ней, что вдадуче. А Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица. И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто, срамословье въ нихъ предъ отьци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовьская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены. Аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ, и по семъ творяху кладу велику, и възложахуть и на кладу мертвеца, сожьжаху, а по семъ собравше кости, вложаху въ судину малу и поставяху на столпѣ на путехъ: еже творятъ Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычаи Кривичи, прочіи поганіи, не вѣдуще закона Божія, но творяху сами собѣ законъ."

Объ этомъ мѣстѣ можно замѣтить слѣдующее:

1) Несторъ противополагаетъ Полянское племя — съ кроткими нравами, болѣе цивилизованное — ихъ врагамъ, Древлянамъ, и также, какъ Древляне, живущимъ Радимичамъ, Вятичамъ, Кривичамъ, Сѣверянамъ, и притомъ присовокупляетъ онъ: Вятичи такъ живутъ и нынѣ.

2) Это мѣсто въ высшей степени важно для исторіи языка, ибо свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что еще задолго до принятія русскими Славянами христ. вѣры — установилась терминологія ихъ семейнаго быта.

3) Несторъ подробно говоритъ о брачныхъ и похоронныхъ обычаяхъ Славянъ. Хотя Несторъ, какъ христіанинъ, какъ монахъ, не называетъ бракъ языческій бракомъ, но тѣмъ не менѣе онъ все-таки попалъ въ заблужденіе, потому что признаетъ брачные обычаи у Полянъ. Что разумѣетъ Несторъ подъ брачными обычаями — неизвѣстно: онъ говоритъ только, что у Полянъ были брачные обычаи; Древляне же просто похищали себѣ женъ, у Радимичей и Вятичей было умыкиваніе у воды (нѣкоторые неправильно читаютъ — уводы), но уже съ согласія невѣсты. Что же касается до погребальныхъ обычаевъ, то Несторъ говоритъ, что языческіе Славяне творили надъ умершимъ тризну, а трупъ его сожигали. Въ исторіи эпической поэзіи Индо-европейскихъ народовъ важны три періода погребальныхъ обычаевъ: 1) опусканіе трупа на воду (древнѣйшій періодъ), 2) сожиганіе на колодѣ, на кораблѣ (какъ въ Эддѣ, поэмѣ о Беовульфѣ) и 3) погребаніе въ землю. Славяне так. образомъ въ первобытную эпоху по своимъ погребальнымъ обычаямъ относились ко второму періоду.

Лекція XV. Чѣмъ раньше событіе, о которомъ повѣствуетъ намъ Лѣтописецъ, тѣмъ болѣе замѣчаемъ мы слѣдовъ народныхъ сказаній и источниковъ, которыми Лѣтописецъ пользовался: чѣмъ событіе ближе, тѣмъ болѣе мы знакомимся съ личнымъ взглядомъ самого Нестора. На этомъ основывается то неравенство,

которое замѣчается въ лѣтописи и отличіе первой ея половины отъ второй.
Слѣдуя принятому методу, мы будемъ сначала останавливаться на народныхъ сказаніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ знакомиться съ составомъ лѣтописи.

Вслѣдъ за разсказомъ о Славянахъ, населявшихъ Русь, лѣтописецъ ссылается на хронику Георгія Амартола. Связью между повѣствованіемъ о нравахъ и обычаяхъ Славянъ и выпискою изъ Георгія Амартола служитъ та мысль, что и у другихъ народовъ замѣчаются такіе же обычаи, какіе были и у нашихъ предковъ: «Глаголетъ — говоритъ лѣтописецъ — Георгій въ лѣтописаньи: ибо комуждо языку овѣмъ исписанъ законъ есть; другимъ же обычаи...» — и затѣмъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, что у разныхъ народовъ существуютъ разные законы. Между прочимъ говоритъ и о Браминахъ (Врахманахъ), Амазонкахъ — любопытные эпизоды въ нашихъ древнихъ хронографахъ, встрѣчающіеся въ сборникахъ и до позднѣйшаго времени.

Замѣчательно, какъ вездѣ здравый смыслъ и тактъ умнаго человѣка поддерживаютъ въ лѣтописи мѣстный интересъ. Сдѣлавши нѣсколько выписокъ изъ хроники Георгія Амартола, лѣтописецъ нашъ не могъ не объяснить отдаленнаго чѣмъ нибудь соотвѣтствующимъ близкимъ. «Амазонки же — говоритъ онъ — мужа не имутъ, но и аки скотъ безсловесный единою лѣтомъ къ весеннимъ днемъ оземьствени будутъ, и сочтаются съ окрестными мужи; яко нѣкоторое имъ торжество и велико празденьство время тѣмъ мнятъ. Отъ нихъ заченшимъ въ чревѣ, паки разбѣгнутся отсюду вси: во время же хотящимъ родити, аще родится отроча, погубятъ; аще дѣвическъ полъ, то въздоятъ, прилежнѣ въспитаютъ». И вслѣдъ за этой выпиской Несторъ прибавляетъ: «Якоже се и <u>при насъ</u> <u>нынѣ</u> <u>Половци</u> законъ держатъ отецъ своихъ, кровь проливаючи, а хвалящеся о сихъ, ядуще мертвечину, и всю нечистоту, хомяки и сусолы; поимаютъ мачехи свои ятровѣ, и ины обычаи отецъ своихъ творятъ. <u>Мы же христіане</u>, елико земль, иже вѣруютъ въ святую троицю, въ едино крещеньѣ, въ едину вѣру, законъ имамы единъ, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся.»

Затѣмъ за выпискою изъ Георгія Амартола слѣдуетъ разсказъ по сказаніямъ мѣстнымъ — именно сказка полянская о Козарахъ. Эта сказка является эпизодически и не вяжется съ предъидущимъ и послѣдующимъ повѣствованіемъ. Начинается она словами: «По сихъ же лѣтѣхъ, по смерти братьи <u>сея</u>» — т.е. Кия, Щека и Хорива; но разсказъ объ этихъ братьяхъ отдѣленъ отъ настоящаго мѣста разными

вставками и выписками, занимающими нѣсколько страницъ: очень можетъ быть, что или въ первоначальной лѣтописи, которою пользовался Несторъ, была эта вставка, или же она была сдѣлана другимъ. Послѣ такого начала – идетъ изложеніе сказки: «бѣша обидимы (кто были обидимы – въ началѣ разсказа не говорится, но изъ дальнѣйшаго очевидно, что были обидимы Поляне) – Древлями и инѣми околними, и найдоша и Козарѣ сѣдящая на горахъ сихъ въ лѣсѣхъ, и рѣша Козари (Козарѣ, козари – какъ Обрѣ, Обри): «платите намъ дань.» Съдумавше Поляне и вдаша отъ дыма мечь, и несоша Козари ко князю своему и къ старѣйшинамъ, и рѣша имъ: «Се налѣзохомъ (нашли) дань нову.» Они же рѣша имъ: «Откуду?» Они же рѣша: «въ лѣсѣхъ на горахъ, надъ рѣкою Днѣпрьскою.» Они же рѣша: «Что суть вдали?» Они же показаша мечь. Рѣша старци Козарьстіи: «Не добра дань, княже! мы ся доискахомъ оружьемъ одиною стороною, рекше саблями, а сихъ оружье обоюду остро, рекше мечь; си имуть имати дань на насъ и на иныхъ странахъ.» Се же сбысться все: не отъ своея воля рекоша, но отъ Божья повелѣнья.» Далѣе – собственное разсужденіе лѣтописца: «Яко при Фараонѣ царѣ Египетьстѣмъ, егда приведоша Моисея предъ Фараона –» и т. д.

Въ этомъ сказаніи заслуживаютъ вниманія 2 момента:

1) Обычное, такъ сказать, эпическое выраженіе – дать дань отъ дыма (можно было давать дань отъ каждаго жилья, дыма); это выраженіе совпадаетъ съ названіемъ жилья – селище, печище, которыя и досель въ Великорусскомъ нарѣчіи употребляются.

2) Противоположеніе двухъ оружій – меча и сабли. Оба эти слова, вѣроятно, происхожденія неславянскаго; въ словарѣ Миклошича оба эти слова помѣщены между иностранными. Безъ всякаго сомнѣнія, издѣлія изъ металла, монеты и т. п. въ эпоху переселенія народовъ распространялись свободно, и потому Готское meki и наше мечь – принадлежатъ къ словамъ, выработаннымъ на исторической почвѣ. И такъ не подлежитъ сомнѣнію, что слова и предметы у Славянъ были общіе съ нѣкоторыми племенами нѣмецкими. Замѣчательно, что и въ сказаніяхъ Готскихъ оружіе національное – мечъ противополагается оружію чуждому, вражескому, оружію дикарей; точно такая же противоположность между мечемъ и саблей, какую мы видимъ въ сказкѣ Славянской – встрѣчается въ поэмѣ о Вальтерѣ Аквитанскомъ.

Сказка о Козарахъ – чисто эпическаго строя, основанная на событіи историческомъ. Эта эпическая основа даетъ лѣтописцу точку

отправленія для разсказа чисто историческаго, когда онъ говоритъ о Варягахъ, пришедшихъ въ Кіевъ, и о столкновеніяхъ ихъ съ Козарами. Собственно Лѣтопись Нестора начинается съ сказки о Козарахъ. Послѣ нее начинаются года.

„Въ лѣто 6360, индикта 15. наченшю Михаилу царствовати, начася прозывати Руска земля"... (точка отправленія собственно для исторіи Русской земли) — „О семъ бо увѣдахомъ, яко при семъ цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется въ лѣтописаньи Греческомъ: тѣмже отселѣ почнемъ и числа положимъ." Отсюда и начинается то мѣсто, изъ котораго мы можемъ заключить, что Несторъ хотѣлъ довести Лѣтопись свою до смерти Святополка-Михаила (1113 г.).

„Яко отъ Адама до потопа лѣтъ 2242 и т. д., а отъ смерти Ярославли до смерти Святополчи лѣтъ 60. Но мы на прежнее возвратимся, скажемъ, што ся удѣя въ лѣта си, якоже преже почали бяхомъ первое лѣто Михаиломъ, а по ряду положимъ числа." Какимъ-же образомъ совершается это положеніе чиселъ? Точкою отправленія Несторъ беретъ 6360 годъ; отъ этого года и ведетъ свою историческую лѣтопись. „Въ лѣто 6361. Въ лѣто 6362. Въ лѣто 6363. Въ лѣто 6364. Въ лѣто 6365. Въ лѣто 6366. Михаилъ царь изыде съ вои брегомъ и моремъ на Болгары.... Въ лѣто 6367. Имяху дань Варязи изъ за моря на Чюди и на Словѣнехъ.... Въ лѣто 6368. Въ лѣто 6369. Въ лѣто 6370. Изгнаша Варяги за море"...

Вотъ что называется положеніемъ чиселъ — полная хронологическая система годъ за годомъ, и если нѣтъ событія, то всетаки годъ обозначается для счету. Счетъ лѣтъ, безъ сомнѣнія, примѣненъ къ Греческому Хронографу.

Такимъ образомъ лѣтопись Нестора служитъ для насъ основаніемъ и блестящимъ началомъ всего русскаго лѣтописанія, которое есть нечто иное, какъ развѣтвленіе Греческой хронографіи.

Такъ какъ я не имѣю намѣренія останавливаться на событіяхъ, имѣющихъ чисто историческій интересъ, и слѣжу за разсказами народными, то для насъ далѣе будутъ имѣть особенное значеніе разсказы — о Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ, Аскольдѣ и Дирѣ, поскольку связаны эти разсказы съ мѣстною Полянскою сказкою: „Бяста у него (у Рюрика) 2 мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду съ родомъ своимъ. И поидоста по Днѣпру, и идуче мимо, и узрѣста на горѣ градокъ, и упрашаста, рѣста: „чій се градокъ? Они же рѣша: „была суть 3 братья, Кій, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градокъ сь; и изгибоша, и мы сѣдимъ платяче дань родомъ Козаромъ."

Лекція XVI. Познакомившись съ общимъ теченіемъ лѣтописи при разборѣ народныхъ сказаній, теперь, для краткости, оставляя въ сторонѣ собственно-лѣтопись, я сдѣлаю перечень этихъ народныхъ сказаній.

Досел были сказанія племенныя - полянскія, Дулѣбскія, слѣдовательно народныя: отсюда же, начиная съ прихода Варяжскихъ князей, въ лѣтописи являются двѣ струи - продолжается древняя, народная и присоединяется новая, дружинная - частію подъ вліяніемъ Варяговъ.

Такъ какъ самъ лѣтописецъ нашъ принадлежалъ къ людямъ наиболѣе развитымъ, стоялъ въ связи съ передовыми людьми того времени, то, само собою разумѣется - и народныя сказанія, доходившія къ нему изъ дружины, окрашивались колоритомъ Варяжскимъ, тѣмъ болѣе, что древнѣйшая наша эпоха представляетъ баснословныя сказанія о походахъ Варяжскихъ князей въ Царьградъ - сказанія съ основою историческою, но разбавленныя разными эпическими подробностями, - и всѣ эти подробности, всѣ эти баснословныя прибавки къ повѣствованію о походахъ князей составляютъ богатый матерьялъ для эпическихъ былинъ. Сюда же присоединяются и другія сказанія, обработанныя въ устахъ дружинниковъ, но, можетъ быть, съ нѣкоторыми мотивами чисто народными, потому что въ этихъ сказаніяхъ выступаютъ старинныя отношенія племенъ, населявшихъ древнюю Русь.

Я буду вести перечень сказаній лѣтописи въ послѣдовательномъ порядкѣ. Сказаніе о смерти Олега всѣмъ извѣстное - сказаніе Варяжское. Не менѣе извѣстны и сказанія о смерти Игоря и мщеніи Ольги, отличающіяся Варяжскимъ оттѣнкомъ: въ нихъ Ольга является типомъ не только Славянской, древнерусской Княгини, но и героини Варяжской. Всѣ сказки о ея мщеніи основываются еще на древнихъ преданіяхъ о борьбѣ Полянъ съ Древлянами, но разбавлены эпизодами Варяжскаго характера, потому что 1/ это мщеніе за смерть мужа, 2/ самые способы мщенія очень часто попадаются въ Скандин. сагахъ. Пропускаю собственно-легенды о Крещеніи Ольги, хотя и онѣ имѣютъ характеръ сказочный, - объ этомъ будетъ рѣчь впереди.

Затѣмъ выступаетъ эпическій характеръ Святослава. Коротенькія характеристики, сообщаемыя Несторомъ, очевидно, взяты со словъ дружинниковъ. « Ольга - говоритъ Несторъ /на стр. 29 по изд. Тимковскаго/ - съ сыномъ своимъ Святославомъ собра вои многи и храбры, и иде

на Деревьску землю. Изидоша Деревляне противу; снемъшемъся обѣма полкома на скупь, суну копьемъ Святославъ Деревляны, и копье летѣ сквозѣ уши коневи, удари въ ноги коневи, бѣ бо дѣтескъ." Далѣе (на стр. 35) – «Князю Святославу възрастьшю и възмужавшю, нача вои совокупляти многи и храбры, и легко ходя аки пардусъ, войны многи творяше (пардусъ – поэтическая прикраса. Это сравненіе Святослава съ леопардомъ очень понравилось лѣтописцу Волынскому, особенно наклонному къ поэтическимъ прикрасамъ – «старымъ словесамъ» – по выраженію Слова о п. Игоревѣ) – ходя возъ по себѣ не возяше, ни котьла, ни мясъ не варя, но потонку изрѣзавъ конину-ли, звѣрину-ли, или говядину, на углехъ испекъ ядяше, ни шатра имяше, но подъкладъ постлавъ и сѣдло въ головахъ; такоже и прочіи вои его вси бяху. Посылаше къ странамъ глаголя: «хочу на вы ити." И иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе Вятичи, и рече Вятичемъ: «Кому дань даете?" они же рѣша: "Козаромъ по шьлягу отъ рала даемъ" (древнее этическое выраженіе, также какъ и дань отъ дымъ, о которомъ мы уже имѣли случай упоминать).–

Какъ повѣствованіе объ Ольгѣ все наполнено сказками частію варяжскими, частію легендарными, такъ и разсказы о Святославѣ носятъ на себѣ характеръ сказочный. Самый разительный примѣръ – сказка изъ борьбы Святослава съ Греками (у Тихомирова стр. 40, 41). Русскимъ однажды пришлось плохо; Греки брали верхъ; но вдругъ послѣдніе присылаютъ къ Святополку пословъ съ подарками; ублажаютъ имя сильнаго Князя (и далѣе – сказочный мотивъ): И созва царь боляри своя въ полату, и рече имъ: «Что сотворимъ, яко не можемъ противу ему стати?" И рѣша ему боляре: «Посли къ нему дары, искусимъ и, любезнивъ ли есть злату, ли паволокамъ?» И посла къ нему злато, и паволоки, и мужа мудра, рѣша ему: «глядай взора, и лица его, и смысла его.» Онъ же вземъ дары, приде ко Святославу. Повѣдаша Святославу, яко придоша Грьцы съ поклономъ, и рече: «въведете я сѣмо." Придоша и поклонишася ему; положиша предъ имъ злато и паволоки; и рече Святославъ, кромѣ зря, отрокомъ своимъ: «Схороните." Они же придоша ко царю, и созва царь боляры, рѣша же послании: «яко придохомъ къ нему и вдахомъ дары, и не зрѣ на ня, и повелѣ схоронити" И рече единъ: «искуси и еще, посли ему оружье.» Они же послушаша его, и послаша ему мечь и ино оружье, и принесоша къ нему; онъ же пріимъ, нача хвалити и любити и цѣловаше царя. Придоша опять ко царю, и повѣдаша ему вся бывшая, и рѣша боляре: «лютъ се мужь хощеть быти, яко имѣнья не брежеть, а оружье емлеть; имися по дань." И посла царь, глаголя сице: «не ходи къ граду, возми дань, еже

хощеши." За маломъ бо бѣ не дошелъ Царяграда. И вдаша ему дань: има-шеть же и за убьеныя, глаголя: яко родъ его возметь. Взя же дары многы, и возвратися въ Переяславецъ съ похвалою великою."

Къ разсказамъ о Святославѣ относится начало цѣлаго ряда любопытнѣйшихъ, безъ всякаго сомнѣнія, эпическихъ эпизодовъ изъ общаго цикла о войнахъ русскихъ съ Печенѣгами. Съ точки зрѣнія непрестанной борьбы Русскихъ Славянъ съ Азіатскими варварами мы можемъ прослѣдить нить этихъ сказаній отъ эпохи древней, миѳической, начиная съ Козаръ и переходя къ Печенѣгамъ и смѣнившимъ ихъ въ исторіи Половцамъ (о которыхъ повѣствуетъ Слово о полку Игоревѣ — и источникъ его — сказанія Бояна и „старыя словеса").

Мы еще возвратимся къ сказаніямъ о Печенѣгахъ, когда будемъ говорить о Владимірѣ, составляющемъ въ сказаніяхъ самый важный пунктъ; что же касается до борьбы Славянъ съ Печенѣгами, относящейся по времени Святослава, то сказаніе о ней помѣщено у Тимковскаго на стр. 37. Это сказаніе о воеводѣ Претичѣ, который употребилъ хитрость и удалилъ такимъ образомъ печенѣжскаго князя отъ Кіева. Мѣсто извѣстное, но въ немъ интересна одна подробность, имѣющая особенную важность въ эпическихъ преданіяхъ о борьбѣ Русскихъ съ варварами: Претичъ и Печенѣжскій князь помирились, подали другъ другу руки и обмѣнялись подарками — Претичъ далъ Печенѣгу свое оружіе — и именно <u>мечъ</u>, а тотъ далъ русскому воеводѣ — <u>саблю</u> и стрѣлы. Опять мы видимъ противоположеніе меча и сабли, какъ уже имѣли случай видѣть это въ сказкѣ о Полянахъ и Козарахъ. Такимъ образомъ одно эпическое сказаніе подтверждается другимъ.

Переходимъ къ Владиміру. Замѣчательно, что кн. Владиміръ — главный пунктъ, котораго окружаютъ другіе герои-богатыри. Здѣсь сосредоточивается цѣлый рядъ безподобныхъ былинъ, столь же интересныхъ въ поэтическомъ отношеніи, сколько и замѣчательныхъ по бытовому содержанію, такъ что, разсматривая весь этотъ рядъ былинъ, убѣждаешься, что Несторъ пользовался нѣкоторыми эпическими эпизодами для повѣствованія о Князѣ Владимірѣ.

Собственно важныхъ эпическихъ эпизодовъ о Владимірѣ я насчитываю въ Лѣтописи Нестора до семи:

1/ На стр. 45 (по Тимковскому) — сказаніе о <u>Рогволодѣ Полоцкомъ</u> и <u>дочери его Рогнѣдѣ</u>, которую Владиміръ взялъ себѣ въ жены — самый обыкновенный эпизодъ Скандинавскихъ сказаній.

2/ На стр. 46. Война <u>Владиміра съ Ярополкомъ</u> и <u>осада Родни</u>. Очевидно, что сказаніе объ осадѣ Родни составлено по народнымъ сказаніямъ, о чемъ может свидѣтельствовать и притча, приводимая Лѣтописцемъ при повѣствованіи объ этомъ событіи: „есть притча и до сего дне: бѣда аки въ Родни." Затѣмъ.

3) На стр. 51. 52 – другая притча о войнѣ Владиміра съ Радимичами: „Иде Володимеръ на Радимичи. Бѣ у него воевода Волчій Хвостъ, и посла и Володимеръ передъ собою, Волчья Хвоста; срѣте ѐ на рѣцѣ Пищанѣ и побѣди Радимичѣ Волчій хвостъ; тѣмъ и Русь корятся Радимичемъ, глаголюще: Пищаньци волчья хвоста бѣгаютъ.

4) На той же 52 стр. – вслѣдъ за притчею о Волчьемъ Хвостѣ идетъ еще притча изъ борьбы Владиміра съ Болгарами, замѣчательная по одной клятвѣ и нѣкоторымъ эпическимъ подробностямъ: „Иде Володимеръ на Болгары. Рече Добрына Володимеру: „съглядахъ колодникъ, оже суть вси въ сапозѣхъ; симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ." И створи миръ Володимеръ съ Болгары, и ротѣ заходиша межю собѣ, и рѣша Болгаре: „толи не будеть межю нами мира, оли камень начнеть плавати, а хмель почнеть тонути." Затѣмъ послѣ разсказа о принятіи Владиміромъ Христіанской вѣры, разсказа, занимающаго нѣсколько страницъ и разбавленнаго выписками изъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, изъ твореній отцевъ Церкви – помѣщено

5/ На стр. 85 – сказаніе, представляющее замѣчательный эпизодъ изъ борьбы Русскихъ съ Печенѣгами. Владиміръ идетъ на Печенѣговъ и встрѣчаетъ ихъ на Трубежѣ. Князь Печенѣжскій предлагаетъ рѣшить дѣло единоборствомъ. Является отрокъ изъ Русскихъ, страшный силачъ (доказательства этой силы – извѣстны) и побѣждаетъ Печенѣжина. Владиміръ для прославленія этого событія основываетъ на мѣстѣ битвы городъ и называетъ его Переяславлемъ „зане перея славу отрокъ отъ" – какъ толкуетъ Несторъ. Сказаніе о Кожемякѣ до сихъ поръ сохраняется въ устахъ народа на Югѣ Россіи, между сказаніями Кіевскими (это сказаніе приводитъ г. Кулишъ въ своемъ Собраніи Кіевскихъ Сказаній).

6/. На стр. 90, 91 – Сказаніе объ осадѣ Бѣлгорода Печенѣгами – также извѣстно; потому нечего вдаваться въ подробности, но необходимо обратить вниманіе на одно выраженіе, которое, безъ сомнѣнія, ведетъ свое происхожденіе отъ глубокой древности и стоитъ въ связи съ вѣрованіями народными. Сыту и цѣжь, изъ которой дѣлали кисель, Бѣлгородцы брали изъ земли, изъ двухъ колодцевъ – подробность весьма важная для исторіи быта. Дѣлалось это для того, чтобы обмануть Печенѣговъ и поставить имъ на видъ, что Бѣлгородцы долго могутъ выдерживать осаду, потому что „имѣютъ кормлю отъ земли." Это выраженіе сколько эпическое, столько и бытовое, означающее бытъ земледѣльцевъ, которые питаются отъ земли. Наконецъ –

Лит. Астахова.

7/ Классическое мѣсто для связи былинъ съ Лѣтописью Нестора — разсказъ о пирахъ Владиміра: "...уставѣ на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити боляромъ, и гридемъ, и съцькимъ, и десяцьскимъ, и нарочитымъ мужемъ, при князѣ и безъ князя: бываше множьство отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, бяше по изобилью отъ всего. Егда-же подъпьяхуся, начьнахуть роптати на князь, глаголюще: „зло есть нашимъ головамъ! да намъ ясти деревяными лъжицами, а не сребряными." Се слышавъ Володимеръ, повелѣ исковати лъжицѣ сребрены ясти дружинѣ, рекъ сице: „яко сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отецъ мой доискася дружиною злата и сребра." Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и съ ними думая о строи земленѣмъ, и о ратѣхъ, и уставѣ земленѣмъ..." Калайдовичъ въ изданіи Древнихъ Русскихъ стихотвореній указываетъ на это мѣсто, какъ на связь нашихъ былинъ съ сказаніями начальнаго лѣтописца.

ВТОРОЕ ПОЛУГОДІЕ

Лекція XVII. Разсмотрѣвши въ Несторовой лѣтописи элементъ народной эпической поэзіи, мы должны теперь рѣшить, до какой степени принадлежитъ онъ не личному вымыслу лѣтописца, а составляетъ общее достояніе всей нашей древней народности, т.е. что всѣ разсмотрѣнныя нами въ лѣтописи поэтическія сказанія принадлежатъ всему народу, они собственно эпизодъ настоящаго эпическаго (безличнаго) цикла, а не повѣствованія досужнаго авторства. Указанія самого Нестора на народныя притчи, самый складъ нѣкоторыхъ повѣствованій (напр. въ переяславскомъ и бѣлогородскомъ сказаніяхъ), связь съ былинами въ сказаніи лѣтописи о пирахъ Владиміра уже давали намъ право заключать о широкой народно-эпической основѣ, на которой возникли всѣ эти эпическіе элементы нашей лѣтописи. Но чтобы вполнѣ опредѣлить высокое значеніе эпической народности этого превосходнаго произведенія нашей древней литературы, надобно найти въ немъ нити, связывающія

его съ другими памятниками нашей литературы, съ лѣтописями, сказаніями, житіями святыхъ, а также съ преданіями другихъ мѣстностей нашего отечества — такъ чтобы Несторъ въ своихъ эпическихъ преданьяхъ явился предъ нами и представителемъ всей нашей эпической старины, и средоточіемъ, къ которому тянутъ преданія прочихъ мѣстностей древней Руси. Для этого преданія Нестора надобно будетъ дополнить преданьями другихъ мѣстностей — южными, Кіевскими и особенно Сѣверными, Новгородскими, частію согласными съ Кіевскими, частію служившія дополненіемъ древне-русскаго эпическаго цикла. Для насъ особенно важно будетъ сближеніе преданій южныхъ, Кіевскихъ съ Сѣверными, Новгородскими и Псковскими, а также съ восточнымъ захолустьемъ, съ Муромомъ, который занимаетъ такое важное мѣсто въ русской эпической географіи, какъ область, откуда былъ родомъ великій представитель русскихъ богатырей, окружавшихъ князя Владиміра.

Сверхъ сказаній, досель сохранившихся въ устахъ народа, и кромѣ немногихъ эпизодовъ въ житіяхъ святыхъ, особенно для насъ важны въ этомъ отношеніи — позднѣйшіе лѣтописцы съ поэтическими добавленіями, каковы — Кіевская лѣтопись и Каменевича-Рвовскаго, а также загадочная Лѣтопись Якимовская, составленная, очевидно, на основаніи древнѣйшихъ преданій, но утратившая для ученаго міра свои непосредственныя связи съ первоначальною своею редакціею (П. Лавровскаго — Изслѣдованіе о лѣтописи Якимовской — во 2й книгѣ Ученыхъ Записокъ Имп. Ак. Наукъ 1855 г.).

Первое сказаніе, на которое обратимъ вниманіе, это о Кіѣ, Щекѣ, Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбеди (Переяславль Рязанскій между Трубежемъ и Лыбедью, устье которой — озеро Карасево — почиталось святымъ, какъ и другое Переяславское озеро — Быстрое).

Объ образѣ жизни миѳическихъ братьевъ и ихъ рода и племени говоритъ Несторъ: «Бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяще звѣрь; бяху мужи мудры и смыслени, нарицахуся Поляне, отъ нихъ-же есть Поляне въ Кіевѣ и до сего дня.»

Въ этомъ извѣстіи находимъ замѣчательное противорѣчіе, котораго не могло быть въ народномъ преданіи, и которое, вѣроятно, обязано своимъ происхожденіемъ собственному соображенію Лѣтописца. Если Поляне, какъ уже намъ извѣстно изъ Нестора — вели жизнь мирную, осѣдлую и земледѣльческую,

то какимъ образомъ представители ихъ Кій, Щекъ и Хоривъ еще проводили жизнь звѣролововъ, т.е. жили въ лѣсахъ на горахъ и ловили звѣрей, подобно Древлянамъ? Это противорѣчіе разрѣшается - 1) извѣстіемъ въ Якимовской лѣтописи, по которому приднѣпровскіе жители именуются Полянами и Горянами (Змѣй Горынычъ), т.е. жителями горъ, каковы были по преданію Кій, Щекъ и Хоривъ - и 2) сказаніемъ, помѣщеннымъ въ баснословскомъ сочиненіи Тимоѳея Каменевича-Рвовскаго о началѣ Славяно-Россійскаго народа (конца XVII в. въ Синод. библ. № 529). По этому сказанію - Кій, Щекъ и Хоривъ были разбойниками въ Новгородской области; Новгородцы схватили ихъ и вмѣстѣ съ сестрою ихъ Лыбедью и 27 товарищами посадили въ темницу и хотѣли повѣсить - потомъ спаслись изъ темницы, ушли на югъ, гдѣ Кій основалъ городъ Кіевъ и принявъ къ себѣ многихъ бродягъ, стали обработывать землю. Но самое важное въ этомъ сказаніи то, что товарищи Кія называются Древлянами, т.е. жителями лѣсовъ и звѣроловами. Такимъ образомъ Кій вывелъ Полянъ изъ дикаго состоянія, изъ быта звѣролововъ, научивъ ихъ земледѣлію.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть изъ исторической басни объ отношеніи Осколда и Дира къ Кію. По Нестору Оскольдъ и Диръ - Варяги, отдѣлившіеся отъ дружины Рюрика и его братьевъ. Но сказанія Хронографа полагаютъ Оскольда и Дира предшественниками знаменитой высадки Рюрика и называютъ ихъ племянниками Кія: „Во Кривичахъ и Древлехъ при нѣкоемъ ихъ князѣ именемъ Кія, отъ него же и градъ созданъ бысть Кіевъ, обладаху племянники его Оскордъ и Диръ и насиловаху Словяномъ, иже въ Великомъ Новѣградѣ, и сего ради воспомянуша приказаніе Гостомыслово (данное Гостомысломъ при его смерти - избрать князя отъ Варяговъ) - совѣщашася Словяне вси и идоша въ Варяги, и рѣша княземъ ихъ: земля наша велія зѣло и обильна". и пр. (по рѣчному хронографу XVII в., принадлежащему мнѣ).

Смѣшеніе сказки о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ съ преданіемъ объ Оскольдѣ и Дирѣ встрѣчается въ такъ называемомъ Кіевскомъ Лѣтописцѣ, замѣчательномъ по своему баснословному содержанію и расходящимся въ XVII в. во множествѣ рукописей. По этому Лѣтописцу Олегъ, приходя въ Кіевъ, убиваетъ не Оскольда и Дира, а Кія, Щека и Хорива. Наконецъ самая сказка Каменевича-Рвовскаго о выходѣ Кія, Щека и Хорива изъ Новагорода сближаетъ насъ съ

такими же Новгородскими выходцами Варягами — Оскольдомъ и Диромъ.
Теперь надобно перейти на Сѣверъ, въ Новгородскую область.
Согласно съ извѣстіемъ Нестора, что племена, поселившіяся около Новагорода - собственно назывались Славянами въ лѣтописи Якимовской, въ баснословной Кіевской и въ нѣкоторыхъ другихъ повѣствуется о родоначальникѣ Словенѣ или Славянѣ. Онъ будто-бы былъ братъ Русу, построилъ городъ Словенскъ, который и былъ старымъ городомъ, по разрушеніи котораго впослѣдствіи былъ построенъ другой и названъ Новымъ т.е. Новгородомъ. Въ соотвѣтствіе Кіевской сестры Лыбеди сестра Руса и Словена называлась Ильмерь, по имени которой прозвалось знаменитое озеро.
Вотъ, Г., еще указаніе на связь поклоненія водѣ съ героическими личностями женскими.
Но какъ богатырь Дунай далъ свое имя рѣкѣ, такъ и на Сѣверѣ мы встрѣчаемъ миѳологическую баснь о связи героя съ собственнымъ именемъ рѣки мужескаго рода. Эта басня касается старшаго сына Словенова, именно - Волхова.
Предварительно надобно замѣтить, что Словенъ съ родомъ своимъ сѣлъ на нѣкоторой рѣкѣ, называвшейся тогда Мутною, на которой и построилъ городъ Словенскъ великій.
Старшій сына Князя Словена, Волховъ — какъ повѣствуется въ баснословномъ Кіевскомъ лѣтописцѣ - былъ бѣсамъ угодникъ и лютый чародѣй, оборачивался въ лютого звѣря крокодила (т.е. водяного змія) и залегалъ въ той рѣкѣ Мутной путь водный и не покорявшихся ему топилъ и пожиралъ. За то язычники почитали его богомъ, называя его громомъ или Перуномъ. И поставилъ онъ окаянный чародѣй ночныхъ ради мечтаній и собранія бѣсовскаго - городокъ малый, на нѣкоторомъ мѣстѣ, называемый Перынь, гдѣ и кумиръ Перуновъ стоялъ. И баснословятъ о Волховѣ невѣжды, говоря о немъ: въ боги сѣлъ.
И былъ этотъ проклятый чародѣй злѣ разбіенъ и удавленъ отъ бѣсовъ въ рѣкѣ Волховѣ, и мечтаніями бѣсовскими окаянное тѣло его несено было вверхъ по этой рѣкѣ Волхову (обыкновенный мотивъ во всѣхъ чудесныхъ сказаніяхъ о плаваніи по рѣкѣ всегда вверхъ по водѣ) - и извержено было на берегъ противъ Волховного его городка, гдѣ нынѣ Перынь. И погребали его язычники съ великимъ плачемъ, совершали по немъ тризну, и на его могилѣ

ссыпали по обыкновенію высокій холмъ; но черезъ три дня послѣ того разселась земля и пожрало проклятое тѣло Волхова и могила его просыпалась вмѣстѣ съ нимъ на дно Адское — "иже и донынѣ, якоже повѣдаетъ знакъ ямы тоя, не наполнися."

Эта сказка замѣчательна во многихъ отношеніяхъ.

1) Указываетъ на тождество героической личности Волхова, сына Словенова, съ Перуномъ. Его Волховный городокъ названъ Перыня (по имени Перуна). Слѣдовательно, сказка о Волховѣ основалась въ эпоху чествованія Перуна; а такъ какъ съ культомъ Перуну соединялся и культъ Волосу, то именно въ той-же баснословной хроникѣ — кромѣ Перуна — какъ верховное божество упоминается еще только Волосъ или Велесъ.

Когда Славяне получили епистолію отъ Александра Македонскаго (извѣстная басня о сношеніяхъ этого всемірнаго завоевателя съ Славянами), тогда оні повѣсили ее въ своей божницѣ, по правую сторону иконы Велеса и ей честнѣ поклоняхуся.

2) Волховъ называется чародѣемъ и оборотнемъ согласно съ народною эпическою пѣснью о Волхѣ Всеславьевичѣ, будто-бы рожденнаго отъ змія (въ Древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ Кирши Данилова).

3) Волхъ — какъ змій — залегаетъ водяной путь: согласно съ Сѣвернымъ Скандинавскимъ миѳомъ о всемірномъ зміѣ, окружающемъ всю землю и живущемъ въ Океанѣ.

4) Рѣка Мутная получила имя Волхова отъ этого героя-чародѣя согласно съ преданіемъ о томъ, что всѣ рѣки и самъ Волховъ суть не что иное, какъ дочери морского царя (пѣсня — Садковъ корабль — въ Др. Русскихъ стихотвореніяхъ Кирши Данилова).

5) Волховный городокъ — иначе, вѣроятно, Волховскъ — въ послѣдствіи былъ освященъ преданіемъ христіанскимъ, какъ это всегда бываетъ въ исторіи просвѣщенія народнаго, что мѣсто, прославленное язычниками, было освящаемо христіанскою святынею. Потому-то Антоній Римлянинъ, приплывъ на камнѣ изъ Рима, остановился у береговъ Волхова у мѣстечка Волховска, гдѣ впослѣдствіи былъ сооруженъ храмъ во имя Рождества Богородицы. Наконецъ

6) О Перынѣ или Перюнѣ, гдѣ также сооруженъ былъ храмъ и скитъ, доселѣ слыветъ въ народѣ слѣдующая сказка, приводимая г. Якушкинымъ въ его Путевыхъ письмахъ изъ Новгор. губерніи (Русск. Бес. 1859 г.) —

„Былъ звѣрь змiяка (Волхвъ, крокодилъ), жилъ онъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ св. скитъ Перюньскiй. Каждую ночь этотъ звѣрь змiяка ходилъ спать въ Ильмень-озеро съ Волховскою коровницею (странно, почему здѣсь коровница, но Ильмень – какъ сестра Словена – указываетъ на превращенiе женской миѳологической личности). Перешелъ змiяка жить въ самый Новгородъ; а въ то время Владимiръ крестилъ святымъ крещенiемъ русскую землю. Тогда Новгородцы бросили змiяку Перюна въ Волховъ. Змiяка поплылъ вверхъ по рѣкѣ къ Ильмень-озеру, подплылъ къ своему старому жилью и на берегъ. Здѣсь Владимiръ велѣлъ церковь срубить, а змiяку опять бросили въ воду. Срубили церковь: съ тѣхъ поръ Перюну и ходу нѣтъ. Оттого эта церковь назвалась Перюнскою и скитъ – Перюнскiй.

Въ заключенiе замѣчу, что миѳическое урочище Перынь встрѣчается и около Пскова. Сверхъ того – ему соотвѣтствуетъ Кiевское сказанiе о Перуновой рѣни т.е. о томъ мѣстѣ на берегу Днѣпра, гдѣ будто бы выпрыгнулъ изъ воды брошенный христiанами въ Днѣпръ истуканъ Перуна.

Лекцiя XVIII. Сказанiе Нестора объ Ольгѣ – предлагаетъ самый лучшiй образецъ полной былины объ этой княгинѣ, былины составленной частiю изъ туземныхъ преданiй, частiю изъ пришлыхъ, варяжскихъ. Какъ важный варiантъ одного изъ эпизодовъ этой лѣтописной былины слѣдуетъ привести Псковское преданiе объ Ольгѣ премудрой и прекрасной. По Нестору Ольга была изъ Плескова, т.е. Пскова; по лѣтописи Якимовской – отъ Изборска: « егда Ингорь возмужа, ожени его Олегъ, поятъ за него жену отъ Изборска, рода Гостомыслова, иже Прекраса нарицашеся; а Олегъ преименова ю и нарече въ свое имя Олгою.“ Въ Степенной книгѣ, согласно съ позднѣйшими повѣствованiями о житiи Ольги: « Ольгу произведе Плесковьская страна, иже отъ области царствiя великiя русскiя земли, отъ веси именуемыя Выбутская, отъ рода же не княжеска, ни вельможеска, но отъ простыхъ людей .... еще бо граду Пскову не сущу, но бяше тогда начальный градъ въ странѣ той, зовомый Изборскъ.“ И доселѣ около Пскова разсказывается мѣстное преданiе о прекрасной и хитрой перевощицѣ Ольгѣ, плѣнившей своею красотою и умомъ русскаго князя. Эта народная мѣстная сказка вошла и въ баснословную Кiевскую Лѣтопись и въ Степенную Книгу и въ повѣствованiе о житiи Ольги.

Однажды Игорь, будучи еще въ юныхъ лѣтахъ, охотился въ Псковской области, и по ту сторону рѣки увидѣлъ онъ ловъ желанный, вѣроятно-звѣря, за которымъ хотѣлъ гнаться.

Но перебраться на ту сторону рѣки было нельзя, потому что не было лодки. Вдругъ видитъ онъ — кто-то плыветъ по рѣкѣ въ лодкѣ — князь подзываетъ плывшаго къ берегу, садится въ лодку — и только тогда, взглянувъ на гребца — замѣтилъ, что это была дѣвица и именно сама Ольга — юна сущи доброзрачна же и мужественна, какой Игорь отъ роду не видывалъ, — и уязвися видѣніемъ (т.е. плѣнился), якоже писано есть: очи лакомы и некасаемыхъ касаются (т.е. лакомые взгляды касаются и того, что неприкосновенно) и разгорѣся желаніемъ на ню, и нѣкіе глаголы глумленіемъ претворяше къ ней." Но умная и скромная дѣвица умѣла вразумить молодаго князя, внушивъ къ себѣ уваженіе. Послѣ того, когда пришлось Игорю жениться — онъ вспомнилъ о прекрасной перевозчицѣ — и велѣлъ ее привести въ Кіевъ, гдѣ и вступилъ съ нею въ бракъ.

Въ дополненіе передамъ вамъ народное сказаніе объ Ольгѣ, какъ оно досель живетъ въ устахъ народа въ Псковѣ, по записанному г. Якушкинымъ въ Путевыхъ письмахъ изъ Новгородской и Псковской губерній (1860 г., стр. 155). Очевидно, это народное сказаніе есть не что иное, какъ искаженіе древняго, извѣстнаго намъ изъ лѣтописей и житій, но во всякомъ случаѣ оно важно потому, какъ народъ смотрѣлъ и смотритъ досель на эту знаменитую личность русскихъ историческихъ и поэтическихъ сказаній, и съ какими преданіями и съ какими другими личностями сближаетъ ея характеръ въ своемъ воображеніи.

1) Надобно замѣтить, что родиною Ольги въ Псковѣ называютъ не Выбуту или Выбутовскую весь, какъ значится въ житіяхъ и въ Степенной книгѣ, а деревню Лыбута, иначе Лыбуста. Само собою разумѣется, что для приведенія нашихъ эпическихъ разсказовъ къ общимъ миѳическимъ началамъ — мнѣ крайне хотѣлось-бы въ этой Лыбутѣ видѣть Кіевскую и Переяславскую Лыбедь; но я покамѣстъ удерживаюсь отъ всякихъ сближеній, а только намекаю на эту любопытную подробность въ видѣ одной догадки.

2) Что особенно замѣчательно: если сближеніе Ольги съ Кіевою сестрою Лыбедью — останется пока недоказанною догадкою; то не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ Псковской области объ Ольгѣ разсказывались нѣкоторыя преданія, которыя въ Муромской области пріурочивались Муромской героинѣ, извѣстной княгинѣ Февроніи, о которой баснословное преданіе будетъ разсмотрѣно много послѣ. Но теперь приведу изъ него ту подробность, которая во Псковѣ разсказывается объ Ольгѣ.

Когда Февронія, вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, была изгнана боярами изъ Мурома, тогда оба изгнанника сѣли въ лодку и поплыли по Окѣ.

Въ той-же лодкѣ случился нѣкоторый человѣкъ съ своею женою. И тотъ человѣкъ - какъ разсказывается въ житіи Муромскихъ угодниковъ - принялъ помыслъ отъ лукаваго бѣса, воззрѣлъ на Февронію съ блуднымъ помысломъ; она-же, уразумѣвъ злой помыслъ его, вскорѣ обличила. Она сказала ему: « почерпни воды изъ рѣки вотъ съ этой стороны." Онъ почерпнулъ; и велѣла ему пить: онъ испилъ. « Теперь - сказала она - почерпни воды съ той стороны лодки." Онъ опять почерпнулъ; и велѣла ему пить: онъ тоже испилъ. Потомъ Февронья спросила его: « Одинакова-ли та и другая вода, или которая слаще?» — И та и другая одинакова - отвѣчалъ онъ. Тогда Февронья сказала этому человѣку: « Точно также одинаково и естество женское: для чего-же ты, оставляя свою жену, на чужихъ мыслишь?» И увидѣлъ человѣкъ тотъ въ Февроніи даръ прозрѣнія и оставилъ свои помышленія.

Слѣдуя порядку въ изложеніи Несторовой Лѣтописи (я пропускаю былину о Кожемякѣ - см. у Кирѣева) остановимся теперь на Бѣлогородской былинѣ о томъ, какъ жители Бѣлгорода имѣли кормлю отъ земли. Эта лѣтописная сказка, основанная на миѳическомъ чествованіи мать сырой земли - доселѣ сохраняется въ народномъ разсказѣ, подъ названіемъ Пиво и хлѣбъ, изданной г. Аѳанасьевымъ въ его легендахъ. Къ бѣдному мужичку приходитъ нѣкоторый чудный старецъ и велитъ ему послѣдній четверикъ, и то занятой, всыпать въ колодезь: отчего къ утру само собою поспѣло отличное пиво и въ такомъ количествѣ, что мужикъ, наполнивъ ушатовъ съ 20, угостилъ пивомъ изъ неизсякаемаго колодца всю собравшуюся къ нему деревню.

Какъ при верховномъ божествѣ Славянъ - Перунѣ, покровителѣ земледѣлія, пользуется чествованіемъ и Волосъ - скотій богъ, такъ и поэтическія преданія съ чествованіемъ земли соединяютъ мысль и о томъ чудодѣйственномъ покровительствѣ скотоводству. Народная поэзія пріурочиваетъ эти преданія къ нѣкоторымъ мѣстностямъ.

Въ Кіевской губерніи есть гора, называемая Дѣвичь-гора, будто составленная на могилѣ одной прекрасной дѣвицы, дочери втораго знахаря-пастуха, убитой татарами; когда эту дѣвицу похоронили, тогда будтобы былъ заведенъ такой обычай, чтобы каждая женщина, выгоняя утромъ изъ села скотину на паству, бросала на могилу убитой дѣвицы горсть земли, для того чтобы скотъ водился здоровый и хорошо плодился. Такимъ образомъ составилась Дѣвичь-гора.

Так. образомъ, когда слав. племена усѣлись на Руси, каждое на своемъ мѣстѣ, они имѣли уже свои поэтическія преданія, запечатлѣнныя мѣстнымъ характеромъ, и выражающія бытъ племенъ и ихъ переходъ изъ болѣе дикаго, первобытнаго состоянія къ осѣдлости и земледѣлію. Предложенныя много изъ Лѣтописн. сказанія я заключу однимъ южно-русскимъ преданіемъ, въ которомъ яркими чертами изображается начало земледѣлія на Руси.

Будто-бы некогда въ глубокую старину русская земля опустошаема была лютымъ зміемъ, которому для умилостивленія въ жертву приводили юношей и дѣвицъ. Дошла очередь до царскаго сына. Наученный ангеломъ, онъ нѣсколько времени спасался отъ змія бѣгствомъ, читая молитву. Наконецъ-утомленный онъ совсѣмъ было уже былъ настигнутъ зміемъ, какъ вдругъ увидѣлъ онъ желѣзную кузницу, въ которой Св. Борисъ и Глѣбъ (иначе-Козьма и Дамьянъ) ковали первый плугъ для людей. Юноша въ кузницу - и железная дверь за нимъ захлопнулась. Змій три раза лизнулъ дверь, а въ четвертый просадилъ языкъ насквозь. Тогда Борисъ и Глѣбъ схватили раскаленными клещами змія за языкъ, запрягли въ плугъ и провели первую по землѣ борозду, которая и донынѣ зовется Зміевымъ Валомъ.

Это не только первая борозда земледѣльца, но и граница, валъ, охраняющій мирную оседлость отъ вторженія дикихъ кочевниковъ.

Лекція XIX. Послѣ народнаго эпоса обращаемся къ другому элементу нашей лѣтописи, тоже поэтическому, подлежащему вѣдѣнію болѣе исторіи литературы и быта, нежели собственно такъ называемой исторіи Россіи. Это элементъ легендарный, элементъ житій святыхъ. Все великое и славное для нашихъ благочестивыхъ предковъ являлось въ ореолѣ святости. Какъ въ эпоху миѳическую историческіе герои возводятся на степень полубоговъ и роднились съ Одиномъ и Торомъ (у насъ - внуки Дажьбога) - такъ для благочестивыхъ среднихъ вѣковъ историческіе дѣятели, - у насъ князья - причислялись къ лику святыхъ (даже его жена и дѣти). Въ житіяхъ два элемента - историческій или бытовой и собственно легендарный, основанный на Св. писаніи и преданіяхъ церковныхъ; первый элементъ составляетъ жизненную сторону житія, его интересъ бытовой и историческій; второй - даетъ житію его легендарную форму.

Прежде чѣмъ приступимъ къ легендарному элементу, сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній о составѣ житій святыхъ вообще. Для сравненія съ русскими:
1) Болландистовъ изд. житій святыхъ, 2) Якова de Varagine - Legenda aurea и мн. др.,
3) съ точки зрѣнія исторіи - Ваттенбаха - объ источникахъ историческихъ.

Обыкновенно укоряютъ житія святыхъ въ намѣренномъ подражаніи: т.е. житіе одного святого составляется обыкновенно по житію другого или даже по разнымъ подробностямъ въ Св. писаніи. Это дѣйствительно такъ, какъ увидимъ ниже, но едва-ли въ этомъ намѣренномъ подражаніи надобно видѣть plagiat, литературное воровство, въ смыслѣ современномъ. Напротивъ того, видя въ жизни какого-нибудь святого черты сходныя съ жизнію свято-чтимыхъ личностей Ветхаго или Новаго Завѣта или съ жизнію святыхъ, прославленныхъ церковью, и святыхъ первыхъ вѣковъ Христіанства - благочестивые читатели еще болѣе убѣждались въ истинѣ

и святости лица, которому эти заимствованныя подробности приписывались. Символизмъ и мистицизмъ устраняли всякое сомнѣніе, и въ чемъ теперь мы съ улыбкою видимъ невинное литературное заимствованіе, возбуждается сомнѣніе, - въ томъ благочестивые средніе вѣка видѣли священное знаменіе. Какъ было наивному благочестію не восторгаться, читая о какомъ нибудь позднѣйшемъ Святомъ, въ жизни котораго встрѣчались священныя черты Евангельскихъ сказаній, напр. о самой Дѣвѣ Маріи. То, что кажется намъ въ житіяхъ риторическою прикрасою, намѣренною работою, то для благочестивыхъ среднихъ вѣковъ было особенно назидательнымъ и святочтимымъ. Такъ было на Западѣ и у насъ. Ближайшій примѣръ приведу изъ житія Сергія Радонежскаго по редакціи Епифанія, по рукописи XVI в. Троицкой Лавры (Изд. литографированное съ миніатюрами, очень любопытными для исторіи искусства и быта. Это изданіе вышло лѣтъ 15 тому назадъ — теперь рѣдкость.

Когда Сергій былъ еще въ утробѣ матери своей, то трижды провозгласилъ во время чтенія Евангелія, когда она стояла въ церкви. Это происшествіе подаетъ автору поводъ къ цѣлому ряду символическихъ толкованій, основанныхъ на числѣ 3, и къ сближенію житія радонежскаго угодника съ другими древнѣйшими святыми личностями, какъ русскими, такъ и особенно иностранными, т.е. вообще православнаго цикла (И при каждой параллели — соотвѣтствующая тексту миніатюра). А именно: 1) Трижды Гдь Самоила пророка возва; 2) Трію каменію пращею Давидъ Голіафа порази; 3) Трижды повелѣ возливать воду Илья на полѣна; 4) Трижды тожде Илія дуну на отроковица и воскреси его; 5) Три дни и три нощи Іона пророкъ во китѣ тридневнова; 6) тріе отроци въ Вавилонѣ въ пещь огненную угасиша; 7) тричисленное-же слышаніе Исаію пророку, Серафимовидцу, егда на небеси слышашеся ему пѣніе ангельское, трисвятое вопіющихъ: Святъ, Святъ, святъ, Гдь Саваофъ!; 8) Трію-же лѣтъ введена бысть въ церковь Святая святыхъ Пречистая Дѣва Марія; 9) Тридесяти-же лѣтъ Христосъ крестися отъ Іоанна во Іорданѣ; 10) Три-же ученика Христосъ постави на Фаворѣ и преобразися предъ ними; 11) Тридневно-же Христосъ изъ мертвыхъ воскресе; 12) Трикраты-же Христосъ по воскресеніи рече: Петре, любиши-ли мя!" 13) Что-же извѣщаю по три числа, а что ради не помяну большаго и страшнаго еже есть тричисленное божество въ три лица едино божество пресвятая троица — и пр. Отсюда и выводъ: Лѣпо-же бяше и сему младенцу трижды провозгласити во утробѣ матерни сущу преже роженія, прознаменуя отъ сего, яко будетъ нѣкогда троичный ученикъ еже и бысть, и многи приведетъ въ разумъ

и увѣдѣніе божіе, уча словесныя овца вѣровати въ святую троицу единосущную и т.д.

За тѣмъ авторъ чувствуетъ потребность привести и изъ другихъ сказаній и житій чудесныя событія, сопровождавшія святыхъ мужей. А именно: 1) Іеремію пророка Богъ во чревѣ матерни освяти; 2) Исаія же пророкъ рече глаголетъ: Богъ воздавый мя изъ утробы и из чрева матере моея избравъ пронарече мя; 3) Св. же Іоаннъ пророкъ предтеча еще сый во утробѣ матерни позна Господа, носимаго въ ложеснахъ пречистыя приснодѣвы Маріи и взыграся младенецъ радощами во чревѣ матери своея Елисафи (sic) и тоя устнами пророчествова и возопи тогда глаголя: откуду се мѣ еда пріиде мати Гда моего ко мнѣ" — (И такъ, символика троицы и эти мѣста изъ Евангелія — какъ наивно свидѣтельствуетъ и самъ слагатель житія — были источниками или оригиналомъ для составленія сказанія о томъ, какъ Сергій трижды провозгласилъ во утробѣ своей матери, во время чтенія Евангелія во храмѣ).

Далѣе идутъ другія литературныя данныя, которыя слагатель житія Сергія и благочестивые читатели должны были имѣть въ виду для утвержденія въ своей вѣрѣ, а не для того, чтобы указаться сомнѣніемъ при мысли объ источникахъ, откуда заимствовалось сказаніе. А именно: 1) Пророкъ Илія Фезвитянинъ, егда роди его мати его, тогда родители его видѣша видѣніе, яко мужіе благокрасни и бѣлообразни нарицахуть имя ему и огненными пеленами повивахуй его и пламень огненный даяху ему ясти; 2) Св. Николае чудотворецъ егда родися и начаша омывати его, внезапу воста младенецъ на ногу свою и стояше простъ въ ночвахъ полтора часа.

3) Св. же Преподобный отецъ нашъ Ефремъ Сиринъ егда бѣ родился младенецъ, родители его видѣніе видѣста виноградъ на языцѣ его насажденъ, и возросте и исполни всю землю, и прихождаху птицы небесныя и ядяху отъ плода его, виноградъ же проявляше хотящіи разумъ податися ему.

4) Преподобный Алимпій Столпникъ прежде рожества его мати его видѣ сонъ таковый: яко ношаше на руку своею свѣща (2 свѣчи) и оттого разумѣ, яко хощетъ родитися отроча и будетъ добронравно, якоже и бысть.

5) Иже во Святыхъ отецъ нашъ преподобный Симеонъ Столпникъ иже на дивнѣй горѣ чюдотворецъ. Зачатъ бѣ отъ обѣщанія предтечи крестителю матери его возвѣстившу, и рожься. Въ егда доену ему быти небрежаше лѣваго сосца, Богу проявившу о семъ, яко десни

путь заповѣди Гня возлюбити ему. (Такъ и Св. Сергій не бралъ груди своей матери, день и больше, когда она ѣла мясо; догадавшись въ чемъ дѣло, она стала воздерживаться отъ мяса и постоянно постилась – и преподобный младенецъ тогда сосалъ ея грудь).

6) Св. Феодоръ Сикеотъ чудотворецъ егда бѣ во утробѣ матерни младенецъ мати его видѣніе видѣ: звѣзда съ небесъ свыше паде во утробу ея. Се-же звѣзда проявляше всяку добродѣтель отрочати.

7) Пишетъ въ житіи великаго Евфимія, яко прежде рожденія его во едину бо отъ нощей молящимася родителема его въ нощи единѣмъ, нѣкое явленіе явися има гля – и пр.

8) Паки въ житіи Феодора Эдесскаго писано есть, яко родители его Симеонъ и Марія молитвою просиста себѣ дѣтище сына – и какъ однажды въ церкви явился и тому и другой – Феодоръ тиронъ и Ап. Павелъ.

9) Пишетъ-же въ житіи Святого Отца нашего Петра Митрополита новаго чудотворца, иже въ Руси яко прилучися нѣчто свыше въ знаменіе и прежде рожденія его, еще ему сущу во утробѣ матернѣ. Во едину отъ нощей свѣтающи дневи недѣли видѣ видѣніе таково мати его, мнящи бо ся ей агньца держати на руку своею, посреди-же рогу его древо благолиственное израстьше, и многи цвѣты же и плоды обложено, и посреди вѣтвій его многи свѣтящи свѣщи, и возбудившися недоумѣяшеся что се, или что сбытіе и конецъ таковому видѣнію, обаче аще оно и недомышляшеся, и конецъ сбытію послѣди со удивленіемъ яви, еликими дарми угодника своего П. обогати.

Изъ этого примѣра ясно видно, съ какою наивностью и писатели житій и читатели относились къ источникамъ и образцамъ позднѣйшихъ житій. Этимъ путемъ заимствованій объясняется вся внѣшняя, такъ сказать, риторическая часть житій, такъ напр. въ русскомъ сказаніи о Петрѣ Митрополитѣ – агнецъ, котораго держитъ мать – подражаніе Алипію Столпнику; дерево на рогахъ его – Ефрему Сирину и пр.; свѣчи – опять Алипію Столпнику.

Лекція XX. Альфредъ Мори въ своемъ сочиненіи Essai sur les légendes pieuses du Moyen âge (1843) приводитъ обширную литературу заимствованій въ житіяхъ святыхъ. Такъ напр. множество подобныхъ же знаменій и пророчествъ при рожденіи святыхъ: Ортелана, мать Св. Клары, будучи тяжела своею дочерью, услышала чудесный гласъ: «не бойся, ибо ты родишь свѣтъ (Clara, Chiara и Claire), который просвѣтитъ весь міръ.» Нѣкоторыя изъ пророчествъ рожденія святыхъ скалькированы съ Благовѣщенія, какъ въ повѣствованіяхъ, такъ и въ живописи, какъ

напр. на ракѣ Св. Маурина. Флодоаръ, разсказывая жизнь Св. Ремигія (St Remi), апостола Галліи, въ повѣствованіи о зачатіи и рожденіи, представляетъ яснѣйшее подражаніе Евангельскому сказанію объ І. Христѣ и Іоаннѣ Крестителѣ. Нѣкоторымъ пустынникамъ будто Іоаннъ Креститель предсказываетъ о пришествіи великаго свѣта и апостола Галліи. Килинія, рождая Св. Ремигія, уже очень стара годами, какъ Сарра и Елисавета, и какъ при рожденіи Іоанна Предтечи, чудесныя знаменія служатъ залогомъ исполненія пророчества, - Монтанъ, одряхлѣвшій слѣпымъ, получаетъ зрѣніе въ ту минуту, какъ рождается будущій апостолъ Галліи, какъ онѣмѣвшій Захарія получилъ даръ слова, какъ скоро родился Іоаннъ Креститель.

Чудеса Евангельскія составляютъ общее мѣсто въ житіяхъ святыхъ и на Западѣ и на Востокѣ, напр. сорокодневный постъ доходитъ до такой крайности, что Св. Альбертъ цѣлые 22 года не вкушалъ никакой пищи и остался въ живыхъ. Проклятіе сухой смоковницы, умноженіе хлѣбовъ, претвореніе воды въ вино - сказанія, наиболѣе дѣйствовавшія на воображеніе благочестивыхъ умовъ - въ Средніе вѣка десятками повторяются въ подражаніи въ житіяхъ святыхъ.

Въ житіяхъ святыхъ мистицизмъ видѣлъ продолженіе священныхъ таинствъ Евангелія, и эти очевидныя подражанія вмѣсто соблазна и сомнѣнія, только больше укрѣпляли вѣру въ святость угодниковъ и въ торжествующую истину Евангелія - непрестанно возрождающуюся въ житіяхъ святыхъ. Точно такъ какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ символизмъ слѣдилъ за каждой малѣйшею чертою, видя въ ней прообразованіе Новаго Завѣта: и житія святыхъ съ точки зрѣнія символизма и мистицизма служили непрестаннымъ продолженіемъ св. писанія: какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ прообразованіе Новаго, такъ въ Новомъ Завѣтѣ прообразованіе и образецъ житіямъ святыхъ. Подражательная литература въ житіяхъ святыхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ принципу подражанія самими подвижниками въ ихъ жизни дѣяніямъ библейскихъ лицъ и святыхъ, жившихъ прежде. Так. образомъ тяготѣніе къ священнымъ предметамъ въ жизни и въ литературѣ представляется явленіемъ необходимымъ - знаменіемъ благодати, которую съ благоговѣніемъ набожные умы усматривали въ этихъ непрестанныхъ передѣлкахъ и подражаніяхъ, которыми наполнены житія святыхъ.

Знаменитыя Евангельскія чудеса - хожденія по водѣ, какъ посуху, и укрощенія бури на водахъ словомъ - весьма распространены въ нашихъ житіяхъ. Напр. Св. Власій имѣлъ способность ходить по водамъ; иногда этотъ даръ вспомоществуется какимъ нибудь одѣяніемъ (какъ въ сказкахъ

коверъ-самолетъ, сапоги скороходы); иногда Святого извлекают изъ водной пропасти дельфины, какъ Св. Василія Новаго въ знаменитомъ житіи, особенно распространенномъ на Руси. Хожденія Святыхъ по водамъ объяснялось вѣрованіемъ, что тѣла ихъ, приближаясь къ существу ангельскому, имѣютъ болѣе воздушное свойство, легче и прозрачнѣе обыкновенныхъ.
Николай Чудникъ и на Западѣ, какъ и у насъ, покровитель моряковъ и лодочниковъ, потому что утишилъ бурю и спасъ корабль, на которомъ онъ ѣхалъ. Дѣйствія святого на грозу и бурю мотивировались вѣрованіемъ, что всѣ свѣтила, солнце, луна и звѣзды, а также и элементы находятся во власти безплотныхъ силъ, сначала вообще ангеловъ: потому въ изображеніяхъ солнце и луна поддерживаются ангелами, или какъ у насъ въ миніатюрѣ толковаго Апокалипсиса — вѣтры несутся тоже ангелами; сверхъ того изображаются ангелы стихій, напр. ангелъ водной бездны. Впослѣдствіи ангелы бури и грозы низведены были въ злыхъ духовъ или бѣсовъ, которыхъ слѣдовало изгонять колокольнымъ звономъ или укрощать заклятіемъ или словомъ Святого.
Не распространяясь о множествѣ чудесъ въ житіяхъ святыхъ, основанныхъ на подражаніи Евангельскомъ, имѣющихъ предметомъ исцѣленія больныхъ и воскресеніе мертвыхъ, упомянемъ о самомъ странномъ явленіи въ католическихъ святцахъ — о полномъ уподобленіи І. Христу Св. Франциска черезъ чудесное воспріятіе Св. Францискомъ всѣхъ ранъ, полученныхъ Христомъ во время страстей.
Благочестивая фантазія, желая вознести въ горній ликъ ангеловъ падавшее тогда монашество, прибѣгла къ послѣдней крайности, отожествивъ Св. Франциска съ самимъ І. Христомъ — одинаковыми знаменіями страстей: такъ что Св. Францискъ явился какъ бы новымъ воплощеніемъ страдающаго Христа, который понесъ муку за грѣхи всего человѣчества — какъ Св. Францискъ, такъ сказать, новый монашествующій Христосъ понесъ тоже Евангельскія Іисусовы страсти за грѣхи падавшаго монашества.
Въ общемъ обозрѣніи житій святыхъ Св. Францискъ служитъ намъ отличнымъ образцомъ соединенія мотивовъ Новаго завѣта съ Ветхимъ. Уподобляясь Христу, Св. Францискъ вмѣстѣ съ тѣмъ представлялся воображенію и новымъ Иліею, пот. что, какъ Илія, былъ вознесенъ и Св. Францискъ на огненной колесницѣ; и какъ въ Иліи символизмъ усматривалъ прообразованіе самого І. Христа, вознесшагося на небо, такъ и новый монашествующій искупитель католическаго монашества Св. Францискъ долженъ былъ уподобляться ветхому прообразованію вознесшагося Христа — пророку Иліи.

Какъ Илію питали пустынные вороны, такъ орелъ питалъ Св. Вита, Св. Модеста, Св. Кресценція, Св. Стефана, третьяго аббата въ Сито.

Распространенный въ древнехристіанскихъ преданьяхъ и искусствѣ типъ Моисея, источающаго своимъ жезломъ изъ скалы воду - символъ и прообразованіе І. Христа по древнехристіанской символикѣ - послужилъ оригиналомъ для многихъ святыхъ (см. А. Мори - стр. 30-31), которые также источали воду изъ камня - мотивъ самый распространенный въ житіяхъ Святыхъ.

Изъ отрывка, приведеннаго мною изъ житія Сергія Радонежскаго, составленнаго его ученикомъ Епифаніемъ, мы уже видѣли, какую важную роль въ составленіи сказаній играетъ простая фраза, уподобленіе напр. агнцу, плодовитому древу, свѣточу и т. п.

Послѣ подражанія Св. Писанію, это 2-й главнѣйшій источникъ Житій Святыхъ. Наивная фантазія среднихъ вѣковъ, воспитанная народнымъ эпосомъ, въ которомъ всякое выраженіе соотвѣтствуетъ миѳу - также точно относилась и къ Святымъ, и въ каждомъ выраженіи, сопровождавшемъ характеристику Святого, усматривала не простое выраженіе мысли, но цѣлое событіе, какъ бы странно и чудесно ни казалось оно. Притомъ самыя собственныя имена Святыхъ служили поводомъ къ составленію цѣлыхъ житій или любопытныхъ эпизодовъ - что также вполнѣ согласовалось съ способомъ воззрѣній той эпохи, когда въ самомъ имени предмета досточтимаго хотѣли видѣть символъ, или какой другой немаловажный смыслъ, согласно съ набожнымъ чествованіемъ даже буквы въ Св. Писаніи, или съ суевѣрнымъ убѣжденіемъ въ силу словъ - напр. Кирие елейсонъ.

Для благочестивыхъ умовъ въ Св. Писаніи и церковныхъ книгахъ не было ни одной фразы, ни одного уподобленія, или назидательной повѣсти - внѣ предѣловъ дѣйствительности. Все возводилось въ событіе, все реализировалось въ Св. Писаніи и церковныхъ книгахъ, какъ наивные умы вѣрили въ дѣйствительное существованіе Юпитера, Діаны и другихъ демоновъ по ихъ понятіямъ.

Всѣ Евангельскія притчи возведены были въ реальныя событія. Изъ стихотворной хроники о Сидѣ извѣстно, что въ Испаніи въ XII в., какъ святой, чествовался бѣдный Лазарь, покровитель прокаженныхъ. Также возведена была въ дѣйствительное событіе притча о блудномъ сынѣ и др.

<u>Лекція XXI.</u> Къ имени святого или къ событію изъ его жизни присовокуплялась какая нибудь нравственная мысль, въ символической или мистической формѣ, и символъ давалъ новое содержаніе цѣлому житію или эпизоду въ житіи. Для примѣра возьмемъ Св. Христофора. У насъ на Востокѣ его изображаютъ съ песьею головою (изъ народа песьи головы); на Западѣ это страшный силачъ и великанъ, въ типѣ котораго иные изслѣдователи думаютъ видѣть Тора (напр. Вольфъ въ своихъ Beiträge). Но миѳологическая основа рано была уже заслонена мистическою мыслею, давшею поводъ къ цѣлому сказанію. По свидѣтельству Золотой легенды Якова де Варагине (гл. 95) по изд. Грессе гл. 100) Христофоръ родомъ Хананеянъ до крещенія именовался Репровусъ (по другимъ Offerus). Какъ древній титанъ, или какъ сѣверный великанъ Турсъ или Іотунъ, отъ гордости своею силою, рѣшился повиноваться только тому, кого найдетъ сильнѣе себя. Такого господина себѣ онъ нашелъ только въ самомъ сатанѣ; но и этотъ оказался слабъ, когда однажды, идя съ Христофоромъ, онъ увидалъ водруженный при пути крестъ, и съ ужасомъ бѣжалъ въ сторону. Послѣ того Христофоръ по совѣту нѣкотораго пустынника сталъ приготовляться къ принятію Христіанской вѣры. Его подвигъ послушничества состоялъ въ томъ, что онъ <u>переносилъ</u> на своихъ плечахъ всякаго путника черезъ потокъ, протекавшій около той пустыни. Однажды позвалъ этого великана младенецъ, чтобъ перенесъ его. Великанъ взялъ его на свои плеча, но только что вошолъ на середину потока, какъ, почувствовавъ непомѣрную тяжесть младенца, сталъ изнемогать, и опираясь на свою палицу, сталъ тонуть. Тогда младенецъ воззвалъ: „Христофоръ, Христофоръ (Христоносецъ)! ибо ты заслужилъ это имя, не печалься (и не ослабѣвай), потому что ты несешь цѣлый міръ и того, кто сотворилъ его". (Слич. Атласъ, несущій міръ, и нашего Святогора, который изнемогъ подъ тягою земною).

И такъ самое имя Христофоръ — послужило зерномъ цѣлому сказанію, которому мистическое настроеніе умовъ давало новое нравственное примѣненіе: всякій вѣрующій человѣкъ долженъ быть Христофоромъ, т. е. носить Христа въ своемъ сердцѣ. Потому уже и другіе католическіе святые удостоивались той же чести — носить на рукахъ Христа младенца, напр. Св. [illegible]. Развитіе той же мысли нашло новое примѣненіе: а именно Христа распятаго долженъ носить непрестанно въ своемъ сердцѣ: потому, дѣйствительно, на сердцѣ Св. Воланда былъ напечатлѣнъ крестъ, какъ оказалось по его кончинѣ. Согласно съ нравственною, отвлеченною мыслію о несеніи на себѣ креста и въ соотвѣтствіи перенесенія этой мысли въ фактъ въ житіяхъ святыхъ, Св. Радегонда начертала на своемъ тѣлѣ крестъ раскаленнымъ металломъ.

Такимъ же перенесеніемъ нравственнаго изреченія о сорастпѣніи со Христомъ въ область дѣйствительности объясняются и стигматы страстей Господнихъ на тѣлѣ Св. Франциска.

 Лит. Астахова.

Возрожденіе грѣшнаго человѣка и исцѣленіе его отъ язвы невѣрія помощію крещенія — мысль чисто нравственная — не иначе могла быть понята народомъ, какъ въ формѣ чисто реальной, т.е. какъ дѣйствительное воскресеніе или исцѣленіе помощію Св. воды или Крещенія. Такъ царь Константинъ исцѣлился отъ проказы Крещеніемъ, и нашъ Владиміръ прозрѣлъ (первоначально только духовно, а потомъ по народному объясненію — и физически).

Чудесное размноженіе хлѣба или питаніе крупицами хлѣба въ теченіи долгаго времени объясняется идеею насыщенія Словомъ Божіимъ (ибо не о единомъ хлѣбѣ человѣкъ живъ бываетъ) — а также объясняется и идеею таинства Евхаристіи. Так. образомъ Марія Египетская въ теченіи 48 лѣтъ питалась только тремя таинственными хлѣбами.

Христіанская нравственность предписывала заботиться о нищихъ, болящихъ и о всѣхъ несчастныхъ, покоить и лелѣять ихъ, потому что кто упокоитъ нищаго, такъ упокоитъ самаго Христа, пришедшаго въ міръ страждущихъ облегчить и грѣшниковъ спасти. Эта гуманная идея дала поводъ ко множеству разсказовъ о томъ, какъ святые ухаживали за нищими и больными, или какъ нищіе приходили просить милостыни и какъ одни имъ отказывали, другіе благодѣтельствовали, и въ послѣдствіи оказывалось, что въ образѣ нищаго или болящаго былъ самъ І.Х. (напр. Св. Юліанъ Страннопріимецъ, Св. Мартинъ, Св. Іоаннъ Милостивый, Св. Юдикаэль и др.). Легенды прекрасныя, поддерживавшія чувства человѣколюбія во время средневѣковаго варварства. Часто, рядомъ съ житіемъ, болѣе очищеннымъ отъ всякой фантастической примѣси — шелъ народный разсказъ, возводившій въ чудеса обыкновенныя фразы житія, которыя слѣдовало понимать только въ нравственномъ смыслѣ. Такъ Св. Ѳома спрашивалъ Св. Бонавентуру, откуда онъ заимствуетъ въ своихъ сочиненіяхъ такую силу и благодать? Св. Бонавентура, указавъ ему на распятіе, висящее въ его кельѣ, отвѣчалъ: „Вотъ это изображеніе научило меня во всемъ, что писалъ я." Эту самую естественную мысль народная фантазія возвела до чуда, заставивъ въ дѣйствительности разговаривать распятіе съ Св. Бонавентурою.

Мистическое обрученіе дѣвицъ-монахинь со Христомъ — въ житіи Екатерины возведено въ дѣйствительность, и въ Италіи долгое время показывали даже горницу, гдѣ было совершено это таинство обрученія.

По поводу слезъ, пролитыхъ Христомъ на крестѣ за грѣшниковъ въ Католической Церкви воспѣвается пѣснь:

O lacryma gloriosa } Gemma Coeli pretiosa
Christi praeclarissima } Lymphagis purissima —

Какой-то списатель въ своемъ благочестивомъ невѣжествѣ принялъ слово детта за чистую монету, и такимъ образомъ составилась легенда о томъ, какъ ангелъ принялъ одну изъ слезинокъ Христа, пролитыхъ надъ умершимъ Лазаремъ, и какъ эта слеза превратилась въ драгоцѣнный камень. Эту чудесную слезу, будто-бы, принесла въ Марсель сама Магдалина, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Лазаремъ и сестрою Маѳою. Обладаніемъ этого сокровища славился Вандомъ.

Наконецъ — самыя тѣла усопшихъ Святыхъ благоухаютъ святостію и благодатію: и потому — почти во всѣхъ житіяхъ встрѣчается самый обычный мотивъ — неизреченнаго благовонія въ дѣйствительности отъ тѣлесъ Святыхъ. Лилія — цвѣтъ Дѣвы Маріи — символъ благоуханной души праведника. Такъ показалась лилія изъ устъ одного юноши, который умѣлъ только говорить: Богородица Дѣва Марія! По смерти Св. Людовика Тулузскаго благоуханный цвѣтокъ выросъ изъ устъ его. Черезъ 320 лѣтъ по смерти Бенедикта Валломброзскаго — изъ устъ его исходила благоуханная бѣлая роза.

Третій источникъ составленія легендъ и отдѣльныхъ эпизодовъ житій Святыхъ — это перенесеніе въ дѣйствительный фактъ символическаго знака, и вмѣстѣ съ тѣмъ возведеніе въ дѣйствительность отвлеченной идеи и отдѣльнаго слова, ее выражающаго. Въ этомъ отношеніи Агіологія состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ внѣшнею формою, съ изображеніемъ, т. е. съ областью художества. Предварительно надобно помнить, что всякій предметъ, освященный церковнымъ авторитетомъ, внушалъ религіозное благоговѣніе — не только крестъ, чаша, какое-либо одѣяніе, но даже предметы вовсе не священные, даже происшедшіе во времена языческія, но будучи примѣненные къ церковному употребленію освящались въ глазахъ вѣрующихъ, напр. языческіе барельефы на саркофагахъ мучениковъ, епископовъ и другихъ Христіанъ, диптихи съ миѳологическими фигурами на переплетахъ Св. Писанія и церковныхъ книгъ.

Реализація отвлеченныхъ предметовъ, допускаемая религіею и поддерживаемая Ѳеологіею, особенно по вкусу пришлась простонародью, которое не только душѣ приписало форму маленькаго человѣчка (безъ полового отличія), какъ напр. въ изображеніи лона Авраамова на Страшномъ судѣ, въ представленіи Рая, или въ Успеніи Богородицы, — но и порокамъ и добродѣтелямъ, какъ напр. Софіи премудрости и ея дочерямъ Вѣрѣ, Надеждѣ и Любви, въ связи съ богословскими тенденціями вѣка, который соорудилъ самые великолѣпные храмы во имя

Софiи-Премудрости и въ живописи создалъ типъ крылатыхъ ангеловъ — Вѣчную Премудрость Слова Божьяго, воплотившуюся въ Еванг. ученiи. Равномѣрно, святочтимыя, Евангельскiя или вообще церковныя, но непонятныя слова — простонародье одухотворяло и возводило въ действительность, какъ напр. у насъ въ старину по одной рукописи Румянцовскаго Музея подъ Кустодiею разумѣли не стражу, а женщину, Пилатову ключницу, или какъ Аллилуйю смѣшали съ какою-то милостивою женою, которую иначе въ духовныхъ стихахъ прозываютъ Аллилуевою женою. Жиды преслѣдовали младенца Христа, и онъ, спасаясь отъ нихъ, пришелъ къ Аллилуевой женѣ въ то время, какъ она топила печку, а на рукахъ держала своего ребенка. По повелѣнiю Христа, она взяла на руки его самого, а своего младенца бросила въ печь. Пришли Жиды и обманулись, принявъ сожженнаго ребенка за I. Христа. Но когда они ушли, жена Аллилуева отворила заслонку печи и увидѣла въ печи вертоградъ прекрасный, а дитя ея гуляетъ по травѣ-муравѣ, съ ангелами пѣсни воспѣваетъ, читаетъ золотую книгу Евангельскую и за отца съ матерью Бога молитъ.
Эта легенда, какъ действительное историческое событiе, усвоена до нашего времени раскольническимъ толкомъ Глухою Нѣтовщиною, который находитъ въ легендѣ оправданiе догмату самосожженiя, потому что въ заключенiе —

Какъ возговоритъ Аллилуевой женѣ
Христосъ, Царь Небесный:
Охъ ты гой еси Аллилуева жена милосердая!
Ты скажи мою волю всѣмъ моимъ людямъ,
Всѣмъ православнымъ Христiанамъ,
Чтобы ради меня они въ огонь кидались,
И кидали-бы туда младенцевъ безгрѣшныхъ,
Пострадали-бы всѣ за имя Христа свѣта,
Не давались-бы въ прелесть хищнаго волка,
Хищнаго волка, Антихриста злаго — и т. д.

Св. Луцiя (отъ lux) дала поводъ къ сказанiю о ея мученiи, что ей выкололи оба глаза, и потомъ, — что она помогаетъ отъ очной болѣзни (ее и изображаютъ иногда съ глазами въ рукѣ).
Архитриклинъ на свадьбѣ въ Канѣ Галилейской — слово, непонятое народомъ, какъ у насъ кустодiя, далъ поводъ къ составленiю легенды о св. Археклинѣ, на бракосочетанiи котораго будто-бы присутствовалъ самъ I. Х. въ Канѣ Галилейской.

Самое капитальное явленіе въ этомъ разрядѣ народныхъ толкованій непонятнаго слова и возведеніе его въ дѣйствительную святую личность — это католическая Вероника — отъ vera icon І. Христа; по легендѣ-же наоборотъ, будто-бы самое названіе изображенія (Veronica — икона, напр. у Данта Parad. п. XXXI) произошло отъ собственнаго имени женщины Вероники, которая будто-бы подала Христу, идущему на Голгоѳу, убрусъ — утереть свое страждущее лице — и будто на убрусѣ отразилось его вѣрное изображеніе.

Лекція XXII. Въ 4-хъ, звѣриный стиль Романскаго періода, нашедшій себѣ прямое соотвѣтствіе въ Бестіаріяхъ и Физіологіяхъ, въ томъ-же символическомъ смыслѣ — не могъ не оказать вліянія на составленіе множества разсказовъ о святыхъ. Въ 1384 г. Димитрій Зографъ (живописецъ) перевелъ „съ Греческаго на русскій языкъ „Георгія Писиды „Похвала къ Богу о сотвореніи всея твари" — Дамаскина Архіерея Студита собраніе отъ древнихъ философовъ о нѣкихъ свойствахъ естества животныхъ, да изъ книги Георгія Писиды, да Василія Великаго изъ Шестоднева, да изъ книги-же Обѣда и вечери. — Здѣсь древнѣйшая миѳологія — и классическихъ народовъ и сѣверныхъ дикарей — такъ перепутались съ чудовищной символикой, что трудно разобрать составные элементы.

Въ прилѣпахъ капителей и на фасадахъ церквей изображались не только центавры, сирены, но и миѳы сѣверной миѳологіи — напр. на колоннѣ одной церкви въ Фрейзингенѣ — изображена борьба Зигурда съ зміемъ Фафниромъ, а на капители — орлицы, предсказывающіе судьбу этого героя.

Борьба съ дикими животными и укрощеніе ихъ — составляютъ предметъ столько-же героическихъ подвиговъ миѳологическаго эпоса, какъ и разсказовъ о святыхъ. Отсюда эпизоды въ житіяхъ — объ укрощеніи святыми льва, медвѣдя, волка и т. п. Воображеніе художниковъ Романскаго стиля, настроенное чудовищными представленіями, — борьбу съ сатаною и побѣду надъ нимъ — представляло святого попирающимъ чудовище, льва, волка, змія — а говорливая легенда внѣшнюю форму Романскаго стиля возводила въ дѣйствительность, повѣствуя о дѣйствительной борьбѣ святого съ чудовищами, какъ напр. въ разсказахъ о св. Георгіѣ.

Борьбу съ дикими звѣрями и чудовищами, и побѣду надъ ними Христіанское ученіе освѣтило свидѣтельствомъ Ветхаго Завѣта, въ сказаніи о томъ, какъ самъ Господь Богъ повелѣлъ первымъ человѣкамъ господствовать надъ рыбами въ морѣ, надъ птицами въ небѣ и надъ звѣрями на землѣ (Б. 1, 28).

Церковные учители къ этому присовокупили, что по грѣхопаденіи Богъ отнялъ у человѣка власть надъ дикими звѣрями, какъ не нужными, но не изъялъ изъ его власти животныхъ ручныхъ, ему полезныхъ.

Безъ сомнѣнія, по образцу библейскаго сказанія о пророкѣ Иліи (принятаго въ нашей иконописи) повѣствуется о пустынникѣ Павлѣ (III столѣтіе), какъ въ теченіе 60 лѣтъ воронъ приносилъ ему ежедневно половину хлѣба, а передъ его смертью, когда его навѣстилъ Антоній — цѣлый хлѣбъ. Когда Павелъ померъ, изъ пустыни явились два льва, легли у ногъ трупа и жалобно завыли, потомъ своими лапами вырыли ему могилу. Тоже повѣствуютъ о Маріи Египетской (Vв.), трупъ которой не могъ похоронить Зосима, и велѣлъ явившемуся льву лапами вырыть для нея могилу.

Особенно интересно повѣствованіе объ отшельникѣ Герасимѣ въ пустынѣ Іорданской (†475). Въ Цвѣтникѣ Духовномъ Іоанна Мосха (гл. 107) повѣствуется, какъ однажды Герасиму въ пустынѣ Іорданской встрѣтился левъ и показалъ ему лапу свою, въ которой вонзился тернъ, отъ чего образовалась гнойная рана и нога распухла. Герасимъ извлекъ изъ раны тернъ и очистилъ ее отъ гною, перевязалъ полотномъ и отпустилъ отъ себя льва. Но левъ не отходилъ изъ благодарности, и съ тѣхъ поръ повсюду слѣдовалъ за старцемъ, будто его ученикъ, а старецъ всегда его кормилъ. И былъ у старцевъ въ лаврѣ одинъ оселъ, на которомъ они возили себѣ воду изъ Іордана. Герасимъ велѣлъ льву пасти того осла по берегу Іордана. Однажды нѣкоторый купецъ, слѣдовавшій съ верблюдами изъ Аравіи, похитилъ того осла, когда левъ, его пасущій, отошелъ отъ него на нѣкоторое разстояніе. Потерявъ осла, воротился левъ къ Герасиму печальный. Старецъ, полагая, что левъ съѣлъ осла, спрашивалъ его: «гдѣ есть оселъ? Онъ же, яко человѣкъ, стояше молча и долу зря» и въ наказаніе съ тѣхъ поръ по распоряженію Герасима вмѣсто осла, возилъ для старцевъ воду изъ Іордана уже левъ. Спустя нѣкоторое время тотъже купецъ съ верблюдами и съ уведеннымъ осломъ опять проходилъ по той пустынѣ въ Іерусалимъ продавать пшеницу. Увидѣвъ льва, купецъ бросился бѣжать, оставивъ осла и верблюдовъ, а левъ «познавъ своего осла, тече къ нему, и устъ своими емъ его, якоже обыкъ бяше, ведяше его съ тремя вельбуды, радуяся зѣло и рыкая.» Старцы, видя, что льва напрасно подозрѣвали, будто онъ съѣлъ осла, въ особенную честь нарекли его Іорданомъ. Такъ и жилъ левъ съ Герасимомъ цѣлыхъ 5 лѣтъ. Когда же Герасимъ померъ и былъ погребенъ

когда льва не случилось въ лавръ. Воротившись, искалъ онъ старца. Тогда авва Саватій, ученикъ Герасима, говорилъ ему: «Іордане, старецъ нашъ оставилъ насъ сирыхъ и отъиде ко Господу» — и давалъ льву пищу; левъ же не бралъ пищи: «но часто очима семо и овамо взирая, ища старца своего, рыкая вельми и скорбя.» Старцы гладили его по хребту, желая его утѣшить, а левъ пуще того вопилъ и рычалъ. «Если не имѣешь намъ вѣры, говорилъ Саватій — пойдемъ, я покажу тебѣ, гдѣ похороненъ старецъ?» — И пришли оба къ могилѣ, на которую левъ кинулся и съ громкимъ рычаніемъ испустилъ духъ. Повѣствованіе оканчивается такъ: «Богъ, прославляя славящихъ Его, не токмо въ животѣ, но и по смерти, и показуя намъ, каково послушаніе имяху звѣріе къ Адаму въ Раи прежде преслушанія.» Это-же самое повѣствованіе, за исключеніемъ самого конца, было распространено по всему Западу и было очень популярно и въ поэзіи и въ образовательномъ искусствѣ, только было оно пріурочено къ имени блаженнаго Іеронима (†420).

Въ этомъ-же родѣ на Западѣ особенно знаменито сказаніе о Св. Галлѣ, основателѣ С.Галльскаго монастыря. Когда онъ въ 614 г. на Штейнахѣ построилъ келью, изъ которой потомъ образовался знаменитый монастырь, та пустыня полна была медвѣдей и волковъ. Его спутникъ, дьяконъ Гильтибодъ, выразилъ свои опасенія на этотъ счетъ, но Св. Галлъ его успокоилъ, сказавъ: «Если Богъ за насъ, то кто противъ насъ? Кто спасъ Даніила во рвѣ отъ львовъ, тотъ можетъ и насъ спасти отъ дикихъ звѣрей» — и точно, только что была построена первая келья, тотчас-же пропали всѣ змѣи, кот. во множествѣ до того кишѣли въ той пустынѣ. Однажды ночью, когда Св. Галлъ послѣ ужина молился передъ крестомъ, а его спутникъ былъ въ другой кельѣ, съ горы сошелъ медвѣдь и сталъ подъѣдать остатки ужина. Св. Галлъ велѣлъ ему принести дровъ и бросить въ огонь, и когда медвѣдь исполнилъ приказанное, онъ далъ ему часть хлѣба и навсегда велѣлъ оставить ту долину и жить только въ горахъ. Особенно это сказаніе распространено въ Ирландіи и Шотландіи, откуда оно могло зайти и въ житіе Св. Галла (по мнѣнію Пипера — Die Herrschaft der Menschen über die Thieren).

О господствѣ Св. Мужей надъ дикими звѣрями заключу эпизодомъ изъ житія Св. Сергія Радонежскаго (житія классическаго и въ этомъ отношеніи): «Мнози бо звѣріе якоже рекохъ въ той пустыни (гдѣ основался Сергій въ Радонежской области) — тогда обрѣтахуся. Овии стадомъ выюще

ревуще проххождааху, а друзіи же не во множѣ, но или два или тріе едино по единому мимо течаху. Овіи же отдалече (Это – вѣрная картина дѣйствительности. Это – дѣйствительные подвиги древнерусскихъ подвижниковъ; это – послѣдователи Св. Георгія, очищающіе Русь отъ звѣрей и дѣлающіе ее обитаемою) – а друзіи близъ блаженнаго приближахуся и окружаху его, яко нюхающе. И отъ нихъ же единъ звѣрь рекомый Аркуда (Греч. ἄρκος или ἄρκτος – для пущей важности), еже сказается медвѣдь, иже повсегда обыче приходити къ преподобному. Се же видѣвъ преподобный, яко не злобы ради приходитъ къ нему звѣрь, но паче да возьметъ отъ брашна мало нѣчто въ пищу себѣ, и износяше ему изъ хижа своея малъ укрухъ хлѣба (какъ Св. Галлъ), и полагаше ему на пень или колоду, яко да пришедше по обычаю звѣрь, и яко готову себѣ обрѣтъ пищу, и вземъ усты своими отхождаше. Аще ли когда не доставшу хлѣбу и своего урочнаго укруха, тогда долго время не отхождаше, но стояше взирая сѣмо и овамо, ожидая аки нѣкій злый должникъ, хотя воспріяти долгъ свой. Аще ли прилучися единому обрѣстися укруху, то нужа бысть преподобному, и то раздѣлити на двѣ части, да едину убо себѣ оставитъ, а другую звѣреви оному предложитъ." Когда вовсе не было хлѣба – "тогда оба абіе пребываста алчуща самъ же и звѣрь" – и иногда самъ оставался голоденъ, отдавая послѣдній кусокъ хлѣба тому медвѣдю. И такъ долгое время жилъ преподобный Сергій вмѣстѣ съ тѣмъ медвѣдемъ.

Л е к ц і я XXIII. Особенно любопытна роль оленя и въ искусствѣ и въ житіяхъ святыхъ и легендахъ. Олень, обыкновенно преслѣдуемый охотникомъ, доводитъ до какого нибудь интереснаго открытія. Иногда олень открываетъ мощи святыхъ, или спасающагося угодника (какъ напр. Дагоберту олень открылъ мѣсто, гдѣ покоятся мощи св. Діонисія – St Denis – лань открыла убѣжище Св. Женевьевы Брабантской).

Ближайшее значеніе оленя усматривается въ легендахъ о распятіи, чудесно являющемся между его роговъ. Древнѣйшее, и западное и восточное, преданіе это о Св. Евстафіи – Плакидѣ (какъ онъ назывался въ язычествѣ), военачальникѣ Императора Трояна. Однажды охотясь, онъ увидѣлъ стадо оленей и погнался за самымъ большимъ изъ нихъ – и наконецъ увидѣлъ между его рогами распятіе, отъ котораго былъ гласъ самого І. Христа, устами того оленя: «Плакида, для чего меня преслѣдуешь? Азъ есмь І. Христосъ, котораго ты почтилъ въ твоемъ невѣдѣніи; твои милостыни

дошли до меня на небо! Потому я явился тебѣ, Плакида, и въ образѣ этого оленя, котораго ты преслѣдуешь, а побѣдилъ тебя." Послѣ того Плакида крестился и получилъ имя Евстафія.

Тоже самое сказаніе не разъ было повторено въ католическихъ святцахъ, примѣненное къ разнымъ лицамъ. Самое знаменитое примѣненіе — это въ житіи Св. Губерта, епископа Лъежскаго или Люттихскаго. Онъ сначала былъ воинъ и охотникъ; охотился въ лѣсахъ Брабантскихъ, около Арденнъ, гдѣ ему явился олень тоже необычайной величины и тоже съ распятіемъ между рогами, и также воззвалъ: „О Губертъ, Губертъ! доколѣ ты будешь преслѣдовать дикихъ звѣрей въ лѣсахъ" и т. д. Губертъ также покаялся и обратился къ Богу; (знаменитая гравюра Альбрехта Дюрера).

Въ Средніе вѣка оленя сравнивали съ единорогомъ, а въ единорогѣ видѣли символъ І. Христа, невинности и чистоты, напр. въ изображеніи Благовѣщенія (по Бестіаріямъ единорогъ прибѣгаетъ на лоно непорочной непорочной дѣвицы).

По древнехристіанской символикѣ олень имѣетъ двоякое значеніе — 1) І. Христосъ въ образѣ оленя въ кругу въ изображеніи Страшнаго Суда и 2) душа, спасающаяся при источникѣ жизни, по 1-му стиху псалма XLI: Имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ тебѣ Боже (См. миніатюры въ Псалтыри въ моихъ Очеркахъ) — и такимъ образомъ душа омытая въ водѣ крещенія отъ грѣховъ, обратившаяся къ Богу.

То и другое значеніе встрѣчаемъ въ легендахъ объ Евстафіи и о Губертѣ. Олень — 1) Христосъ, котораго преслѣдуетъ язычникъ Плакида въ лицѣ христіанъ, или воинъ Губертъ до своего монашества своей безпорядочною жизнью, — и 2) символъ души (— и того и другого — помощію мысли о распятіи — обратившейся къ Богу). Что же касается до самой формы разсказа, то въ словахъ Христа, исходящихъ изъ устъ оленя: „зачѣмъ ты меня преслѣдуешь" — видно повтореніе извѣстнаго Новозавѣтнаго повѣствованія объ обращеніи Св. Павла: „Савле, Савле что меня преслѣдуешь?"

Символъ голубя. Какъ бы ни образовался символъ Св. Духа въ видѣ голубя — имѣетъ ли этотъ символъ какое отношеніе къ голубямъ античныхъ сказаній и состоитъ ли въ какой связи съ огненными языками, въ видѣ которыхъ тоже является Св. Духъ, но не подлежитъ сомнѣнію очевидная связь нѣкоторыхъ эпизодовъ въ житіяхъ Святыхъ съ изображеніями Святыхъ, которымъ будто бы на ухо нашептывалъ что-то подлетающій голубь (т. е. эти святые въ своихъ мнѣніяхъ и рѣчахъ проявляли силу и благодать Св. Духа) — такъ напр. изображаются Василій Великій, папа Григорій Великій, Св. Петръ d'Alcantara и др. Этотъ художественный мотивъ, будучи переведенъ въ дѣйствительность, далъ начало сказаніямъ о томъ, что Св. Духъ дѣйствительно въ видѣ голубя поучалъ этихъ Святыхъ.

Въ соотвѣтствіе души (крещенной, святой) — Духу, также и душа, вылетающая изъ тѣла умирающаго человѣка, изображается въ видѣ голубя и потомъ возводится въ дѣйствительность, напр. въ Житіи Св. Евлаліи.

Говоря о птицахъ, кстати упомяну объ одномъ любопытномъ символическомъ знакѣ, кот. встрѣчается и въ заглавныхъ буквахъ — у насъ XII и особенно XIII в. — и въ рельефахъ (напр. на Дмитріевскомъ Соборѣ во Владимірѣ, изд. гр. Строганова): это птица съ человѣческимъ лицомъ, иногда въ коронѣ, — она называется у насъ птица-Сиринъ. Какъ бы ни осложнился смыслъ этого символа, но безъ сомнѣнія въ немъ удержались слѣды первоначальнаго, эпическаго его значенія еще у древнихъ Римлянъ (А. Мори — стр. 185) — это душа человѣческая.

Чудеса о рыбахъ въ Житіяхъ очень часто совпадаютъ съ древнехристіанскимъ символомъ рыбы — ἰχθύς. Что касается дельфиновъ, уже упомянутыхъ мною въ Житіи Василія Новаго, то еще античные художники изображали, какъ души переплываютъ на дельфинахъ на блаженные острова.

Наконецъ, заключая наше общее обозрѣніе, надо упомянуть въ 5-омъ томѣ, что Житія святыхъ осложнялись, будучи пріурочиваемы къ какой нибудь мѣстности, и особенно къ мѣстностямъ, знаменитымъ своими монастырями и къ епископскимъ митрополіямъ. Напр. въ Кельнѣ существуетъ легенда о Св. Урсулѣ и 11,000 дѣвъ, прибывшихъ будто-бы нѣкогда въ этотъ городъ. Къ Кельну же пріурочивается также легенда о трехъ царяхъ, мощами которыхъ издавна славился этотъ городъ, куда Фридрихъ Барбаросса перенесъ ихъ изъ Миланскаго монастыря Св. Евсторгія. Эти цари — собственно маги или волхвы, принесшіе І. Христу младенцу дары. По ученію Беды достопочтеннаго — «Mystice tres Magi — tres partes mundi significant — Asiam, Africam, Europam (потому одинъ изъ нихъ — арапъ), sive humanum genus» — т. е. въ лицѣ маговъ поклонился Іисусу Христу весь міръ. Эта идея и въ связи съ нею личности маговъ или царей — видоизмѣняется по возрастамъ: одинъ — юноша, другой въ зрѣлыхъ лѣтахъ, третій — старецъ. Наконецъ даны были имъ и имена — это Гаспаръ, Бальтазаръ и Мельхіоръ.

Народныя книги — вѣрные указатели интересовъ массы — рядомъ съ передѣлками народныхъ эпическихъ разсказовъ, съ книжками о гаданіи, талисманахъ и другихъ суевѣріяхъ — преимущественно содержатъ въ себѣ Житія святыхъ — и именно въ редакціяхъ наиболѣе сказочныхъ и искаженныхъ, подходящихъ ко вкусу простонароднаго чтенія. А такъ какъ и на Западѣ и у насъ — народъ по преимуществу — хранитель всякихъ преданій, а также и церковныхъ — то особенно глубоко вкоренены и въ литературѣ и въ жизни Житія святыхъ, наименѣе очищенныя критикою, наиболѣе

чудесныя и исполненныя всякихъ странностей, наивныхъ противорѣчій и анахронизмовъ и всякой небывальщины — такъ что можно сказать безошибочно, что какъ въ Средніе вѣка, такъ и теперь, какъ у православныхъ, такъ и еще болѣе у католиковъ — древній мифологическій эпосъ какъ бы тянется и поддерживается доселѣ въ народѣ массою наиболѣе искаженныхъ Житій Святыхъ и другихъ легендъ.

Лекція XXIV (24го Марта 1868 г.). Отъ общаго обозрѣнія легендарной литературы, прежде чѣмъ перейти къ Нестору, мы должны замѣтить, что русскія Житія Святыхъ, сверхъ разсмотрѣнныхъ нами общихъ пріемовъ, этихъ, такъ сказать, общихъ мѣстъ, принадлежащихъ одинаково и востоку и западу, имѣютъ свою тоже общую норму, опредѣляемую бытомъ народа, его воззрѣніями и степенью развитія вообще литературныхъ идей. Въ противоположность легендамъ западнымъ, необыкновенно богатымъ фантазіею и разнообразіемъ бытовыхъ, жизненныхъ подробностей, русскія Житія Святыхъ, не смотря на нѣкоторыя любопытныя черты ихъ для исторіи нашего отечества вообще и для исторіи быта и нравовъ въ особенности, отличаются необыкновеннымъ однообразіемъ и бѣдностью характеровъ, событій и всякихъ жизненныхъ, бытовыхъ подробностей, что особенно для насъ чувствительно именно потому, что за неимѣніемъ другихъ повѣствовательныхъ произведеній (повѣстей, романовъ), Житія Святыхъ послѣ лѣтописи — единственный источникъ для исторіи быта и нравовъ. Повѣствованіе обыкновенно начинается напыщенною похвалою Святому, впослѣдствіи составлявшею особую главу. Въ этой похвалѣ обиліе риторическихъ фразъ обличаетъ пустоту воображенія и часто тупость фальшиваго чувства, аскета и экзальтированнаго монашескимъ мистицизмомъ. Затѣмъ въ общихъ чертахъ восхваляется добродѣтельное житіе родителей Святаго; очень часто приводится обычный мотивъ о ихъ брачномъ безплодіи, это особенно въ житіяхъ, составленныхъ много послѣ смерти Святого, въ подражаніе ветхозавѣтнымъ и новозавѣтнымъ сказаніямъ. Безплодіе родителей по особенно чудесному наитію свыше наконецъ разрѣшается рожденіемъ Святаго: въ чемъ и полагаетъ наивный списатель главную заслугу родителей въ глазахъ благочестивыхъ читателей, и впослѣдствіи чествуются самыя мощи родителей, хотя и подъ спудомъ. Этотъ общій мотивъ иногда разнообразится тѣмъ обстоятельствомъ, будто мать нѣсколько разъ сряду родитъ дѣвочекъ, чѣмъ раздражаетъ мужа, который часто даже бьетъ ее и успокоивается только тогда, когда

родится желанный сынъ, будущій Святой: черта очень характеристическая для русскихъ бытовыхъ убѣжденій, пот. что за исключеніемъ какихъ-нибудь полудюжины русскихъ женщинъ, да и то княгинь, русскіе святцы представляютъ только имена святыхъ мущинъ /въ этомъ заключается существенное отличіе восточныхъ и преимущественно русскихъ святцевъ отъ западныхъ/. Такимъ образомъ это придаетъ нашей агіологіи значительно однообразный характеръ, строгій, мужественный и облеченный суровостью монашескаго аскетизма. Какъ видно, слишкомъ односторонне было принято нашими благочестивыми предками грѣхопаденіе первыхъ человѣковъ, падшее всею своею тяжестью на Еву, и такимъ образомъ монашескій аскетизмъ въ русскихъ Житіяхъ, безъ сомнѣнія, не мало способствовалъ унизительному положенію женщинъ въ нашей отечественной старинѣ, и безъ того уже не высоко поставленныхъ. Списатели житій /обыкновенно монахи/ въ женщинахъ видѣли болѣе приманку грѣховныхъ соблазновъ, именно только чувственную, такъ сказать, демоническую сторону человѣчества, какъ бы недостойную вознестись до ореола святости.

Это, какъ видите, замѣчательно-слабая сторона русскихъ житій святыхъ, какъ бы то ни было обличающая древнюю Русь въ недостаткѣ гуманности въ сравненіи съ Западомъ, и что бы Славянофилы не говорили о значеніи женщинъ въ древней Руси, на основаніи былинъ и другихъ соображеній — житія Святыхъ ариѳметически, численно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ наши предки смотрѣли на женщину, недостойную святости, а въ святости предки наши видѣли идеалъ человѣчества. Обыкновенно это сваливаютъ на Византію, но Византія стоитъ гораздо выше нашей древней Руси, кот. является намъ въ источникахъ письменности.

Въ раннихъ житіяхъ святыхъ проводится иногда характеристическая черта — именно въ отношеніяхъ Св. того сына къ своимъ родителямъ. Родители принадлежатъ еще къ старому поколѣнію; хотя они уже и Христіане, но не уважаютъ монашества и въ желаніи своего сына оставить свѣтъ и идти въ монастырь видятъ его погибель — черта, въ кот. можно видѣть жизненные слѣды — малое духовное развитіе въ массѣ народа. Наши списатели иногда на это обстоятельство съ особенною силою напираютъ, ибо имъ представляется возможность подражать древнимъ мартирологіямъ, когда въ языческую эпоху сыновья и дочери знатныхъ сановниковъ входятъ въ христ. общину, когда родители ихъ еще держатся языческой старины. Такъ и русскіе списатели въ желаніи сына идти въ монастырь въ противность

воли родителей видятъ тоже производствіе, кот. они вычитали въ Мартирологіяхъ.
Детство и отрочество описываются безцветно въ Житіяхъ Святыхъ, очевидно по недостатку въ понятіяхъ о воспитаніи и въ средствахъ для обученія. Мальчикъ учится грамоте. Иногда онъ прилеженъ и учится хорошо; иногда же онъ ленивъ и не понимаетъ грамоты, и тогда вследствіи какого-нибудь чуда (по образцу сошествія Св. Духа на апостоловъ) этотъ ленивый мальчикъ пріобретаетъ вдругъ всю книжную мудрость и, какъ Христосъ между мудрецами, удивляетъ и покоряетъ всехъ своею мудростью. Съ юныхъ уже летъ предается онъ аскетизму. Иногда онъ успеетъ предупредить женитьбу и еще холостой идетъ въ монастырь; иногда же онъ идетъ въ монастырь уже отъ жены. Въ последнемъ случае списатель Житія имелъ въ виду идеалъ, ставшій любимымъ въ русскомъ народе, благодаря духовнымъ стихамъ – идеалъ Алексея человека Божія, кот. бежалъ отъ своей жены после первой брачной ночи въ пустыню.
Безподобный пандантъ къ Алексею человеку Божію, именно по характеру, отличающему русскія житія, представляетъ итальянская легенда о Св. Умильте, девице изъ знатной фамиліи, выходившей замужъ вовсе не за старика какого-нибудь, но прежде того посвятившей себя Богу, и хотя она вышла замужъ, но уговорила своего мужа идти въ монастырь и сама отправилась туда-же.
Если русскій Святой постригается въ монастырь противъ воли своихъ родственниковъ, то сначала преследуется ими, но потомъ мирится съ ними и обращаетъ ихъ на путь спасенія (подражаніе раннимъ мартирологіямъ).
Такимъ образомъ русскій святой, отказавшись отъ міра, поступаетъ въ монастырь, или въ прежде того основанный, или основываетъ новый: въ старину, опять по примеру раннихъ мартирологій, по обычаю древнихъ христ. катакомбъ, роетъ себе пещеру, что очень часто въ христ. стране является страннымъ анахронизмомъ, ненужною роскошью.
Чаще всего русскій Святой поступаетъ въ старый монастырь, а потомъ недовольный слабымъ житіемъ монаховъ, спасается въ пустыню и основываетъ новую обитель. Это – общая черта какъ у насъ, такъ и на Западе. Въ этомъ состоитъ развитіе внутренней жизни – монастырь основывается съ энтузіазмомъ, благочестіе процветаетъ; но съ стеченіемъ народа монастырь богатеетъ, чудеса увеличиваются своею численностью, привлекаютъ много и посетителей и монаховъ, монахи портятся нравами. Но вотъ, среди нихъ является монахъ-энтузіастъ, бежитъ въ пустыню и основываетъ новый монастырь. Такъ Бернардъ изъ монастыря Клюньи, где нашелъ развратъ, богатство, ослабленіе нравовъ, ушелъ и основалъ монастырь

Клерво, кот. сдѣлался разсадникомъ новаго монашескаго ордена Св. Бернарда. Этотъ общій порядокъ въ русскихъ житіяхъ святыхъ часто видоизмѣняется борьбою окрестныхъ жителей съ основателемъ монастыря и его товарищами. Крестьяне, заслышавши въ своемъ сосѣдствѣ поселившихся старцевъ, въ опасеніи, чтобы они не завладѣли ихъ угодьями, стараются о томъ, чтобы спровадить ихъ подальше, какъ опасныхъ сосѣдей. Это - борьба за собственность, за землю. Историки Россіи въ этихъ сказаніяхъ открываютъ первоначальные слѣды заселенія нашего отечества, колонизацію пустынныхъ краевъ и разнесеніе первыхъ сѣмянъ цивилизаціи, ибо эти старцы, хотя и сами еще мало развиты - все-таки были цивилизаторами.

И такъ старцы, какъ искатели приключеній, люди безпокойные, по тому времени передовые, своего рода путешественники и странствующіе рыцари, открыватели новыхъ земель, предшественники Колумба — во время своихъ странствованій открываютъ мѣста удобныя, съ угодьями и основываютъ свое становище. Но прогнанные крестьянами, идутъ дальше, все по непроходимымъ мѣстностямъ, оставляя на мѣстѣ своихъ остановокъ кельи. Это - первыя вѣхи на пути колонизаціи и цивилизаціи края, и наконецъ они останавливаются гдѣ нибудь въ безопасномъ убѣжищѣ, гдѣ и основывается монастырь.

Очень скоро слава объ ихъ подвижничествѣ разносится въ окрестности, и монастырь сейчасъ же богатѣетъ. Но кругомъ - крестьянское населеніе, есть и разбойники и воевода, мѣстный начальникъ; заслышавши о богатствѣ старцевъ, разбойники дѣлаютъ нашествіе и разграбляютъ монастырь, да и воевода иногда тѣснитъ его /Древняя Русь является здѣсь во всей наготѣ, не прикрытая парчевыми лохмотьями, которыми думаютъ одѣть ее Славянофилы/. Такимъ образомъ борьба монастыря съ окружающимъ продолжается, не смотря на чудеса, привлекающія въ его стѣны толпы народа. Во всякомъ случаѣ монастырь - гдѣ-нибудь въ захолустьи - великая сила, великая власть - власть умственная, духовная; но вмѣстѣ съ тѣмъ и могущество физическое. Это - какъ бы рыцарская крѣпость съ зубцами и бойницами, выдерживающая осаду, какъ бы городъ съ кремлемъ. Такимъ образомъ власть, собственно духовная, тотчасъ же получаетъ свое существенное значеніе въ исторіи народа; она соединяется съ другою властью, чисто свѣтскою, властью княжескою; и та и другая ведутъ населеніе къ цивилизаціи, хотя и руководствуются личными цѣлями. Такимъ образомъ благосостояніе монастыря обезпечивается покровительствомъ удѣльнаго или великаго

князя. Тогда господствующій надъ окрестнымъ населеніемъ монастырь получаетъ силу политическую и въ рукахъ умнаго и ловкаго князя становится орудіемъ для его личныхъ цѣлей. Князья соперничаютъ между собою въ милостяхъ, расточаемыхъ монастырямъ, чтобы черезъ монастырь подчинить себѣ цѣлую страну, въ которой монастырь находится. Проницательный игуменъ старается выбрать себѣ болѣе выгоднаго покровителя и, подчиняя ему свой монастырь, расширяетъ область этого князя-покровителя новыми землями. Въ этомъ отношеніи особенно характеристично Житіе Іосифа Волоцкаго (Волоколамскаго). Этотъ святой былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ политическихъ дѣятелей своего времени; его житіе - столько-же назидательное сочиненіе, сколько и эпизодъ изъ занимательной борьбы Москвы съ Новгородомъ - борьбы какъ политической, такъ и религіозной.

<u>Лекція XXV.</u> Герой благочестиваго повѣствованія - Святой, при всѣхъ своихъ добродѣтеляхъ, обыкновенно не отличался никакими индивидуальными качествами. Такова общая программа большей части древнихъ русскихъ житій, сообщенная въ прошедшей лекціи. Житіямъ Святыхъ въ русской литературѣ нельзя отказать въ историческомъ значеніи, какъ важному источнику для изученія быта церковнаго, государственнаго и народнаго; но напыщенная витіеватость, восполняющая недостатокъ воображенія и чувствъ, ихъ односторонее крайне-аскетическое направленіе, однообразіе общихъ мѣстъ свидѣтельствуютъ о крайней бѣдности въ литературномъ развитіи нашихъ предковъ едва-ли не до половины XVII столѣтія.

Само собою разумѣется, что плохая въ литературномъ отношеніи обработка русскихъ житій не вредила искренности вѣры въ описываемыя лица и событія, потому какъ здѣсь, такъ и во другихъ явленіяхъ русской жизни надобно строго отличать предметы вѣрованья отъ ихъ внѣшняго выраженія въ литературныхъ или художественныхъ формахъ. При недостаткахъ внѣшней формы литературной и художественной все-же можно было поддерживать самую искреннюю вѣру въ предметы, изображаемые или описываемые, чему лучшимъ и нагляднымъ доказательствомъ служитъ русская иконопись, въ ущербъ изяществу коснѣвшая столько вѣковъ въ ея только чисто религіозномъ значеніи, какъ церковная утварь безъ всякаго прямого отношенія къ изяществу формы. Даже самая безцвѣтность въ изображеніи характеровъ и событій, сглаживая разнообразные оттѣнки дѣйствительности, придавала

Житію Святого нѣчто отвлеченное отъ жизни, уносящее въ ту чуждую сферу область, въ которой вѣрующія души чаяли конечную цѣль своего земного бытія.

Самые святые въ древней Руси не могли быть разнообразны и потому, что у всѣхъ ихъ было одно стремленіе — аскетическими подвигами отрѣшиться отъ дѣйствительности, въ которой они видѣли одни только соблазны, стать выше этой дѣйствительности и въ монашескихъ трудахъ отвлечь свою личность отъ всего окружающаго. Вотъ это-то именно и причина, почему иногда русское житіе даетъ мало поживы для исторіи быта, нравовъ и жизни, поддерживая, впрочемъ, самую искреннюю вѣру.

Историкъ русскаго народа въ дѣятельности многихъ этихъ аскетовъ можетъ усмотрѣть практическіе замыслы, борьбу съ невѣжествомъ поселянъ, съ своекорыстіемъ князей и бояръ, даже иногда желаніе господствовать и пріобрѣтать; но авторъ Житія, или какъ его называютъ — списатель, писавшій часто по заказу, а обыкновенно пристрастный къ своему герою, желавшій во что-бы то ни стало окружить его ореоломъ святости и каждый шагъ его возвести въ символическій смыслъ священнаго величія, и неискушенный въ литературной критикѣ — иногда только кое-гдѣ обмолвливается не въ пользу своего героя, если нужно сообщить какое-нибудь событіе изъ его жизни. Вообще-же онъ остается вѣренъ своей программѣ и вмѣсто живой личности, исполненной желаній и страстей, рисуетъ неопредѣленный туманный очеркъ благочестиваго подвижника. Вѣчное повтореніе одного и того-же идеала, сквозь сіяющій ореолъ котораго не видно идеальнаго облика русскаго человѣка.

Соотвѣтственно этому направленію, подчинявшему индивидуальность русскихъ святыхъ общему типу, выработанному Византіей (а не ранними житіями Святыхъ) — и русская иконопись не иначе относилась къ русскимъ подвижникамъ, какъ сглаживая ихъ живые портреты въ общей нормѣ установившихся въ Визант. иконописныхъ подлинникахъ типахъ, гдѣ наши иконописцы находили прототипъ для русскихъ Святыхъ — и разумѣется — тѣмъ священнѣе казались иконы русскихъ Святыхъ, чѣмъ болѣе онѣ напоминали священные типы византійскіе. Впрочемъ русская иконопись представляетъ не мало примѣровъ и русскихъ типовъ, потому что волей неволей должно было вносить въ худож. формы то, что окружало мастера въ дѣйствительности.

Такъ точно и русскіе списатели житій, скрывая за общими мѣстами бѣдность, а часто и отсутствіе фантазіи, тѣмъ только болѣе внушали къ себѣ довѣрія. Поэтическіе вымыслы невоздержной католической фантазіи, ея разнообразіе останавливаютъ читателя своею несообразностью, развлекаютъ вниманіе мелочами, обращаютъ душу къ праздной мечтательности, отводя ее отъ паренія горѣ, отъ божеств. аскетическаго созерцанія къ интересамъ дѣйствительности, а затѣмъ и ведутъ къ сомнѣнію. Отсюда — разнообразіе въ направленіяхъ поэзіи и литературы церковныхъ легендъ на Западѣ: то восторженная поэзія въ школѣ благочестивыхъ писателей Св. Франциска, то фанатизмъ въ проповѣдяхъ и писаніяхъ братьевъ Доминиканцевъ, то тонкая, изворотливая критика въ произведеніяхъ Іезуитскихъ богослововъ.

Выдумывая что-нибудь новое, небывалое, списатель житія намѣренно бы кривилъ душою, говорилъ ложь; излагая же общія мѣста, хотя и скучныя, но для благочестиваго читателя назидательныя, какъ молитва — онъ могъ быть увѣренъ, что подъ эту форму подходитъ предметъ его повѣствованія, и потому онъ ничѣмъ не рисковалъ въ глазахъ своихъ читателей, ожидавшихъ отъ него только назиданія, а не развлеченія.

Впрочемъ духовныя повѣствованія и житія Святыхъ, предназначавшіяся для людей грамотныхъ, мало были извѣстны въ массѣ народа, кот. относился къ святынѣ только практически, прибѣгая къ ней въ своихъ нуждахъ, за исцѣленіемъ отъ болѣзни. Такъ что чудеса, кот. цѣлыми сотнями присовокупляются въ концѣ русскихъ житій, также однообразны, какъ была однообразна русская жизнь, и также безцвѣтны, какъ отвлеченно было самое повѣствованіе. Эти чудеса — преимущественно исцѣленія отъ болѣзней — могутъ имѣть нѣкоторый интересъ статистическій для исторіи медицины, свидѣтельствуя о томъ, что въ такой-то мѣстности господствовала такая-то болѣзнь.

Практическое отношеніе къ святынѣ сильно поддерживалось и на Западѣ католицизмомъ, какъ и у насъ, но доходило иногда до крайностей, напр. до игры словъ. Вотъ примѣры изъ народныхъ франц. повѣрій — практическаго отношенія къ святынѣ, основаннаго на игрѣ словъ: Sainte Claire, Sainte Flaminie de Clermont, Sainte Luce — contre les maux d'yeux; Sainte Fort — contre les faiblesses; Saint Mammord — pour le mal aux mamelles. Но на Западѣ это практическое отношеніе всегда, испоконъ вѣку, уравновѣшивалось теоретическими интересами, кот. съ ранней эпохи воспитывались въ народѣ — множествомъ поэтическихъ передѣлокъ житій и другихъ церковныхъ сюжетовъ въ формѣ поэмы или мистеріи, въ кот. свѣтская поэзія расширила замкнутый кругъ идей клерикальныхъ. Такимъ образомъ рано на Западѣ составились поэтическія

братства или товарищества, напр. въ честь Мадонны. Они пѣли стихи, собирались въ церкви въ какую нибудь годовщину, сочиняли и воспѣвали житіе Святого. Когда интересы церкви и вообще христ. цивилизаціи изъ древняго средоточія въ монастыряхъ перешли въ центры городовъ, и когда христ. цивилизація нашла себѣ высшее выраженіе въ готическихъ соборахъ, кот. во множествѣ сооружались по городамъ на главныхъ площадяхъ, тогда особенно поэзія перешла къ городскому населенію и тутъ-то начала процвѣтать литература; и тогда исполненіе мистерій брали на себя городскіе цехи, раздѣляя ихъ иногда по своимъ спеціальностямъ, напр. хлѣбники и винотерговцы взяли себѣ мистерію Брака въ Канѣ Галилейской; кузнецамъ прилично было представлять мистеріи Страстей Господнихъ или Входъ въ Іерусалимъ. Наконецъ очень рано церковные сюжеты были внесены въ шутливыя повѣсти, кот. пошли изъ Франціи – въ fabliaux. Напротивъ того на Руси свѣтскій элементъ не могъ пересилить церковнаго, и народныя массы, пробавляясь самымъ ограниченнымъ выборомъ легендарныхъ темъ, въ своихъ такъ наз. духовныхъ стихахъ, не могли усвоить себѣ всего богатаго содержанія религіозныхъ преданій и легендъ, и относились къ нимъ только съ своими практическими видами. Для примѣра возьмемъ печатное „Сказаніе, коимъ святымъ каковыя благодати исцѣленій отъ Бога даны, и когда память ихъ."

О прозрѣніи слѣпнущихъ очесъ. Молиться Пресв. Богор. Казанской. Іюля 8.
О исцѣленіи отъ головныя болѣзни. Св. Пророку Іоанну Предтечѣ. Августа 29.
О исцѣленіи отъ зубной болѣзни. Св. Муч. Антипѣ. Апрѣля 11.
О исцѣленіи отъ трясавичныя болѣзни. Преп. Марону. Февр. 14.
Аще возненавидитъ мужъ жену свою неповинно. Св. Муч. Гурію, Самону и Авиву. Ноябр. 15.
О сохраненіи здравія младенцевъ. Преп. Симеону Богопріимцу. Февр. 3.
О просвѣщеніи разума къ ученію грамотѣ. Св. безсребренникамъ Козьмѣ и Даміану. Ноября 1.
О изученіи иконнаго писанія. Св. Апостолу Іоанну Богослову. Сент. 26.
О избавленіи отъ виннаго запойства. Муч. Вонифантію. Дек. 19. О томъ же Преп. Моисею Мурину. Августа 28.
О бездождіи и ведрѣ. Св. Прор. Иліи. Іюля 20.
О избавленіи отъ потопленія въ водѣ и бѣдъ и печали. Св. Николаю Чудотворцу. Дек. 6.
О избавленіи отъ скотскаго падежа. Св. Власію. Февр. 11.
О избавленіи отъ падежа конскаго. Муч. Флору и Лавру. Августа 18.
О сохраненіи скота отъ снѣденія звѣрей. Св. Великомуч. Георгію. Апр. 23.
Объ обрѣтеніи украденныхъ вещей и бѣжавшихъ рабовъ. Муч. Іоанну Воину. Іюля 30.

О сохраненіи отъ злаго очарованія. Священномуч. Кипріану и Іустины. Окт. 2.
Сопоставленіе различныхъ жизненныхъ случаевъ съ именами святыхъ, по большей части, имѣетъ свои основанія въ сказаніяхъ и преданіяхъ. Иногда въ самомъ житіи, какъ напр. Кипріана и Іустины, или въ характерѣ Святого, напр. Козьмы и Даміана; иногда въ чудесахъ Святыхъ; иногда въ миѳологіи — Ильи, Власія, или на народномъ стихѣ — о Георгіѣ Храбромъ.

Народныя годовщины имѣютъ тотъже характеръ и укрѣпляютъ на всегда въ народѣ это практическое отношеніе къ жизни святыхъ и святынѣ. Это — народный календарь.

Лекція XXVI (15го Марта 1868 г.). Соединеніе легендарнаго элемента съ народнымъ, эпическимъ даетъ лѣтописи Нестора характеръ вполнѣ національнаго произведенія, полагающаго основу двумъ главнѣйшимъ проявленіямъ народнаго творчества, т. е. былинѣ и духовному стиху: съ одной стороны отъ лѣтописи можно вести исторію русской былины, съ другой — исторію духовнаго стиха.

Какъ монахъ и какъ писатель, воспитанный въ школѣ средневѣковыхъ хронографовъ (изъ Византіи, через Болгарію), Несторъ даетъ большее развитіе легендѣ, нежели народной былинѣ. Нити легендарныя проходятъ черезъ всю лѣтопись. Убѣжденія легенд. свойства составляютъ какъбы канву, на кот. потомъ рисуетъ лѣтописецъ событія русской земли, что вполнѣ согласно съ убѣжденіями древнерусскихъ списателей, т. е. авторовъ вообще — 1/ по самой идеѣ объ исторіи ~~народовъ~~ человѣчества, по идеѣ о руководительствѣ судьбами народовъ отъ Промысла Божьяго — и 2/ по убѣжденію, что все великое возможно только въ оградѣ святости, что великое и святое — одно и тоже, и что герой историческій, если только онъ дѣйствительно герой, т. е. благотворитель человѣчества и народа — есть вмѣстѣ съ тѣмъ и святой человѣкъ.

Обращаюсь къ разсмотрѣнію легендарнаго элемента въ лѣтописи Нестора.

I. Первая легенда, обращающая на себѣ вниманіе — есть легенда объ Апост. Андреѣ (помѣщ. для школъ на стр. 3). Замѣчательно самое мѣсто, гдѣ она помѣщена, такъ что соединеніе одного эпизода съ другимъ въ Лѣтописи часто даетъ разумѣть о томъ, какъ легенды слагались и сшивались, и подъ какимъ вліяніемъ могли быть составлены. Несторъ сначала говоритъ о пути изъ Варягъ въ Грецію: „Бѣ путь изъ Варягъ въ Греки, и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра" и т. д. — потомъ говоритъ о Днѣпрѣ, какъ течетъ онъ изъ „Оковьскаго лѣса," о Двинѣ, о Волгѣ; потомъ — „изъ Руси можетъ ити въ Болгары и въ Хвалисы, на востокъ доити до жребія Симова; а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, отъ Рима до племени Хамова;" затѣмъ указываетъ на Днѣпръ, что эта рѣка втекаетъ въ „Понетьское море" — то море, по берегамъ котораго училъ Ап. Андрей. Такимъ образомъ легенда объ Андреѣ присовокупляется Несторомъ къ сказанію пути „изъ Варягъ въ Греки," „изъ Грекъ по Днѣпру." Вотъ самая легенда: „Якоже рѣша, Андрею учащю въ Синопіи и пришедшю ему въ Корсунь, увидѣ, яко изъ Корсуня близъ устье Днѣпрьское, восхотѣ поити въ Римъ и приде въ устье Днѣпрьское; оттолѣ поиде по

Днѣпру горѣ (вверхъ), и по приключаю (по случаю) приде и ста подъ горами на березѣ. Заутра въставъ и рече сущимъ съ нимъ ученикомъ: «видите ли горы сія? яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божья, имать градъ великъ быти, и церкви многи Богъ воздвигнути имать». Вшедъ на горы сія, благослови я, постави крестъ, и помолився Богу, и слѣзъ съ горы сея, идѣже послѣже бысть Кіевъ, и поиде по Днѣпру горѣ. И приде въ Словѣни, идѣже нынѣ Новгородъ; и видѣ ту люди сущая, како есть обычаи имъ, и како ся мыютъ, хвощутся и удивися имъ.» Это, очевидно, мѣстная легенда, Кіевская — составленная на Югѣ съ рѣзкимъ отличіемъ отъ легендъ Сѣверныхъ, составленная даже какъ бы съ намѣреннымъ противоположеніемъ обычаевъ болѣе цивилизованныхъ, лучшихъ, южныхъ — обычаямъ [illegible], страннымъ, сѣвернымъ. Легенда эта по своему содержанію относится, очевидно, къ тѣмъ апокрифамъ, кот. у насъ слывутъ подъ названіемъ <u>Обиходовъ Апостольскихъ</u>. Эти путешествія Апостоловъ по разнымъ странамъ имѣютъ историческую основу и ведутъ свое начало отъ Дѣяній Апостольскихъ; но благочестивымъ сказаніямъ среднихъ вѣковъ недостаточно было останавливаться на исторической основѣ, ибо каждая страна желала быть освященною стопами Апостоловъ. Истинныя сказанія въ Дѣяніяхъ Апост. пріурочиваются въ раннихъ преданіяхъ церковныхъ къ извѣстнымъ мѣстностямъ: таково сказаніе объ Ап. Петрѣ въ Римѣ, дорогое для преданій католическихъ; подобно этому и другіе народы желали, чтобы страна ихъ освящалась стопами Апостоловъ. Эти преданія, основанныя на историч. данныхъ, очень рано видоизмѣняются фантастическими сказаніями о томъ, что Апостолъ ходилъ по міру вмѣстѣ съ І. Христомъ. Фантазіи легко было сдѣлать шагъ отъ учениковъ къ самому учителю, и тѣмъ легче, что въ раннюю эпоху сказанія окрашивались миѳологическими эпизодами народнаго эпоса; такимъ образомъ І. Христосъ со Своими Апостолами во многихъ сказаніяхъ замѣняютъ странствующихъ миѳолог. героевъ, боговъ съ ихъ спутниками. Цѣлый рядъ этихъ сказаній Яковъ Гриммъ приводитъ въ своемъ „Введеніи къ Нѣмецкой миѳологіи.

Сказавши вообще о сказаніи объ Ап. Андреѣ, мы должны указать на два элемента въ частности: 1) прославленіе Кіева, и 2) намѣренное униженіе Новгорода и обычаевъ Сѣверныхъ, и притомъ униженіе, засвидѣтельствованное самимъ Ап. Андреемъ, который, пришедши въ Римъ, разсказываетъ тамъ, какъ онъ училъ на Руси и что видѣлъ, и говоритъ: «дивно видѣхъ Словѣньску землю, идучи ми сѣмо. видѣхъ бани древяны, и пережьгутъ е рамяно, совлокуться и будуть нази, и облѣются квасомъ усніяномъ, и возмутъ на ся прутье младое, бьються сами и того ся добьютъ, егда влѣзутъ ли живи, и облѣются водою студеною, тако оживутъ, и то творятъ по вся дни не мучимы ни кимъ же, но сами ся мучатъ, и то творятъ мовенье собѣ, а не мученье. То слышаще дивляхуся; Андрей же бывъ въ Римѣ, приде въ Синопію (и оканчивается сказаніе Описаніемъ ...). Очевидно иронический тонъ разсказа говоритъ въ пользу его народнаго происхожденія; и именно — происхожденія Кіевскаго, а не новгородскаго, ибо иронія-то касается Новгородской Словенской страны, т. е. и смѣшныхъ обычаевъ этой страны, о которыхъ такъ

Библіотека
Ивана Егоровича
Забѣлина.

далеко распространилась молва, что даже въ самомъ Римѣ о нихъ говоритъ Ап. Андрей съ своими учениками. Хотя и въ наше время посѣщеніе Ап. Андреемъ горъ Кіевскихъ выдается за истину, однако предки наши, не смотря на прямое свидѣтельство Нестора, не придавали этому преданію особеннаго значенія, или, по крайней мѣрѣ, не было оно распространено въ ихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ; да ниже и самъ Несторъ, какъ увидимъ, сообщившій это преданіе, не умѣлъ согласить его съ своими убѣжденіями. И вообще неоднократно случается встрѣчать въ древнихъ памятникахъ увѣреніе въ томъ, что никто изъ Апостоловъ не бывалъ на Руси. Такъ напр. въ житіи Бориса и Глѣба читаемъ: „Оста же земля Руская и страна прелести идольстій: не убо бѣ ни отъ когоже слышали слово о Бозѣ нашемъ І. Христѣ: не бышад бо ни Апостоли заходили къ нимъ и никто же имъ проповѣдалъ бо слова Божія." Въ житіи Леонтія Ростовскаго — „здѣ бо апостоли не были." Положимъ, что <u>здѣ</u> относится къ Ростову, а не къ Кіеву или вообще Руси, но слѣдующее мѣсто изъ Цвѣтника (XVI в. г Син. Библ.) подтверждаетъ свидѣтельство житія Бориса и Глѣба: это изъ толковныхъ притчей въ вопросахъ и отвѣтахъ: „<u>Вопр.</u> Рече Евангелистъ Лука: да открыется отъ многихъ сердецъ помышленія человѣкомъ. <u>Толкъ</u>: Откройся разбойнику на крестѣ рай, а Логину Сотнику, и Клеопѣ и Луцѣ въ преломленіи хлѣба, Стефану и Петру въ отверженіи, Өомѣ въ осязаніи, Павлу идуще въ Дамаскъ, и прочимъ всѣмъ языкомъ вѣровати во Христа; и откройся послѣди всѣхъ Русскому языку, вѣровати во Отца и Сына и св. Духа, а <u>не бывшу никомуже Апостолу въ русской земли</u>, но поистиннѣ русскому языку милость Божія открыся." (№ 687, л. 25 на обор.). Это мѣсто, очевидно, рѣзко противорѣчащее Свящ. преданію объ Ап. Андреѣ, особенно замѣчательно тѣмъ, что какъ бы проникнуто Славянофильскимъ самохваленіемъ, что русская земля лучше всѣхъ, что она просвѣтилась Христіанской благодатью сама собою, безъ всякаго руководства.

II. Такъ какъ передовые люди въ древней Руси принадлежали къ варяжской дружинѣ и такъ какъ принятіе Христіанской вѣры было знакомъ высшаго развитія, то, безъ всякаго сомнѣнія, самыя раннія легенды о принятіи русскими Христіанства составлены были болѣе или менѣе подъ вліяніемъ варяжскимъ. Потому — 1) осталось преданіе о томъ, что Аскольдъ и Диръ были Христіане, и 2) тоже варяжское сказаніе встрѣчаемъ мы въ эпизодѣ объ Ольгѣ, какъ она отправилась въ Царьградъ, куда любили ѣздить Варяги, и тамъ крестилась. „Иде Ольга въ Греки и приде Царюгороду. Бѣ тогда царь именемъ Цимьскій, и приде къ нему Ольга, и видѣвъ ю добру сущю зѣло лицемъ и смыслену, удивився царь разуму ея, бесѣдова съ нею и рекъ ей: „подобна еси царствовати въ градѣ съ нами." Она же разумѣвши рече ко царю: „азъ погана есмь, да аще хощеши мя крестити, то крести мя самъ..." и т. д. Конецъ этого эпизода напоминаетъ собою народный стихъ: „Бысть же наречено имя ей во крещеньи Олена, якоже и древняя царица, мати великаго Костянтина. Благослови ю патреархъ и отпусти ю. И по крещеньи возва ю царь и рече ей: „хощю тя пояти собѣ женѣ." Она же рече: „како хощеши мя пояти, крестивъ мя самъ и нарекъ мя

дщерью? а въ Хрестеянехъ того нѣсть закона; ты самъ вѣси." И рече царь: переклюкала мя еси, Ольга." и пр. Наконецъ — 3) Варяжскіе мученики Ѳеодоръ и Іоаннъ. Это мѣсто (ср. 44. 45) заслуживаетъ особеннаго нашего вниманія. Основа сказанія о варяжскихъ мученикахъ, безъ сомнѣнія — народное преданіе; но лѣтописецъ, какъ увидимъ, имѣлъ отличный образецъ, чтобы этому сказанію дать видъ тѣхъ типовъ, кот. онъ особенно дорожилъ. И такъ — Владиміръ ходилъ на Ятвяговъ, и побѣдилъ ихъ и возвратился въ Кіевъ. „И иде Кіеву, и творяше потребу кумиромъ съ людми своими, и рѣша старци и боляре: „мечемъ жребій на отрока и дѣвицю; на негоже падетъ, того зарѣжемъ богомъ." Бяше Варягъ единъ, и бѣ дворъ его, идѣже есть церкви Св. Богородица, юже сдѣла Володимеръ: бѣже Варягъ той пришелъ изъ Грекъ, держаше вѣру Хрестеяньску, и бѣ у него сынъ красенъ лицемъ и душею, на сего паде жребій по зависти дьявола. Не терпяшеть бо дьяволъ, власть имѣ надо всѣми, и се бяшеть ему аки тернъ въ сердци, тщашеся потребити оканьный и наусти люди. Рѣша пришедше посланіи къ нему: „яко паде жребій на сынъ твой, изволиша бо й бози собѣ; да створимъ потребу богомъ." И рече Варягъ: „Не суть то бози, но древо; днесь есть, а утро изгнïеть; ни ядять бо, не пьють, не молвять, но суть дѣлани руками въ деревѣ, а Богъ есть единъ, ему же служать Грьци и кланяются, иже створилъ небо и землю, звѣзды, и луну, и солнце, и человѣка, далъ есть ему жить на земли; а си бози что сдѣлаша? сами дѣлани суть; не дамъ сына своего бѣсомъ." Они-же шедше повѣдаша людемъ; они-же вземше оружье, поидоша нань и розъяша дворъ его около его, онъ же стояше на сѣнехъ съ сыномъ своимъ. Рѣша ему: „вдай сына своего, да вдамы богомъ." Онъ же рече: „аще суть бози, то единого собѣ послють бога, да имуть сынъ мой; а вы чему претребуете?" И кликнуша, и посѣкоша сѣни подъ нима, и тако побиша я, и не свѣсть никтоже, гдѣ положиша я. Бяху бо тогда человѣци невѣгласи и погани; дьяволъ радовашеся сему, не вѣдый, яко близъ погибель хотяше быти ему. Тако бо тщашеся погубити родъ хрестеяньскій, но прогонимъ бяше хрестомъ честнымъ и въ иныхъ странахъ: сдѣ же мняшеся оканьный: яко сдѣ ми есть жилище, сдѣ бо не суть апостоли учили, ни пророци прорекли. Не вѣдый пророка глаголюща: и нареку не люди моя люди моя; о апостолѣхъ бо рече: во всю землю изидоша вѣщанья ихъ, и въ конець вселенныя глаголи ихъ. Аще и тѣломъ апостоли не суть сдѣ были, но ученья ихъ аки трубы гласять по вселеннѣй въ церквахъ" и т. д.

Такъ Несторъ противорѣчитъ себѣ: нѣсколько страницъ назадъ онъ же говорилъ объ Ап. Андреѣ! Эти противорѣчія даютъ поводъ предполагать, что лѣтопись не принадлежитъ Нестору вполнѣ, а состоитъ изъ разныхъ списковъ, вставокъ. Главная нить приведенной легенды — очевидна. Это — явное подражаніе сказаніямъ Мартирологій. Въ основѣ историческаго только одно: что были Варяги христiане; все остальное не имѣетъ историческаго правдоподобія. Несторъ обрадовался, что могъ дать русскую обстановку самому избитому, общему мѣсту легендарныхъ сказаній: какъ во времена первыхъ мучениковъ христiанскихъ — императоры, преторіанцы и тому подобныя лица преслѣдовали христiанъ, такъ нужно было и здѣсь двумъ мученикамъ русскимъ дать обстановку: князь, очень ревностный въ язычествѣ, приноситъ жертву кумирамъ, по сказочному мотиву бросаетъ жребій (ср. — дѣвицъ-царевенъ по жребію обреченныхъ на съѣденіе змѣю — въ сказкахъ); отецъ-Варягъ также поноситъ язы. вѣру, какъ съ ироніей относимся къ ней мученики

…тимъ. Это первое. Во 2-хъ легенда эта, очевидно, составлена подъ вліяніемъ Греческимъ: Варяги знаютъ христіанство изъ Грецiи, знаютъ единаго Бога, въ кот. вѣруютъ Греки. Наконецъ въ 3-хъ эта легенда …оитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ легендой объ Ап. Андреѣ, тот. что лѣтописецъ; а если это сказаніе принадлежитъ Нестору – то Несторъ самъ противорѣчитъ себѣ, говоря – „сдѣ бо не суть апостоли учили" и „тѣломъ апостоли не суть сдѣ были."

Лекція XXVII (16-го Марта 1868 г.). III. Когда говорится о великихъ потрясеніяхъ, происходящихъ въ жизни народа, вслѣдствіе принятія Христіанства, когда говорится въ исторіи народа …тѣхъ переворотахъ, кот. совершаются въ нравственной жизни, въ бытѣ народномъ – то здѣсь надо разумѣть только народъ новый, свѣжій, варварскій (въ Европѣ Нѣмцы и Славяне по преимуществу). Что же касается до народовъ классическихъ, то у нихъ переходъ отъ древней, античной жизни къ новой совершался незамѣтно, постепенно, и христіанская религія была только какъ бы новымъ шагомъ, новою ступенью на пути развитія цивилизаціи. Потому-то преданія о принятіи христ. вѣры, о разныхъ событіяхъ болѣе или менѣе чудесныхъ въ жизни народной сохранились гораздо болѣе у народовъ свѣжихъ, варварскихъ, нежели у народовъ классическихъ. Переходъ отъ религіи древней къ новой у классич. народовъ былъ естественнымъ, историческимъ фактомъ; у народовъ-же новыхъ какъ бы еще разъ повторяется въ ихъ сказаніяхъ то великое чудо, которое однажды когда-то было записано для человѣчества въ сказаніяхъ Евангельскихъ.

Мы собственно не знаемъ, каковы были первоначальныя легенды о принятіи Владиміромъ христ. вѣры; то же предлагаетъ намъ Несторъ, – то носитъ на себѣ характеръ литературный. Это уже не народное сказаніе, но передѣлка благочестивымъ монахомъ какихъ-то преданій, до него дошедшихъ. Кое-что въ этой легендѣ носитъ характеръ народный, но все цѣлое отличается характеромъ стройнаго сочиненія, служащаго развитіемъ той главной мысли, что Русскіе приняли христ. вѣру сознательно, относясь къ исповѣданіямъ критически, выбравъ религію греческую, православную между многими другими – Еврейскою, Магометанскою, Католическою. Пріемъ этотъ – богословскій, критическій, какъ видите, совершенно не согласуется съ народными преданіями и съ той степенью цивилизаціи, на кот. мы находимъ Русь въ X в.: въ этомъ крит. отношеніи къ вѣрованіямъ, въ этомъ намѣренномъ сопоставленіи и противоположеніи греческой, правосл. вѣры вѣрѣ Латинской – очевидно вліяніе богословскихъ споровъ, которыми славилась Византія въ VIII, IX и X столѣтіяхъ.

И такъ обращаемся къ самому сказанію. Какъ въ народной былинѣ Князь Владиміръ, называющійся обыкновенно красным солнышкомъ, есть средоточіе богатырей историческихъ, такъ и относительно дух. стиха онъ служитъ связью этихъ народныхъ произведеній съ лѣтописью Нестора: въ Голубиной книгѣ никто другой, а именно самъ князь Владиміръ бесѣдуетъ съ царемъ Давидомъ; ведетъ съ нимъ диспутъ – мотивъ, кот. безъ натяжки можетъ быть возведенъ къ древнѣйшей эпохѣ и сближенъ съ тѣми преніями, кот. ведетъ Кн. Владиміръ съ послами отъ разныхъ народовъ, предлагающими ему принять ихъ вѣры. Очень можетъ быть, что этотъ мотивъ испытанія вѣръ и принятія вѣры восходитъ своимъ началомъ еще къ эпохѣ мифической. Превосходнымъ мин. образцемъ этого можетъ служить преданіе въ Др. Эддѣ – Вафтруднисмалъ, пѣснь о великомъ Вафтруднирѣ, въ которомъ входитъ въ преніе самъ Одинъ.

Предлагаемая легенда объ испытаніи и принятіи вѣры княземъ Владиміромъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей.
1) Приходятъ послы отъ Болгаръ-Магометанъ (ср. Бь-Болгары вѣры Бохмичи — б по переходу изъ м) — изъ Козаръ приходятъ жиды (Жидове Козарьстіи — жиды, стало быть, извѣстны были на Руси въ X в., и одинъ изъ писателей Новгородскихъ, наз. Лука Жидята или Жирята — по особенностямъ Новгор. нарѣчія съ заменою д въ р — указываетъ на жидовское происхожденіе). Что предлагали послы магометанскіе и жидовскіе — извѣстно изъ гимназ. учебниковъ; но обращу ваше вниманіе на то, что Нѣмцы говорили Владиміру и что князь отвѣчалъ имъ. Пренія Владиміра съ Магометанами и Жидами имѣютъ нѣкоторый смыслъ, есть логика въ его отвѣтѣ; но Нѣмцамъ онъ вотъ какъ отвѣчаетъ: «Потомъ придоша Нѣмьци, глаголюще: «придохомъ послани отъ папежа»; и рѣша ему: «рекль ти тако папежь: земля твоя яко и земля наша, а вѣра ваша не яко вѣра наша; вѣра бо наша свѣтъ есть, кланяемся Богу, иже створилъ небо и землю, звѣзды, мѣсяцъ и всяко дыханье, а бози ваши древо суть». Володимеръ же рече: «кака заповѣдь ваша?» Они же рѣша: «пощенье по силѣ; аще кто пьетъ и ястъ, то все во славу Божью, рече учитель нашь Павелъ.» Рече же Володимеръ Нѣмцемъ: «идите опять, яко отци наши сего не пріяли суть.» Да вѣдь отцы-то не приняли и жидовской вѣры и магометанства!.. Отношенія къ катол. религіи выражены здѣсь уже съ точки зрѣнія визант. богослововъ, съ точки зрѣнія тѣхъ сочиненій XI и XII вв., кот. писались нашими благочестивыми святителями объ отношеніяхъ греч. вѣры къ латинству.

2) Приходитъ греч. философъ и предлагаетъ Владиміру все книжное ученіе богословское — изъ Св. Писанія и часто изъ апокрифовъ. Напр. на стр. 49, говоря о томъ, какъ Адамъ и Ева погребали Авеля, убитаго Каиномъ, онъ разсказываетъ: «И плакастася по Авели лѣтъ 30, и не сгни тѣло его, и не умѣста его погрести; и повелѣньемъ Божьимъ птенца 2 прилетѣста, единъ его умре, единъ же ископа ему, и вложи умершаго, и погребе и. Видѣвша же се Адамъ и Евга, ископаста яму, и вложиста Авеля, и погребоста съ плачемъ.» Этотъ апокрифъ до послѣдняго времени въ русской нар. литературѣ пользовался народностью, его находимъ мы въ нар. библіяхъ — въ рукописныхъ съ миніатюрами и печатныхъ XVII и XVIII вв. Весь этотъ эпизодъ о книжномъ ученомъ, философѣ — самъ по себѣ не имѣетъ никакого народнаго значенія; это — богословская компиляція мастерства самого автора, али какого-нибудь другого благочест. человѣка, кот. передалъ его лѣтописцу, и этотъ далъ ему литературную обработку. Что тутъ нѣтъ исторической правды, видно изъ того, что имя самого философа осталось неизвѣстнымъ, чего никакъ не могло бы случиться (тѣмъ болѣе въ такомъ важномъ дѣлѣ какъ крещеніе русскаго князя) — если бы этотъ философъ былъ лицо историческое.
Ученіе свое философъ начинаетъ съ событій ветхозавѣтныхъ, останавливается потомъ на изложеніи событій Евангельскихъ и доводитъ его до картины Страшнаго Суда. Это замѣчательное мѣсто находится на стр. 59:
«Поставилъ же есть Богъ единъ день, въ нь же хощетъ судити, пришедъ съ небесъ, живымъ и мертвымъ, и воздати комуждо по дѣломъ его: праведнымъ царство небесное, и красоту неизреченьну, веселье безъ конца, и не умирати въ вѣки, грѣшникомъ мука огнена, и червь неусыпаяй, и мукамъ не будетъ конца. Сице же будуть мучени, иже не вѣрують къ Богу нашему Іисусу Христу; мучими будуть въ огни, иже ся не крестить. И се рекъ показа Володимеру запону, на ней же бѣ судище Господне, показывая ему одесную праведныя въ весельи предъидуща въ рай, а ошюю грѣшники идуща въ муку; Володимеръ же вздохнувъ рече: «добро симъ одесную, горе же симъ ошюю.» Онъ же рече: «аще хощеши одесную съ праведными стати, то крестися». Володимеръ же положи на сердци своемъ рекъ: «пожду и еще мало», хотя испытати о всѣхъ вѣрахъ. Володимеръ же сему дары многи давъ отпусти и съ честью великою.»

Всякое потрясеніе, совершающееся въ жизни народовъ принятіемъ Христ. вѣры между дикарями, выражается въ древнѣйшихъ сказаніяхъ всѣхъ народовъ въ преданіяхъ о томъ, что Христ. миссіонеры показываютъ дикарямъ картину Стр. Суда, чтобы такимъ образомъ наглядно представить картину права и возмездія - для того, чтобы съ одной стороны - запугать потрясенное воображеніе дикарей, а съ другой - чтобы христ. вѣрѣ дать въ умахъ направленіе нравственное, такъ что этотъ мотивъ въ народныхъ преданіяхъ соотвѣтствуетъ древнѣйшимъ преданіямъ о законѣ и судѣ. Какъ этотъ мотивъ, очевидно вымышленный, свойственъ той отдаленной эпохѣ, къ кот. относится наша легенда, можно видѣть изъ того, что въ Ср. вѣка самымъ любимымъ сюжетомъ и въ искусствѣ и въ поэзіи было изображеніе Стр. Суда, и вообще поэзія и искусство любили сочетать начало и конецъ міра въ одномъ представленіи (на старинныхъ барельефахъ и фронтонахъ романскихъ и гот. соборовъ; въ Ватиканѣ, въ Сикстинской капеллѣ - въ произведеніяхъ Мик. Анджело).

Въ нашей легендѣ мы должны остановиться на двухъ подробностяхъ:

а) Грец. философъ показываетъ Владиміру запону; слѣд. Стр. судъ былъ написанъ не на доскѣ. Вообще изображенія на доскахъ въ старину были рѣдки; въ древнихъ церквахъ не было иконостасовъ - изображенія дѣлались мозаичныя на стѣнахъ и въ куполѣ; кое-гдѣ около царскихъ вратъ на занавѣсахъ помѣщались изображенія частію барельефныя изъ серебра или золота, частію на доскахъ; почти исключительно иконы писались или на пергаментѣ или на полотнѣ. Слѣд. подъ запоною можно разумѣть какое нибудь изображеніе на матеріи или на пергаментѣ; во всякомъ случаѣ, хотя это и вымышленный разсказъ - въ то время было какое нибудь изображеніе Стр. Суда или вышитое на матеріи или нарисованное на свиткѣ.

б). Владиміръ говоритъ: «каждому и еще мало». Эта подробность напоминаетъ одинъ превосходный эпизодъ, записанный нѣмецкими историками, какъ съ такимъ же упорствомъ и еще съ большимъ пієтетомъ къ вѣрованіямъ своихъ отцевъ - является одинъ Фризскій герцогъ Радботъ въ легендѣ о томъ, какъ Св. Вольфрамъ обращалъ его въ Христіанство. Этотъ Фризскій герцогъ, согласившись креститься, уже одною ногою вступилъ въ купель, но вдругъ одумался и спросилъ Вольфрама: «А гдѣ мои предки? между праведными или въ аду?» Проповѣдникъ отвѣчалъ: «Они были язычники и погубили свои души». Тогда Радботъ, выскочивъ изъ купели, воскликнулъ: «Безъ нихъ я не могу жить! Пусть лучше я погибну въ аду, только съ ними вмѣстѣ, нежели буду наслаждаться, но далеко отъ нихъ!» Такъ дьяволъ, врагъ рода человѣческаго - присовокупляетъ лѣтописецъ - омрачилъ Радбота, который на третій день послѣ того померъ и отправился туда, гдѣ были его предки.

III. Самое испытаніе вѣръ - сказаніе о томъ, какъ Владиміръ посылаетъ пословъ узнать, которая вѣра лучше. Въ этомъ эпизодѣ очевидны живыя нити намѣреннаго сложенія въ пользу Грец. вѣры. О Нѣмцахъ (Латинцахъ) говорится глухо. Владиміръ говоритъ посламъ: «идите въ Нѣмцы, съглядайте такожде, и оттудѣ идете въ Греки» (какъ въ намѣренномъ сочиненіи - сначала неважное - Нѣмцы). Они же придоша въ Нѣмцы, и съглядавше церковную службу ихъ (и только!!), придоша Царюграду, и

внидоша ко царю; царь же испыта, коея ради вины придоша, они же сповѣдоша ему вся бывшая. Се слышавъ царь, радъ бывъ, и честь велику створи имъ во отъ же день. На утрiи посла къ патреарху, глаголя сице: „придоша Русь, пытающе вѣры нашея; да пристрой церковь (Св. Софiи) и крилосъ, и самъ причинися въ святительскiя ризы, да видять славу Бога нашего." Си слышавъ патреархъ, повелѣ созвати крилосъ, по обычаю створиша праздникъ, и кадила вожьгоша, пѣнья и лики съставиша. И иде съ ними въ церковь, и поставиша я на пространьнѣ мѣстѣ; показающе красоту церковную, пѣнья и службы архiерѣйски, престоянье дьяконъ сказающе имъ служенье Бога своего; они же во изумлѣньи бывше, удивившеся, похвалиша службу ихъ." По возвращенiи пословъ въ Русь, князь спрашиваетъ ихъ, понравилась-ли имъ какая нибудь служба. Послы повѣдають Князю: „И придохомъ въ Нѣмцы, и видѣхомъ въ храмѣхъ многи службы творяща, красоты же не видѣхомъ никоея же. А вотъ — „придохомъ въ Греки, и ведоша ны, идѣже служатъ Богу своему, и не свѣмы, на небѣ-ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такого вида, ли красоты такоя, и недоумѣемъ бо сказати; токмо то вѣмы, яко онъдѣ Богъ съ человѣки пребываеть, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя; всякъ бо человѣкъ, аще укуситъ сладка, послѣди горести не прiимаетъ, тако и мы не имамы сдѣ быти." Отвѣщавше бояре рекуще: „аще бы лихъ законъ гречьскiй, то не бы баба твоя прiяла Ольга, яже бѣ мудрѣйшая всѣхъ человѣкъ."

Самое любопытное мѣсто въ этомъ сказанiи то впечатлѣнiе, кот. произвела на русских пословъ служба въ церкви Св. Софiи — впечатлѣнiе, произведенное великолѣпiемъ греческаго искусства и греч. службы. Это одинъ изъ любопытнѣйшихъ фактовъ для исторiи эстетическихъ идей нашихъ предковъ. Какъ бы то ни было — прямо-ли дошло до Нестора это сказанiе, или онъ самъ его составилъ — онъ отдаетъ полную справедливость греч. искусству, которое было выше всѣхъ другихъ какъ относительно искусства образовательнаго, такъ и относительно церковной музыки.

__Лекцiя XXVIII__ (22го Марта 1868 г.). IV. За легендою о принятiи Владимiромъ христ. вѣры слѣдуетъ легенда объ убiенiи сыновей его, св. мучениковъ — князей Бориса и Глѣба. Это — самое раннее изъ отдѣльныхъ житiй, или точнѣе — мартирологiй, въ кот. только идея древнихъ мартирологiй о страданiяхъ Христ.-мучениковъ за христ. вѣру въ борьбѣ съ язычниками — получаетъ другой, новый видъ въ примѣненiи христ. братской любви къ современному состоянiю древней Руси, раздѣленной на удѣлы. Легенда эта въ раннюю эпоху была обработана, кромѣ Нестора, другимъ монахомъ и очень рано занесена была въ наши Прологи. Она нами разобрана въ отношенiи обществ. и государств. идей древней Руси; теперь сдѣлаемъ нѣсколько замѣчанiй.

1) Легенда эта, какъ она изложена у Нестора — имѣетъ видъ уже литерат. сочиненiя, и потому отличается общими мѣстами за недостаткомъ историческихъ данныхъ и подробностей изъ быта древней Руси. Между общими мѣстами особенно бросаются въ глаза — продолжительныя молитвы святыхъ князей, ихъ разсужденiя о братской любви ~~самой~~ и незлобiи, похвала братской любви самого составителя; но еще болѣе — литературный, искуственный видъ этого произведенiя, явствующiй изъ отсутствiя типическихъ жизненныхъ очертанiй въ личностяхъ Бориса и Глѣба, кот. являются безцвѣтными, какъ бы тѣнями, такъ что Святополкъ Окаянный въ сравненiи съ ними выглядываетъ болѣе живою, дѣйствительною личностью.

2) Ранняя столкновенiя Южной Руси съ Ляхами, постоянныя связи съ этимъ слав. племенемъ — дали извѣстное направленiе и этой легендѣ. Это — конечно — историческiй фактъ, но онъ не могъ не отразиться въ томъ направленiи, которому слѣдовалъ составитель житiя Бориса и Глѣба.

истцемъ за убіеніе Бориса и Глѣба; въ кн. Ярославѣ-Несторъ видѣлъ поборника за Русь, ...нно-противъ вліянія Польскаго, кот. подчинился Святополкъ Окаянный, вызвавшій Бол... ...скаго себѣ въ защитники. Особенно очевидно это извѣстное направленіе въ ненавист... ...чкамъ высказывается въ самомъ концѣ сказанія—о судьбѣ Святополка Окаянна... ...разбитый братомъ—„пробѣжа Лядьскую землю, гонимъ Божьимъ гнѣвомъ ... пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже злѣ животъ свой." Хотя и досель ... въ пословицѣ выраженіе—между Чахи и Ляхи—но тѣмъ не менѣе—здѣсь ... фразу географически, и соединеніе Ляховъ и Чеховъ указываетъ на то, ... составлено сказаніе, старина Чехопольская представлялась ...

3). Въ сказаніяхъ о русскихъ Святыхъ не разъ замѣчается группи... ...ствами: если какой нибудь князь (напр. Георгій) пострадалъ за Христ. о... ...лась къ лику Святыхъ, да и дѣти. Так. образомъ у Святого князя Вла... ...его Святыми мучениками. Впрочемъ, нужно замѣтить при этомъ, ... были раньше признаны Святыми Борисъ и Глѣбъ, нежели Владиміръ.

V. Сказаніе о благочестіи и книжномъ ученіи Ярослава и о построеніи многихъ церквей ... украшеніи Кіева (стр. 85). Хотя это мѣсто, по содержанію, никоимъ образомъ не можетъ быть названо легендою, но должно быть приведено здѣсь на томъ основаніи, что, какъ священное сказаніе, оно было внесено въ Пролога, какъ бы въ похвалу Кн. Ярославу, кот. мстилъ Святополку Окаянному за своихъ братьевъ. Вотъ это мѣсто: „Заложи Ярославъ городъ великый Кіевъ, у негоже града суть Златая врата; заложи-же и церковь Святыя Софія, митрополью, и посемъ церковь на Золотыхъ воротѣхъ святыя Богородицѣ Благовѣщенье, посемъ Св. Георгія манастырь и Св. Ирины. И при ... в. нача вѣра Хрестьяньская плодитися и расширяти, и черноризьци почаша множитися и манастыреве починаху быти (это особенно подходитъ подъ идею прологовъ). И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше повелику, излиха же черноризьцѣ, и книгамъ прилежа и почитая ѐ часто въ нощи и въ дне; и собра писцѣ многы, и прекладаше отъ Грекъ на Словѣньское писмо, и сп... книгы многы, и списка, имиже поучащеся вѣрніи людье, насл... аются ученья божес...

Далѣе параллель между Ярославомъ и Владиміромъ—„якоже бо се нѣкто землю ра... ...сеетъ" и т. д. Какъ въ греч. прологахъ подъ нѣкоторыми числами отмѣчались ... въ кот. дѣйствующія лица—императоры, такъ въ подражаніи имъ—и въ рук. пролога было ...

VI. Лѣтопись Нестора, какъ всякое другое высокое націон. произведеніе, стоитъ ... ...щими явленіями жизни и нравств. и литерат. дѣятельности народа, слу... ...главнѣйшимъ проявленіямъ народной мысли и слова. Мы уже видѣли ... и нар. стихомъ, видѣли также связь ея съ легендами, кот. примыкаютъ ... съ прологами. Проф. Берл. Университета Пиперъ, въ своемъ сочиненіи ... ..." (изд. 1867 г.), приводя различные источники, какъ монумента... между прочимъ, послѣ отцевъ церкви переходитъ къ Среднев. ... von Kiev (стр. 393–405) предлагаетъ самую лестную характеристи... по отношенію къ его литературной дѣятельности, такъ и по ... его произведеніе представляетъ для археологіи.—Кромѣ это... центромъ, къ кот., между другими, примыкаетъ еще одно важно... и именно Патерикъ, ведущій свое начало отъ Лѣтописи Нестора ... извѣстія о главнѣйшихъ дѣятеляхъ Печерскаго монастыря до XII в.; ... развились сказанія Кіевопеч. патерика. Такъ какъ Несторъ вложилъ част... ...ніи Патерика, излагая подробно нѣкоторые эпизоды, кот. вкратцѣ излага... какъ важнѣйшій эпизодъ, составилъ житіе Препод. Феодосія, очень обши... ...неніе, превосходно обработанное, дошедшее до насъ въ редакціи XIII в.

Сказанія о Кіевопеч. монастырѣ помѣщены въ лѣтописи Нестора въ 3 мѣстахъ въ видѣ эпизодовъ.

1й эпизодъ—на стр. 88, подъ 1051 г. Онъ примыкаетъ случайно, и есть очевидно вставка именно по тому случаю, что Ярославъ поставилъ митрополитомъ въ Кіевѣ Илларіона—Русскаго: „Постави Ярославъ Ларіона митрополитомъ Русина въ святѣй Софьи, собравъ епископы. И ... се да скажемъ, что ... прозвася Печерьскый манастырь" и т. д. Так. образомъ

[illegible] этомъ эпизодѣ разсматривается, какъ была вырыта первая пещера, кто въ ней [illegible] и какъ впослѣдствіи развился цѣлый монастырь — Кіево-Печерскій. [illegible] первый разсказъ доводитъ Несторъ до Өеодосія, вкратцѣ упоминаетъ о томъ, что [illegible] принялъ монастырь въ свое управленіе и ввелъ уставъ студійскаго монастыря, [illegible] эпизодъ на стр. 91 слѣдующими словами: «Се же написахъ и положихъ [illegible] бысть манастырь и что ради зовется Печерьскый, а о Өеодосовѣ житьи [illegible] намекаетъ лѣтописецъ или на особенное житіе Өеодосія, или на мѣсто [illegible] дѣйствительно ниже приводится.

[illegible], по случаю кончины Өеодосія. Здѣсь также къ отдѣльному случаю [illegible] о житіи Өеодосія, а потомъ къ житію Өеодосія присовокупляется [illegible] и о другихъ угодникахъ печерскихъ. «Въ лѣто 6582 (1074). [illegible] преставися. Скажемъ же о успеньи его мало.» Сказавши объ успеніи Өеодосія, [illegible] рядъ очень любопытныхъ характеристикъ Демьяна пресвитера, Матоя прозорливаго, Исакія [illegible] и мн. др. Все это разсказано вкратцѣ, въ видѣ анекдотовъ, въ формѣ, [illegible] въ восточныхъ патерикахъ и особенно въ Синайскомъ, — такъ что изложеніе этихъ эпизодовъ [illegible] лѣтописи стоитъ ближе къ вост. патерикамъ, нежели изложеніе подробное, по главамъ въ патерикѣ Печерскомъ. Если станемъ сравнивать Печ. патерикъ съ вост. патериками, то сходства не найдемъ. Синайскій патерикъ напр. состоитъ просто изъ разсказа о хожденіи монаховъ и ихъ разговорахъ; что же касается до К.П. патерика, то это стройный истори. разсказъ о монастырѣ — какъ онъ возникъ, обстроился, какое участіе въ немъ принимали князья, и затѣмъ въ последовательномъ порядкѣ идутъ біографіи угодниковъ; это скорѣе истори. монограф. объ извѣстной мѣстности. Что касается до эпизодовъ лѣтописи Нестора, то это такое же собраніе анекдотовъ, какъ и въ Син. патерикѣ. Изъ этихъ анекдотовъ приведу [illegible] (стр. 107–108). «Бѣ же и другый старець, именемъ Матоій: бѣ прозорливъ. Единою бо ему [illegible] на мѣстѣ своемъ, возведъ очи свои, позрѣ по братьи, иже стоять по обѣма странама: [illegible] въ образѣ ляха, въ [illegible], и носяща въ приполѣ цвѣтки, иже глаголется лѣпокъ. И обходя подлѣ [illegible] изъ лона лѣпокъ, вержаше на кого любо: аще прилняше къ кому цвѣтокъ въ поющихъ [illegible] и разслабленъ умомъ, вину створь каку любо, изидяше изъ церкве [illegible] възвращашеся въ церковь до отпѣтья; аще ли вержаше на другого [illegible] лѣпокъ въ пѣньи, дондеже отпояху утреннюю, и тогда [illegible] старець, повѣдаше братьи своей.»

[illegible] въ двухъ отношеніяхъ: 1) по извѣстному направленію, кот. [illegible] держивался самъ Несторъ — это именно вражда къ ляхамъ [illegible] является въ образѣ именно ляха, кот. соблазняетъ монаховъ, [illegible] [illegible], позади ненависти къ ляхамъ скрывается ненависть вообще [illegible] [illegible] выраженіе «въ образѣ ляха» замѣчено выраженіемъ [illegible] важенъ особенно тѣмъ, что онъ почти цѣликомъ введенъ въ [illegible] [illegible] Страшнаго Суда) (См. мои Очерки — т. II, 134–136): «[illegible] цвѣтки красны и кидаетъ въ народъ и т. д.» Наконецъ [illegible] подъ годомъ 1091. «Въ лѣто 6599. Игуменъ и черноризци [illegible] отцю нашему Өеодосьеви кромѣ манастыря церкве своея...» [illegible] Өеодосія, событіи, въ кот. участвовалъ и самъ Несторъ. Пользуясь этимъ [illegible] удерживается, чтобы не прибавить подробностей изъ жизни знаменитаго [illegible] служитъ какъ бы дополненіемъ ко второму. Второй же эпизодъ составляетъ [illegible] о Өеодосіи и другихъ угодникахъ Печерскихъ. Вотъ какъ [illegible] о нѣсколькихъ подвижникахъ (стр. 112): «Таци ти быша черноризцы Өеодосьева манастыря, иже сіяють и по смерти яко свѣтила, и молять Бога за сдѣ сущюю братью, и за приносящая въ манастырь, въ немъ же и донынѣ добродѣтельное житье живуть, обще вси вкупѣ, въ пѣньи и въ молитвахъ и послушаньи, на славу Богу вседержителю и Өеодосьевами молитвами соблюдаеми. Ему же слава. Аминь.»

Конецъ.

Издательствомъ заведывалъ А. Мавросъ [illegible]

Составленіемъ этихъ лекцій заведывалъ [illegible]